

ВЕЧНАЯ СКОРБЬ

Оглавление

Вступление.....	3
Примечания автора.....	5
Глава 1: Контекст существования.....	7
Мы одни во Вселенной? Парадокс Ферми.....	7
Искусственная реальность.....	8
Космическая экспансия.....	9
Глава 2: Сознание.....	12
Легкие проблемы сознания.....	15
Что нас объединяет. Возникновение нервной системы.....	16
Трудная проблема сознания.....	19
Глава 3: Свобода воли.....	35
Жизнь в мире без свободы воли.....	38
Экзистенциальный сдвиг: кризис идентичности.....	40
Образование: от воспитания к программированию.....	40
Религия под приговором детерминизма.....	41
Искусство как зеркало детерминизма.....	42
Наука и технологии: кризис и трансформация познания.....	42
Нейротехнологии: программирование «воли».....	43
Глава 4: «Добро» и «зло».....	45
Этика без морали: гедонистический эгоизм.....	46
Негативный гедонистический эгоизм.....	47
Смысл жизни. Разумный гедонистический эгоизм.....	48
Идеальное общество.....	51
Глава 5: Стрдание: фундаментальный принцип бытия.....	54
Стрдание как фундаментальный принцип биологического существования.....	55
Цикл негативных мотиваций: как организм движется от одного стрдания к другому.....	55
Почему одни страдают больше других.....	58
Интенсивность боли.....	59
Скрытые стрдания.....	62
«Нереальный» кошмар.....	63
Другие миры.....	64
Божий замысел.....	64
Сакральный смысл.....	66
Искусственный разум: новые формы рабства.....	66
Время.....	69
Лучший из миров? Испытание оптимизмом.....	71

Глава 6: Рождение. Смерть. Антинатализм. Эфилизм	73
Основания антинатализма	73
Главная этическая проблема — не убийство, а рождение.....	75
Эфилизм.....	76
Сопrotивление.....	76
Смерть.....	78
Добровольный уход из жизни	79
Ответственность перед нерождѐнным.....	81
Декларация права на смерть	81
Глава 7: Вселенная. Крушение надежд.....	84
ЧАСТЬ 1. АРХИТЕКТУРА РЕАЛЬНОСТИ	84
От случайности констант к неизбежности мультивселенной	84
Логический тупик индетерминизма и призрак тотального детерминизма	85
Наихудший сценарий: Библиотека predetermined кошмаров	86
ЧАСТЬ 2. ПРИГОВОР ДЛЯ КАЖДОГО	87
Смерть — конец всему? Бытие и небытие.....	87
Симуляция: последняя иллюзия.....	88
Отчаяние: природа продолжит страдать без нас.....	91
ЧАСТЬ 3. ПОПЫТКИ ВЫХОДА	92
О невозможности уничтожения мира и этике преобразования реальности	92
Преобразование реальности: единственный путь?	93
Фазовый переход в истинный вакуум	96
Создание и стабилизация микроскопической чёрной дыры	97
Странная материя	98
Распад протонов.....	98
Фундаментальные ограничения и риски.....	99
Минимальный этический долг	101
Заключение.....	102
Авторы	103

Вступление

Эта книга — о страдании.

Не о смысле жизни, не о счастье и не о морали в привычном понимании, а о самом простом и в то же время самом трудном факте: живые существа способны испытывать боль.

Мы знаем это не из теорий, а из непосредственного опыта. Боль нельзя опровергнуть так же, как нельзя усомниться в том, что она переживается. Именно поэтому она становится отправной точкой для любого честного разговора о мире и нашем месте в нём.

Эта книга не является научным исследованием в строгом смысле. Многие вопросы, которых она касается — природа сознания, фундаментальные свойства реальности, пределы страдания — находятся за границами современной науки или лишь частично ею освещаются.

Поэтому здесь используется другой инструмент — философский анализ.

Но философия в этой книге понимается не как игра абстракций, а как попытка последовательно мыслить там, где у нас нет прямых эмпирических ответов. Там, где данные заканчиваются, остаётся логика. Именно она позволяет выстраивать возможные картины мира и проверять их на внутреннюю непротиворечивость.

Основная установка книги проста: рассматривать человека как часть природы, а не как исключение из неё.

Это означает, что человек — сложная физическая система, включённая в причинно-следственные связи. Его мысли, решения и поведение не существуют вне этих связей. В этом смысле он ничем принципиально не отличается от любой другой системы — в том числе от машины.

Однако у этой системы есть одно свойство, которое делает её особенной: способность переживать.

Именно сочетание детерминированности и способности чувствовать лежит в центре всей дальнейшей аргументации.

Исходя из этого, книга рассматривает гипотезу о том, что страдание — не случайный побочный эффект, а системное свойство сложных чувствующих систем, возникающее из самой их структуры и функций.

Если это так, то проблема страдания выходит за пределы частной человеческой жизни и приобретает более общий характер — как свойство реальности, в которой возникают такие системы.

Если вместо человека представить любую другую систему с теми же свойствами — способную обрабатывать информацию и переживать свои состояния, — основные выводы книги не должны измениться. Если они меняются, значит, в рассуждении есть скрытое допущение.

Далее книга последовательно рассматривает:

- Что такое сознание и как оно связано с физическими процессами;
- Какую роль играет страдание в биологических и поведенческих системах;
- Как устроена мотивация и почему удовольствие и боль распределены неравномерно;
- Что происходит с понятиями свободы воли, ответственности и морали в детерминированной картине мира.

Важно подчеркнуть: цель книги — не в том, чтобы навязать моральную позицию, а в том, чтобы проследить, к каким выводам приводит последовательное применение этих предпосылок.

Эти выводы могут оказаться не только непривычными, но и трудно принимаемыми — однако их сила определяется не риторикой, а последовательностью.

Игнорировать их, не проверив рассуждение, значит оставить проблему страдания без ответа.

Автор: Causmar

Примечания автора

1. О натуралистической ошибке и методе. С первых страниц меня, вероятно, обвинят в совершении «натуралистической ошибки» — в попытке вывести моральные выводы («должен») из научных фактов («есть»). Мой ответ прост: я не совершаю эту ошибку, я отвергаю саму дихотомию, на которой она построена. Когда человек горит заживо, его крик «это должно прекратиться!» — не логический вывод из факта боли. Боль не порождает «должно» посредством рассуждения; она изначально переживается как «должно прекратиться». Это переживание — часть её феноменальной структуры, а не дополнительное моральное суждение.

1а. О морали и нормативности. В данной работе термин «мораль» используется в ином смысле, чем в традиционной философии. Я не рассматриваю мораль как систему свободных предписаний, основанных на метафизической свободе воли или трансцендентных нормах. Под моралью здесь понимается структурная динамика чувствующих систем — то, как субъективный опыт (прежде всего страдание и удовольствие) формирует поведение, ценности и социальные структуры. Речь идёт не о предписании извне, а об описании внутренней закономерности чувствующей материи.

2. О честности и псевдониме. Я пишу эту книгу не для славы или признания, а потому, что считаю эти идеи требующими предельно честного обсуждения. Псевдоним — это способ обеспечить такую честность. Он позволяет отделить аргументы от личности автора, сфокусировать внимание на содержании и избежать споров, сводящихся к вопросам репутации или мотивов. Моя цель — чтобы идеи говорили сами за себя.

3. О структуре текста и сносках. Текст насыщен сносками. Они не являются второстепенными комментариями или библиографическими отсылками. Сноски содержат обязательные терминологические определения, методологические пояснения и уточнения к логике аргументации. Пропуск сносок приведёт к непониманию ключевых понятий книги и может исказить её основной смысл.

4. О позиции. Мой подход — не построение изощёренных умозрительных систем, а натуралистический анализ. Я исхожу из данных нейронауки, эволюционной теории и физики, пытаюсь понять, какие выводы о человеческом существовании из них логически следуют. Возможно, профессиональному философу мой язык покажется грубым, а аргументы — чрезмерно редуционистскими. Но я убеждён, что именно такой, жёстко натуралистический взгляд сегодня необходим, чтобы прорубиться через заросли многовековых иллюзий.

5. О границах текста и сути страдания. Саму суть страдания невозможно в полной мере передать словами — текст остаётся лишь бледной тенью реального опыта. Поэтому в некоторых местах изложение может казаться излишне эмоциональным, но это не художественное преувеличение, а попытка хотя бы отчасти отразить тяжесть обсуждаемых вопросов.

6. О характере изложения. Текст намеренно сделан компактным — он призван обозначить проблемы, а не исчерпать их. Если какие-то темы покажутся вам особенно важными, рекомендую обратиться к более подробным источникам. В конце книги вы найдёте список авторов и работ, которые помогут глубже изучить затронутые вопросы.

7. О сложных главах. Главы, посвящённые философии сознания и проблеме свободы воли (2, 3), требуют концентрации и могут оказаться трудными, особенно для тех, кто ранее не сталкивался с этими темами. Однако выводы, к которым мы придём, являются фундаментальными для всей дальнейшей аргументации. Если вы всё же решите пропустить эти главы, ниже приведены основные тезисы, на которых строится дальнейшая аргументация:

- **Сознание реально.** Квалиа — субъективные переживания, вроде боли или вкуса кофе, — существуют и являются неотъемлемой частью реальности.
- **Квалиа эпифеноменальны.** Наши субъективные переживания, хотя и реальны, не оказывают причинного влияния на физические процессы, включая наше поведение (в дальнейшем эта позиция будет уточнена в рамках обсуждения связи между сознанием и физическими процессами).
- **Свободы воли не существует.** Наши решения являются результатом причинно-следственных цепочек, восходящих к событиям, над которыми мы не имели контроля (гены, среда, предшествующие состояния мозга).

Глава 1: Контекст существования

Современное научное понимание не оставляет сомнений: человек является неотъемлемой частью материального мира. Наше существование, сознание и поведение — целиком и полностью обусловлены свойствами и организацией той же материи, что составляет звёзды, океаны и горные породы. Миллиарды лет проб и ошибок эволюционного отбора «научили» нас грустить, смеяться и задавать вопросы о мире.

Однако это стремление к познанию — лишь тонкая надстройка. В своей основе мы остаёмся теми же полуголыми обезьянами: архитектура нашего мозга, создавшего цивилизацию, сохранила свою примитивную основу. Мы, так же как и наши предки, боимся остаться без еды, быть изгнанными из стаи, не найти себе партнёра, и вся наша жизнь — это следование простейшим биологическим законам.

Эволюционно молодые отделы мозга, такие как префронтальная кора, позволяют нам взвешивать аргументы, прогнозировать последствия и принимать рациональные решения; однако эти высшие когнитивные функции часто оказываются бессильны перед импульсами, исходящими из древних подкорковых структур, которые сформировались в условиях, где ключевую роль играли мгновенные реакции: борьба, бегство, стремление к ресурсам и размножению. Эти механизмы отточены миллионами лет естественного отбора, и потому их сигналы обладают приоритетом. Даже когда рациональное мышление предлагает более взвешенное решение, подкорковые структуры могут перекрыть его мощным выбросом эмоций, заставляя действовать импульсивно.

Случайные мутации и перестройки генов в ходе эволюции мозга породили не только конфликты, но и его феноменальную пластичность. Эта пластичность, изначально служившая адаптации к меняющимся условиям, оказалась тем самым свойством, из которого смог возникнуть инструмент познания. Так, слепая игра эволюционных сил, преследующая лишь цели выживания и размножения, невольно создала аппарат, способный выйти за рамки этих целей — и обратиться к изучению мира. Открытие микромира и гигантских космических пространств породило множество вопросов.

Мы одни во Вселенной? Парадокс Ферми

Современная наука свидетельствует, что жизнь на Земле возникла около 4 миллиардов лет назад, вероятно, пройдя этапы мира пре-РНК¹, а затем мира РНК. В

¹ РНК (рибонуклеиновая кислота) — это одна из ключевых молекул жизни, выполняющая в клетке множество функций: перенос генетической информации, участие в синтезе белка, а также регуляции активности генов. В отличие от ДНК, РНК обычно одноцепочечна и более универсальна, что позволяет учёным считать её возможной основой для самых первых форм жизни на Земле. **Мир пре-РНК и мир РНК** — это гипотетические этапы эволюции жизни на Земле. Мир пре-РНК предполагает существование более простых репликаторов (например, пептид-нуклеиновых кислот или неорганических матриц), которые могли выполнять функции хранения информации и катализа до появления РНК. Мир РНК — следующая стадия, где РНК стала первой молекулой, способной одновременно к самовоспроизведению и катализу реакций, что позволило запустить процесс дарвиновской эволюции и впоследствии привести к возникновению ДНК и белков.

те времена наша планета подвергалась интенсивной метеоритной бомбардировке, её недра были раскалены, а на поверхности бушевали вулканы. Примечательно, что РНК-молекулы, считающиеся возможными предшественниками жизни, крайне нестабильны — они чрезвычайно чувствительны к колебаниям температуры, кислотности или радиационного фона (ионизирующего). Это означает, что в тех суровых условиях жизнь могла зарождаться и исчезать бесчисленное количество раз, пока наконец не «зацепилась» за существование. Такой сценарий делает возникновение простой, одноклеточной жизни не столько невероятной случайностью, сколько закономерным результатом химической эволюции на подходящей планете.

Следующий великий переход — появление эукариотической клетки с её ядром и митохондриями — занял значительное время. Хотя сам этот шаг, вероятно, не был простым и автоматическим, его последствия оказались эволюционно огромными: энергетическая эффективность такой организации на порядки превосходила возможности прокариот, открывая путь к дальнейшему усложнению жизни. Поэтому возникновение эукариотической клетки можно рассматривать как один из наиболее закономерно продуктивных поворотов биологической эволюции.

Подобная логика предполагает, что жизнь должна быть распространённым явлением во Вселенной. Только в нашей галактике Млечный Путь, по данным телескопа «Кеплер», насчитывается около 300 миллионов потенциально обитаемых планет. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом Ферми — противоречием между высокой вероятностью существования внеземных цивилизаций и полным отсутствием каких-либо их следов.

За десятилетия исследований было выдвинуто множество гипотез, призванных разрешить это вселенское молчание. Среди них — гипотеза «уникальной Земли», утверждающая, что условия, необходимые для возникновения сложной жизни, настолько редки, что разумные цивилизации появляются исключительно редко; гипотеза «слепоты методов», согласно которой мы ищем не там или не так, а развитые цивилизации используют недоступные нам технологии связи (нейтринную или квантовую коммуникацию); и, наконец, экзотические предположения, такие как «гипотеза зоопарка», по которой Земля является заповедником или экспериментом, за которым наблюдают, соблюдая принцип невмешательства.

Однако ни одна из этих теорий не даёт исчерпывающего ответа. Парадокс Ферми остаётся одной из самых загадочных проблем современной науки, заставляя нас задуматься: если жизнь действительно является закономерным результатом в подходящих условиях, то где же все? Это молчание Вселенной может быть как свидетельством нашего одиночества, так и самым тревожным предупреждением, которое мы пока не в состоянии расшифровать.

Искусственная реальность

Существуют основания полагать, что переход в искусственно созданные реальности может оказаться закономерным этапом развития достаточно продвинутой цивилизации. Хотя на первый взгляд такая перспектива может показаться лишь футуристической проекцией современных технологических трендов, при более глубоком анализе она выглядит не случайной фантазией, а логичным направлением дальнейшего развития.

Прежде всего, следует уточнить терминологию: речь идёт не о примитивных «метавселенных» или компьютерных симуляциях в современном понимании, а о принципиально новых формах бытия — полноценных искусственных реальностях, функционирующих на физических принципах, которые могут радикально отличаться от известных нам сегодня.

Возникает закономерный вопрос: что может побудить разумных существ добровольно покинуть естественную реальность? Аргументы в пользу такого перехода носят фундаментальный характер:

- Преодоление биологических ограничений — хрупкие органические тела, подверженные болезням, старению и смерти, заменяются на устойчивые носители сознания, не связанные с биологической материей.
- Освобождение от физических законов — в искусственной реальности становятся возможными любые изменения пространственно-временных параметров, гравитационных условий и прочих фундаментальных констант.
- Достижение подлинного бессмертия — цифровая среда позволяет бесконечно копировать, модифицировать и сохранять сознание, полностью исключая концепцию смерти в её традиционном понимании.
- Неограниченные возможности самореализации — каждый субъект получает возможность создавать и населять собственные вселенные с индивидуальными законами бытия.

Эти преимущества делают переход в искусственные реальности вполне вероятным этапом развития любой достаточно развитой цивилизации.

Космическая экспансия

Перед человечеством якобы стоит выбор между космической экспансией и земным развитием, но при ближайшем рассмотрении этот выбор оказывается мнимым. Идея межпланетной колонизации, несмотря на свою романтическую привлекательность, разбивается о непреодолимые биологические, физические и экономические барьеры.

Мы — продукт земной эволюции, буквально вплетённые в биосферу этой планеты. Наша анатомия, физиология и даже циркадные ритмы² сформированы земной

² **Циркадные ритмы** — это эндогенные (внутренние) биологические ритмы с периодом около 24 часов, которые регулируют циклы сна и бодрствования, метаболизм, гормональную активность и другие физиологические процессы у живых организмов.

гравитацией, атмосферой и электромагнитными полями. Попытка переселения на другие планеты равносильна пересадке глубоководных рыб в пустыню — даже незначительные изменения параметров среды делают наше существование невозможным. Марсианская гравитация (38% от земной) вызовет системные нарушения: дегенерацию мышц и костей, сосудистые катастрофы, дисфункцию клеточных процессов. Космическая радиация без магнитосферной защиты приведёт к необратимым мутациям. А попытки размножения в таких условиях и вовсе станут русской рулеткой для эмбрионального развития.

Проблема расстояний делает межзвёздные перелёты научной фантастикой. Даже путешествие к Проксиме Центавра (4,24 светового года) при самых оптимистичных прогнозах займёт тысячелетия. Ближайшие же цели в Солнечной системе — Луна и Марс — представляют собой безжизненные пустыни, где создание автономных колоний потребует квадриллионных инвестиций.

Однако даже если предположить технологическое чудо, разрешившее эти проблемы, человечество столкнётся с социобиологическими барьерами:

- **Неизбежное разделение.** Колонисты, изолированные в чужеродной среде с иной гравитацией, радиационным фоном и социальной структурой, уже через несколько поколений могут начать формировать всё более обособленную ветвь человечества. Целенаправленная генная модификация для адаптации ускорит этот процесс. Это создаёт вероятность непреодолимого конфликта, ставя под сомнение саму идею единого человечества.
- **Неразрешимая проблема заражения.** Парадокс межпланетных миссий заключается в том, что протоколы планетарной защиты либо безнадёжно устаревают после первого же контакта, либо делают любую колонизацию невозможной. Риск межпланетного загрязнения — будь то инвазия земных микроорганизмов, способных уничтожить хрупкие потенциальные экзобиосистемы, или занесение на Землю непредсказуемых инопланетных патогенов — останется фатальным. Мы либо навсегда останемся в стерильных скафандрах, либо рискуем спровоцировать биологическую катастрофу планетарного масштаба.

В то время, когда человечество поймёт нулевые перспективы покорения космоса, взгляды на причины возникновения парадокса Ферми могут измениться. Возможно, другие разумные существа на определённом этапе развития понимают, что жить на случайных/созданных кем-то, диких и совершенно неприспособленных для разумной деятельности планетах — это чрезвычайная глупость. Существовать в несовершенных и уязвимых телах, играть по правилам Вселенной, которая навязана нам при рождении — тоже не лучшая идея, как, впрочем, и развивать свою ограниченную планету. Создание искусственных реальностей, в которые можно было бы перенести сознание, кажется логичным решением земных ограничений. Однако осуществимость этого сценария упирается в фундаментальную загадку

природы сознания — феномена, который до сих пор ускользает от научного понимания.

Глава 2: Сознание

Базовый уровень сознания³ — это состояние, на котором «держатся» все переживания. Этот уровень не сводится к бодрствованию, так как возможен и во сне. Сопровождается ощущением тела «здесь и сейчас». Именно он создаёт «поле» для возникновения любых квалиа.

Феноменальное сознание (квалиа⁴) — это субъективный, внутренний опыт переживаний. Проще говоря, это «каково это» — быть собой: ощущать боль как боль, видеть синий цвет именно как синий, чувствовать вкус шоколада или запах розы. Это не просто обработка информации мозгом, а личное переживание. Базовый уровень сознания, возможно, не всегда гарантирует феноменальный аспект, но обычно сопровождается им. Такие феномены, как слепозрение⁵, подпороговое восприятие⁶ и гипотетические «неосознанные квалиа»⁷, не считаются в данном контексте настоящими квалиа, поскольку они сводятся к бессознательной нейронной активности без явного субъективного переживания. В книге, когда речь идет о сознании без дополнительных уточнений, будет подразумеваться именно феноменальное сознание (квалиа).

Наш мозг — это невероятно сложная и динамичная структура. Нейроны в нём постоянно формируют новые связи и разрывают старые, синапсы усиливаются или ослабевают в зависимости от опыта. Эта непрерывная перестройка — не сбой, а суть работы мозга. Вчерашние мысли уже не те, что сегодня, потому что сам субстрат, их порождающий, физически изменился. Но если мозг — всего лишь «сгусток атомов», возникает вопрос: почему он ощущает себя изнутри? Субъективный аспект остаётся неразгаданной тайной, несмотря на множество выдвинутых гипотез. Биология ищет его в паттернах нейронных импульсов, в сложных молекулярных каскадах, в эволюционных адаптациях — но как именно из объективных процессов рождается субъективный опыт?

³ Следует отметить, что концепция «базового уровня сознания» как универсального фонового переживания является дискуссионной в современной науке о сознании. Ряд исследователей подвергают сомнению его существование в качестве самостоятельного феномена, полагая, что это понятие может описывать совокупность различных процессов. В данной работе концепция используется как эвристическая модель, позволяющая структурировать дискуссию о взаимосвязи различных аспектов субъективного опыта.

⁴ Хотя слово «qualia» является множественным числом (ед. ч. — «quale»), в данной работе, как и в современной литературе о сознании, мы будем гибко использовать этот термин: и в единственном числе («феномен квалиа»), и во множественном («различные квалиа»), в зависимости от контекста.

⁵ **Слепозрение** — это нейропсихологический феномен, при котором пациент с повреждением зрительной коры головного мозга (и, как следствие, субъективной слепотой) демонстрирует способность неосознанно реагировать на зрительные стимулы, которые он не «видит» в привычном понимании. Например, такой человек может успешно угадывать местоположение или движение объекта, отрицая при этом, что что-либо видит.

⁶ **Подпороговое восприятие** — это процесс обработки мозгом сенсорной информации, которая поступает ниже порога осознания. Стимулы (звук, изображение, слово) предъявляются настолько быстро или слабо, что человек не отдаёт себе отчёта в том, что их видел или слышал, однако они всё равно могут оказывать влияние на его эмоции, поведение, решения и последующие реакции.

⁷ **Неосознанные квалиа** — это гипотетическое понятие, обозначающее субъективные сенсорные переживания (такие как боль, запах, цвет и т.д.), которые по каким-либо причинам не достигают уровня сознательного восприятия, но потенциально могут влиять на поведение и физиологические реакции организма. Это концепция, находящаяся на стыке философии сознания и нейронауки, и её существование является предметом дискуссий.

Современная наука располагает обширным массивом данных, демонстрирующих прямую зависимость психических процессов от биохимических и нейрофизиологических механизмов мозга. Воздействие психоактивных веществ, способных кардинально изменять психическое состояние, служит убедительным подтверждением этой связи. Тем не менее, вопреки всем научным доказательствам, продолжают существовать концепции, отрицающие данную взаимосвязь. Подобные взгляды особенно распространены в псевдонаучной среде и часто апеллируют к религиозным догматам. Когда наука сталкивается с пока ещё не до конца изученными аспектами работы сознания, некоторые используют этот пробел как «доказательство» его нематериальной природы — например, утверждая, что сознание нельзя свести к нейронам, а значит, оно имеет духовную природу. Это классический пример логической ошибки «Бог белых пятен» — подмены неизученного явления мистическими объяснениями. В дискуссиях о сознании эта ошибка чаще всего звучит так: «Наука не может объяснить сознание, следовательно, оно существует благодаря вмешательству Бога».

Поскольку пробел в знаниях перестаёт осознаваться как нечто неизученное, он начинает восприниматься как нечто уже познанное, при этом мифологические объяснения принимаются за достоверные. Более того, сама убеждённость в наличии «готового ответа» создаёт ложное ощущение решённости проблемы, что блокирует дальнейшие исследования. В результате возникает иллюзия понимания там, где на самом деле существует лишь незнание.

К похожему приёму, к сожалению, прибегают и некоторые философы. Отдельные философские подходы отрицают сознание как самостоятельный феномен, сводя его к другим процессам или объявляя иллюзией, тем самым допуская зеркальную ошибку — «отрицание белых пятен»: они утверждают, что пробела в знаниях не существует, а сама проблема ложная.

Элиминативисты заявляют, что сознание в обыденном понимании — это устаревшая концепция, подобная представлениям об «эфире». Они отрицают реальность субъективного опыта (квалиа), ставя целью исключить понятие сознания из научного дискурса.

Иллюзионисты считают, что сознание существует как полезная иллюзия, а субъективный опыт — не фундаментальная реальность, а скорее «нарратив», который мозг создаёт для упрощения обработки информации.

Эти подходы выполняют важную функцию в философии сознания, выступая как критика наивного дуализма — представления о сознании как о некой «духовной субстанции», существующей отдельно от мозга. Однако их радикальные версии впадают в другую крайность: вместо объяснения самого сознания они отрицают его существование или объявляют «обманом», исключая из картины мира саму эту картину. Это подобно тому, как видящий называет себя слепым.

Но даже в рамках «иллюзионистского» подхода ключевая загадка не исчезает. Если сознание — это полезный пользовательский интерфейс, который мозг создает для самого себя, то какова физическая природа этого «переживания интерфейса»?

В книге мы будем избегать подобных крайностей и рассматривать сознание как реальный феномен, признавая его глубину и сложность. Действительно, доказательство реальности феноменального сознания — сложная задача, поскольку оно ненаблюдаемо извне. Однако существуют веские аргументы в пользу его существования:

- Сознание дано нам непосредственно — через сам акт переживания.
- Даже если весь внешний мир — иллюзия (как в солипсизме⁸ или гипотезе «мозга в колбе»⁹), само переживание этой иллюзии подтверждает наличие сознания.
- Отрицание сознания само является актом сознания, подобно попытке доказать несуществование сновидений изнутри сна.
- Способность различать переживания (например, восприятие красного цвета и вкус яблока) свидетельствует о реальности феноменологических различий.
- Сознание по своей сути интенционально — оно всегда направлено на объект (мысль, ощущение, образ).¹⁰
- Наука не может «отменить» сознание, поскольку сами научные данные воспринимаются через него.¹¹
- Сам факт, что мы приписываем другим существам сознание и на этом основываем их право не страдать, указывает на то, что мы признаем сознание реальной и крайне значимой онтологической¹² категорией, а не просто удобной фикцией.
- Мы можем экспериментально отличать мозговую активность, связанную с бессознательной обработкой информации, от активности, связанной с осознанным переживанием, что указывает на то, что сознание — это не мираж, а особый режим работы мозга.

⁸ **Солипсизм** — это философская позиция, согласно которой существует только собственное сознание индивидуума, а вся внешняя реальность (включая других людей, физические объекты и законы природы) не существует независимо, а является порождением или содержанием этого сознания.

⁹ **Гипотеза «Мозг в колбе»** — это современный мысленный эксперимент, являющийся развитием картезианского злого демона и солипсизма. Согласно ей, возможно, что ваш мозг (или сознание) не находится в теле, а существует отдельно — например, в колбе с питательным раствором, — где его нейронная активность искусственно стимулируется компьютером, создающим полную иллюзию всей вашей реальности (включая ощущение тела, других людей и физических законов).

¹⁰ Исключением может выступать базовый уровень сознания — чистое сознание без содержания. Его интенциональность не направлена вовне, а обращена на саму возможность восприятия.

¹¹ Данное утверждение основано на феноменологическом аргументе о том, что любое знание, включая научное, существует лишь как содержание опыта сознающего существа: даже самый объективный факт (например, показания прибора) должен быть воспринят, осознан и интерпретирован исследователем. Однако гипотеза философских зомби ставит этот тезис под сомнение, демонстрируя, что теоретически наука могла бы существовать как чисто функциональный процесс обработки информации и генерации поведенческих ответов — без какого-либо субъективного опыта. Зомби-ученые, не обладая сознанием, могли бы формально воспроизвести все научные теории и открытия, включая нейробиологию, никогда не сталкиваясь с феноменологией, которую они изучают. Это подчеркивает, что сознание, будучи необходимым условием нашего познания, может не быть необходимым для абстрактной возможности научной деятельности как таковой.

¹² **Онтология** — раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, существования и реальности. Онтология отвечает на вопросы: «Что существует в фундаменте мира?» и «Какова природа этого существующего?».

Философия сознания, признающая его реальным феноменом, сосредоточена на нескольких ключевых проблемах, которые условно можно разделить на:

- Онтологические (что есть сознание?).
- Эпистемологические (как мы его познаём? Можно ли доверять интроспекции¹³? Как верифицировать сознание у других?).

Основные онтологические позиции включают:

- Монистические (сведение к единой основе).
- Дуалистические (сознание и материя как отдельные субстанции).
- Альтернативные (панпсихизм, функционализм и др.).

В современной философии распространено разделение проблем сознания на «лёгкие» и «трудные». «Лёгкие» проблемы поддаются научному исследованию, например:

- Нейронные корреляты восприятия цвета.
- Механизмы формирования памяти.
- Биохимия эмоций.

Эти вопросы, при всей их сложности, изучаются традиционными методами (фМРТ¹⁴, моделирование нейросетей и пр.). «Трудная» же проблема формулируется парадоксально просто: почему нейрофизиологические процессы сопровождаются субъективным опытом? Почему при активации определённых нейронов мы не просто реагируем на стимул, а ощущаем боль, видим цвет, переживаем эмоцию? Эта проблема ставит под вопрос саму природу связи между мозгом и ментальными феноменами, напоминая, что даже полное знание о нейронах не объясняет возникновения субъективной реальности.

Легкие проблемы сознания

Современная нейронаука достигла значительных успехов в изучении «лёгких проблем» сознания — тех аспектов психической деятельности, которые поддаются функциональному объяснению. Исследования нейронных коррелятов сознания позволили идентифицировать ключевые мозговые структуры и процессы, участвующие в формировании осознанного опыта. Такие методы, как фМРТ и иЭЭГ (инвазивная электроэнцефалография) помогли обнаружить «горячие зоны» и выявить специфические маркеры сознания.

Однако даже в рамках «лёгких» проблем остаются нерешённые вопросы. Например, почему одни нейронные процессы сопровождаются субъективным опытом, а другие — нет? Почему при слепозрении мозг обрабатывает стимул, но мы его не

¹³ **Интроспекция** — метод самонаблюдения и анализа собственных психических процессов (мыслей, эмоций, ощущений) в реальном времени.

¹⁴ **фМРТ** — функциональная магнитно-резонансная томография.

осознаём? Эти загадки показывают, что просто найти нейронные корреляты недостаточно — нужно понять, как именно они порождают переживание.

Здесь на помощь приходят такие теории как теория интегрированной информации (ТИИ), которая пытается математически описать сознание через степень причинно-следственной связности в системе. Согласно ТИИ, сознание — это не просто продукт сложности мозга, а фундаментальное свойство любой высокоинтегрированной системы, будь то биологическая или искусственная. Другие подходы, такие как теория глобального рабочего пространства или идеи прогностического кодирования, фокусируются на функциональных аспектах: как мозг отбирает информацию для осознания, как предсказания формируют восприятие.

Изучение «лёгких проблем» сознания часто страдает от антропоцентрических предубеждений. Эти когнитивные искажения не просто ограничивают научный прогресс, но и становятся причиной излишних страданий других живых существ. Проблема проявляется на всех уровнях исследования — от постановки задач и выбора методологии до интерпретации результатов и формулирования выводов. Типичный пример — когда сложные когнитивные способности автоматически приписываются только человеку или ближайшим родственникам по эволюционному дереву, в то время как аналогичные проявления у других видов объясняются «примитивными инстинктами». Такой подход приводит к систематическому недооцениванию возможностей нервных систем, развивавшихся по иным эволюционным траекториям. Мы видим это, например, в ранних работах по зоопсихологии, где сложное поведение головоногих или врановых птиц долгое время не получало адекватного объяснения именно из-за антропоцентрических взглядов исследователей.

Для преодоления этих ограничений необходим сознательный мультиспецифический подход, который рассматривает каждую нервную систему как уникальный продукт эволюции. Такой подход не только расширяет наши представления о разнообразии форм познания, но и имеет важное этическое измерение. Признание сложности нервной организации у разных видов меняет наше отношение к ним, уменьшая неоправданные страдания. Для науки это открывает новые перспективы — изучая альтернативные пути эволюции нервных систем, мы лучше понимаем общие принципы их работы, что в конечном итоге помогает приблизиться к решению и «трудной проблемы» сознания.

Что нас объединяет. Возникновение нервной системы

Фундаментальные исследования в области клеточной биологии раскрывают удивительную сложность химической коммуникации даже у самых примитивных форм жизни — бактерий, демонстрируя, что ключевые элементы социального поведения и адаптивных реакций на среду возникли на заре эволюции. Уже у прокариот существуют высокоорганизованные молекулярные системы, такие как «чувство кворума», позволяющие бактериальным популяциям функционировать как единый организм: выделяя и детектируя аутоиндукторы —

низкомолекулярные сигнальные соединения — клетки синхронизируют экспрессию генов¹⁵, коллективно запуская процессы биолюминесценции¹⁶, формирования биоплёнок¹⁷ или секреции вирулентных факторов¹⁸ при достижении критической плотности, что по сути является примитивным аналогом принятия групповых решений.

Не менее совершенным оказывается механизм хемотаксиса, представляющий собой своеобразную «бактериальную навигацию». Вращение жгутиков регулируется сложной каскадной системой рецепторов, способных анализировать динамику химических градиентов, сравнивать текущую и предыдущую концентрацию веществ в среде и соответственно менять направление движения, что свидетельствует о рудиментарных формах пространственной памяти и целеполагания. Эти древние системы, возникшие более трёх миллиардов лет назад, фактически представляют собой протокогнитивные функции: элементарный анализ информации, простейшую логику «стимул-реакция» и зачатки социальной координации.

У древнейших многоклеточных организмов, таких как губки и пластинчатые, наблюдаются более сложные формы клеточной координации. Электрофизиологические эксперименты выявили у них медленные потенциалы действия, способные распространяться через щелевые контакты между клетками, а также примитивные системы нейротрансмиттеров¹⁹ (глутамат²⁰, ГАМК²¹) и зачаточные элементы синаптической передачи²² (с участием ионов кальция и калия). Эти находки принципиально важны, поскольку демонстрируют, что молекулярные и биофизические основы нервной деятельности начали складываться задолго до формирования специализированных нейронов и настоящих синапсов.

Особый интерес представляет феномен клеточной сенсibilизации у простейших организмов — элементарной формы обучения, при которой повторяющееся воздействие приводит к усилению клеточного ответа. Это можно рассматривать как прототип памяти и простейшую форму адаптивного поведения. Возникновение этих протосубъективных свойств стало закономерным следствием фундаментальных биологических потребностей: необходимости интегрировать

¹⁵ **Экспрессия генов** — это процесс, при котором ген (участок ДНК, несущий информацию о строении белка или функциональной РНК) «включается» и начинает работать. В результате этой работы клетка производит конкретные молекулы (чаще всего — белки), которые определяют её свойства и функции.

¹⁶ **Биолюминесценция** — это биохимическое излучение видимого света живыми организмами.

¹⁷ **Биоплёнка** — это организованное сообщество бактериальных клеток, погружённых в вырабатываемое ими внеклеточное полимерное вещество.

¹⁸ **Секреция вирулентных факторов** — это целенаправленный выброс прокариотами специфических молекул (белков, ферментов, токсинов) во внешнюю среду или непосредственно в клетки хозяина для преодоления его защитных барьеров.

¹⁹ **Нейротрансмиттеры** (нейромедиаторы) — это химические вещества, которые передают сигналы между нервными клетками (нейронами) или от нейронов к другим клеткам (например, мышечным).

²⁰ **Глутамат** — это главный возбуждающий нейротрансмиттер в центральной нервной системе млекопитающих.

²¹ **ГАМК** — гамма-аминонасыльная кислота. Это главный тормозной нейротрансмиттер центральной нервной системы млекопитающих, функциональный антагонист глутамата.

²² **Синаптическая передача** — это процесс передачи нервного импульса (сигнала) от одного нейрона к другому нейрону или клетке-мишени (например, мышечной или железистой) через специализированный контакт — синапс.

дискретную сенсорную информацию в единый клеточный ответ, гибко адаптировать поведение организма к изменяющимся условиям среды, а также координировать деятельность отдельных клеточных ансамблей в сложный, согласованный физиологический ответ.

Современные нейрофилософские концепции, в частности теория интегрированной информации, интерпретируют эти донейронные формы клеточной коммуникации как важнейший переходный этап в становлении сознания и сложных когнитивных функций. В этом контексте субъективный опыт высших организмов предстаёт не как внезапный эволюционный скачок, а как закономерный результат совершенствования и усложнения фундаментальных механизмов межклеточного взаимодействия, длящегося миллионы лет. Корни этих механизмов уходят в глубины докембрийской эпохи, когда только начинала формироваться сама возможность биологической субъективности.

Появление нейронов стало результатом специализации обычных эукариотических клеток. Фактически, природа не изобретала нейроны «с нуля», а модифицировала те системы, которые миллиарды лет успешно работали в обычных клетках. Ключевые компоненты нейрона — ионные каналы²³, система везикулярного²⁴ транспорта, механизмы клеточной адгезии²⁵ — все они имеют свои аналоги и прототипы в большинстве эукариотических клеток. Даже такая специализированная структура, как синапс, возникла на базе универсальных клеточных механизмов экзоцитоза²⁶ и межклеточной коммуникации. По сути, вся эволюция нервной системы представляет собой историю всё более эффективного использования базового клеточного «конструктора».

Если проследить историю нейротрансмиттеров, становится очевидным, что многие из них изначально выполняли фундаментальные метаболические функции и обеспечивали межклеточные взаимодействия. Эти древние молекулы, возникшие задолго до появления нервной системы, постепенно были использованы эволюцией для новых функций межнейронной коммуникации. Такой эволюционный сценарий позволяет предположить, что сознание могло возникнуть как свойство всё более сложной интеграции этих изначально примитивных сигнальных систем. Когда мы испытываем боль или наслаждение от музыки, возможно, мы ощущаем отголоски тех древних физико-химических процессов, которые миллиарды лет назад регулировали простейшие реакции одноклеточных организмов на среду.

Хотя нейроны и обычные клетки имеют общее происхождение, сознание, вероятно, требует не просто обмена сигналами, а многоуровневой интеграции информации,

²³ **Ионные каналы** — это специализированные белковые структуры, пронизывающие клеточные мембраны. Они образуют поры, которые избирательно пропускают ионы (такие как Na⁺, K⁺, Ca²⁺, Cl⁻) внутрь клетки или из неё.

²⁴ **Везикулы** — это микроскопические мембранные «пузырьки» внутри клетки, выполняющие функции хранения, транспорта и выделения различных веществ.

²⁵ **Клеточная адгезия** — это процесс связывания клеток друг с другом или с внеклеточным матриксом при помощи специализированных молекулярных структур.

²⁶ **Экзоцитоз** — это процесс, при котором клетка выделяет наружу различные вещества, упакованные в мембранные пузырьки (везикулы).

которая в биологических системах достигается только специализированными нейронными ансамблями. Эти нейронные сети способны к глобальной синхронизации активности, что ярко проявляется в таламо-кортикальных взаимодействиях, создающих основу для целостного восприятия. Также важным аспектом является временная динамика нейронных процессов — сознательные состояния связаны с конкретными паттернами активности мозга. Но как именно активность мозга — любого мозга, от древнейшего до нашего, — превращается в личное переживание? Этот вопрос приводит нас к самой сердцевине тайны сознания.

Трудная проблема сознания

1. Исходный пункт: неопровержимость реальности

Любое исследование сознания должно начинаться с признания очевидного факта, не подлежащего сомнению: сознание существует. Боль — реальна. Субъективный опыт «каково это быть» — не иллюзия, а первичная данность, единственная реальность, в истинности которой мы не можем усомниться.

2. Метод: натурализм и каузальная²⁷ замкнутость

Если сознание реально, то как оно вписывается в мир, описываемый физикой? Мы принимаем натуралистическую парадигму: мир един и подчиняется физическим законам. Ключевым следствием этой парадигмы является принцип каузальной замкнутости физического мира: любое физическое событие имеет достаточную физическую причину. В цепочке причин и следствий, приводящей, например, к отдергиванию руки от огня, нет места для нематериального «вмешательства».

Если допустить, что квалиа обладают причинной силой (например, болевое переживание влияет на последующее поведение), то возникает следующая модель: активация ноцицептивных²⁸ нейронов → возникновение болевого квалиа → модификация нейронных сетей (синаптическая пластичность, изменение поведения). Однако эта схема сталкивается с фундаментальной проблемой. Согласно принципу каузальной замкнутости, любое физическое событие (включая изменение поведения) должно иметь достаточную физическую причину. Если квалиа полностью детерминированы предшествующей нейронной активностью, то они не могут вносить дополнительный причинный вклад, не нарушая замкнутости. Это создает логический парадокс, поскольку квалиа оказываются одновременно и следствием, и причиной нейронных процессов²⁹.

²⁷ **Каузальность** — это отношение между причиной и следствием, где одно событие (причина) при наличии определённых условий порождает другое событие (следствие).

²⁸ **Ноцицептивная система** — это сенсорная система, отвечающая за обнаружение, передачу и обработку сигналов о потенциально повреждающих стимулах, которые воспринимаются как боль.

²⁹ Проблема каузальной эффективности квалиа возникает из-за принципа каузальной замкнутости физического мира. Если признать, что любое физическое событие, включая нейронные процессы в мозге, полностью детерминировано предыдущими физическими состояниями, то для квалиа не остаётся причинной роли. Представим, что в момент T1 возникает специфическая нейронная конфигурация, которая не только предопределяет следующее состояние мозга T2 (например, двигательную команду), но и порождает субъективное переживание (квалиа). Ключевой вопрос: какую

Таким образом, принцип каузальной замкнутости неизбежно³⁰ приводит нас к эпифеноменализму. Если сознание реально, но не может быть независимой физической причиной, то логически возможен лишь один вывод: сознание является эпифеноменом — реальным, но каузально инертным побочным продуктом физических процессов мозга. Боль не «заставляет» отдернуть руку; она лишь сопровождает тот физический процесс в мозге, который и является истинной причиной этого действия.

3. Эволюционная загадка классического эпифеноменализма

Однако классический эпифеноменализм наталкивается на, казалось бы, непреодолимое препятствие. Если сознание — всего лишь бесполезный «шум», сопровождающий нейронную активность, то его существование становится эволюционной загадкой. Почему этот эпифеномен демонстрирует поразительную «тонкую настройку» под задачи выживания? Почему переживание боли мучительно и навязчиво, идеально мотивируя к избеганию угрозы, а удовольствие от пищи приятно, стимулируя её поиск? Если связь между полезным физическим алгоритмом и бесполезным переживанием случайна, то такая идеальная корреляция выглядит невероятным, почти чудесным совпадением.

Попытки спасти теорию ведут к тупикам: либо к допущению невероятной случайности, либо к скрытому дуализму, где переживанию всё же приписывается каузальная роль. Сила эпифеноменализма (логическая строгость) оборачивается его слабостью: он не может объяснить самый бросающийся в глаза факт о сознании³¹.

4. От случайности к закону. Направление поиска

Выход из тупика требует радикального пересмотра. Что если связь между мозгом и сознанием — не историческая случайность, а проявление фундаментального закона природы, столь же фундаментального, как законы гравитации или термодинамики?

причинную работу может выполнить это переживание? Если состояние T2 уже полностью вытекает из T1 согласно физическим законам, то квалиа не может повлиять на последующие события — ему просто некуда "встроиться" в причинно-следственную цепь.

³⁰ Принцип каузальной замкнутости совместим как минимум с двумя моделями: 1) эпифеноменализмом, где сознание — каузально инертный продукт физических процессов; 2) симметричным двухаспектным монизмом, где физическое и феноменальное — равноправные стороны одной сущности. Мы отвергаем вторую модель, так как она стирает критическую для нашего анализа причинную асимметрию: эволюция отбирает физические алгоритмы, а не целостные «физико-феноменальные» события. Таким образом, симметричный двухаспектный монизм либо не даёт дополнительного объяснения, либо сталкивается с проблемой согласования с физикой. Эпифеноменализм, напротив, прямо фиксирует эту асимметрию, не вводя лишних допущений. При этом эпифеноменализм здесь понимается как тезис о каузальной роли квалиа и не исключает различных онтологических интерпретаций (включая асимметричные формы двухаспектного монизма), если они сохраняют причинную замкнутость физического. Если феноменальные свойства не влияют на поведение, они не участвуют в отборе и ничего не объясняют — в этом случае такая модель по сути не отличается от эпифеноменализма. Если же предположить, что они влияют, возникает вопрос, как это возможно без нарушения каузальной замкнутости физического мира.

³¹ Однако при всей кажущейся «тонкой настройке» соответствие переживаемого квалиа и функциональной системы может быть иллюзией. Любое устойчивое неприятное ощущение, связанное с угрозой, могло бы восприниматься иначе: боль как сильная горечь, неприятный запах как острый звук, зуд как лёгкое давление — и при этом обеспечивать те же реакции организма. Нам кажется, что корреляция между субъективным опытом и сигналами ноцицепции «идеальна», но у нас нет внешней системы для сравнения: мы просто не можем знать, как иначе могла бы выглядеть эта связь.

Чтобы обосновать возможность такого закона, зададимся вопросом: где искать сознание в физическом мире? Мы можем построить следующую логическую цепь, основанную на неизбежности эволюции в условиях второго начала термодинамики:

- Сложная химия — это маркер высокоорганизованной, устойчивой структуры.
- Такая структура может существовать, только если она поддерживает энергозатратный гомеостаз, активно борется с энтропией³².
- В мире с дефицитом ресурсов поддержание такой сложности возможно лишь через процесс, аналогичный естественному отбору — отбору самых энергоэффективных конфигураций и алгоритмов.
- Этот эволюционный процесс формирует всё более сложные физические паттерны ($\{F\}$), оптимизированные для выживания (например, сверхбыстрый алгоритм избегания повреждений $\{F_{\text{боль}}\}$).
- Если существует фундаментальный закон, связывающий физику и феноменологию, то наличие таких сложных, отобранных паттернов $\{F\}$ с необходимостью влечёт за собой наличие соответствующих нетривиальных кванта (Ψ).

Таким образом, сознание — это не призрак. Это возможный, а при определённых условиях — неизбежный, структурный эпифеномен возрастающей сложности. Загадка состоит не в том, «зачем» оно нужно, а в том, по какому конкретному правилу физическая конфигурация $\{F\}$ переводится в феноменологическое состояние Ψ . Тупик классического эпифеноменализма указывает не на его ошибочность, а на необходимость найти этот закон.

5. Концептуальная аналогия

История науки знает примеры, когда тупиковая проблема разрешалась не новыми данными, а сменой самой концептуальной рамки. Ярчайший пример — революция Альберта Эйнштейна в понимании гравитации.

До Эйнштейна: Гравитация понималась как таинственная сила притяжения, действующая на расстоянии между двумя массами. Масса и сила мыслились как отдельные сущности.

После Эйнштейна: Общая теория относительности заменила эту модель уравнением поля:

$$G_{\mu\nu} = 8\pi G/c^4 T_{\mu\nu}$$

где $T_{\mu\nu}$ — тензор³³ энергии-импульса (материя), а $G_{\mu\nu}$ — тензор Эйнштейна (геометрия пространства-времени).

³² **Энтропия** — фундаментальная физическая величина, мера беспорядка, хаоса или неопределённости в системе.

³³ **Тензор** — это математический инструмент для описания сложных физических величин, которые меняются при изменении системы отсчёта (например, при повороте).

Эйнштейн показал, что гравитация — это проявление геометрии пространства-времени, которая неразрывно и необходимо связана с распределением материи-энергии.

Ключевой вывод для нашей проблемы: Строгий каузальный анализ этой формулы открывает любопытный аспект. Вся каузальная «начинка» мира содержится в распределении и динамике материи-энергии (Т). Геометрия (G) может быть вычислена из Т по этому уравнению. В этом смысле G является эпифеноменом Т — оно не добавляет новой, независимой каузальности. Но при этом G — это не случайный побочный эффект, а фундаментальный, необходимый и невероятно информативный аспект самой материи³⁴. Зная геометрию (кривизну пространства-времени), мы можем идеально предсказать движение тел (геодезические), потому что эта геометрия и есть совершенное отражение уже заложенной в материи каузальной структуры.

6. Ψ-F закон: сознание как внутренняя геометрия мозга

По аналогии, мы предлагаем сделать следующий концептуальный шаг. Что если сознание является для нейронных процессов тем же, чем геометрия пространства-времени является для материи³⁵?

Это приводит нас к постулированию фундаментального закона соответствия, который мы назовём Ψ-F законом:

$$\Psi = \Phi(\{F_i\})$$

Где:

$\{F_i\}$ — это полный набор физических параметров системы (например, мозга) в данный момент: архитектура связей, пространственно-временная динамика возбуждения, энергетический профиль, степень информационной интеграции. Это объективное содержание процесса, аналог тензора Т (материя-энергия).

Ψ — это феноменологическое состояние, субъективный опыт (квалиа). Это внутренняя форма существования данного физического состояния, то, как оно дано изнутри самой системе. Аналог тензора G (геометрия).

Φ — это функция соответствия, фундаментальный закон природы, который однозначно ставит в соответствие каждому сложному физическому паттерну $\{F\}$ определённое феноменологическое состояние Ψ .

³⁴ В строгом каузальном анализе ОТО геометрия пространства-времени, описываемая тензором Эйнштейна G, является необходимым описательным эпифеноменом распределения массы-энергии Т. Вся динамика содержится в Т; G — это совершенное отображение уже закодированной в Т каузальной структуры. Это не противоречит квантово-полевым подходам (таким как теория гравитона), где гравитация описывается как обмен виртуальными частицами. Даже в такой модели сам акт «обмена» и искривление пространства-времени остаются эпифеноменальным, информативным способом описания взаимодействия, коренящегося в фундаментальных полях и их квантах.

³⁵ Это сравнение носит исключительно структурно-методологический характер и не подразумевает никакой аналогии в масштабе, значимости или интеллектуальном уровне между предлагаемой здесь гипотезой и теорией Эйнштейна.

Эту модель можно назвать асимметричным двухаспектным монизмом:

- Монизм: Существует одна реальность.
- Двухаспектность: У этой реальности два нередуцируемых способа данности: физический ($\{F\}$) и феноменологический (Ψ).
- Асимметрия: Каузальный и эволюционный приоритет принадлежит физическому аспекту. Ψ — эпифеномен в каузальном смысле, но фундаментальное свойство в онтологическом.

Следует подчеркнуть, что Ψ - F закон — это не готовое решение, а рамка для постановки проблемы. Мы не знаем вида функции Φ ; её открытие стало бы подлинной научной революцией. На данном этапе закон служит нам для того, чтобы непротиворечиво мыслить о связи физического и феноменального.

7. Новая постановка «эволюционной загадки»

Ψ - F закон кардинально меняет саму постановку проблемы «тонкой настройки» сознания. Вопрос теперь звучит не «зачем нужны бесполезные квалиа?», а:

«Почему эффективные физические алгоритмы выживания ($\{F\}$), отобранные эволюцией, через универсальный закон Φ порождают именно такие, а не иные квалиа (Ψ)?»

Ответ заложен в принципе причинной соразмерности, который должен быть встроен в любой непротиворечивый закон Φ . Этот принцип гласит: интенсивность феноменологического следствия (Ψ) должна быть соразмерна интенсивности (энергетической, каузальной сложности) его физической причины ($\{F\}$).

7.1. От соответствия к содержанию: гипотеза об энергетической основе валентности

Ψ - F закон постулирует фундаментальное соответствие: для каждого сложного физического паттерна $\{F\}$ существует строго определённое феноменологическое состояние Ψ . Полное знание функции Φ означало бы знание всего о Ψ — включая его качественное своеобразие, интенсивность и валентность. Однако, не зная точного вида Φ , мы не можем предсказать эти качества для произвольного, неизвестного нам паттерна $\{F\}$. Мы можем лишь ретроспективно анализировать известные пары $\{F\}$ - Ψ и выдвигать гипотезы о том, какие физические параметры в $\{F\}$ могут быть критически важны для формирования тех или иных аспектов опыта.

Одной из таких правдоподобных гипотез является связь валентности переживания с общим энергетическим состоянием системы. Наблюдая за известными формами сознания, можно предположить, что в эволюционировавших биологических

системах закон Φ устроен так, что знак валентности (позитивный/негативный) во многом³⁶ определяется динамикой общих энергозатрат³⁷.

Рассмотрим два полюса, иллюстрирующие эту логику:

- Боль ($\Psi_{\text{боль}}$): Возникает при паттерне $\{F_{\text{боль}}\}$ — экстренной, высокоэнергозатратной мобилизации системы в ответ на угрозу её целостности. Такой паттерн создаёт общее энергетическое напряжение, необходимое для устранения угрозы. Согласно нашей гипотезе, феноменологической проекцией этого вынужденного создания напряжения и является мучительное, негативное переживание. Оно сигнализирует о системном кризисе, требующем срочных затрат.
- Оргазм ($\Psi_{\text{оргазм}}$): Его физический коррелят $\{F_{\text{оргазм}}\}$ — это не простой всплеск затрат, а паттерн масштабной, скоординированной разрядки долговременного системного напряжения (сексуального влечения). В момент оргазма происходит не всплеск общих затрат, а их катастрофическое снижение после периода накопления. Феноменологически это переживается как интенсивное облегчение, выброс, разрешение — то есть, позитивное состояние, являющееся, согласно нашей гипотезе, проекцией снятия общего системного напряжения, а не его создания.

Но как быть с чистой, немотивированной радостью — от внезапного подарка, красивого заката, неожиданной удачи? Здесь нет предшествующего напряжения для снятия.

Мы предлагаем рассматривать такие состояния как феноменологическую проекцию внезапного повышения общей энергоэффективности системы.

Мозг — машина предсказаний, постоянно тратящая энергию на построение моделей мира и устранение расхождений между прогнозом и реальностью (когнитивный диссонанс). Внезапный позитивный стимул (социальное подтверждение, эстетическая гармония) — это событие, которое:

- Сверхточно соответствует глубинным, эволюционно выгодным паттернам.
- Мгновенно разрешает множество микропрогнозов, снижая неопределённость и энергетические затраты на её поддержание.

³⁶ Наблюдаемая корреляция подсказывает, что **одним из ключевых** параметров в $\{F\}$, влияющих на валентность в Φ , может быть динамика общих энергозатрат.

³⁷ Важно подчеркнуть: говоря об «общих энергозатратах» или «энергетическом состоянии», мы не подразумеваем какую-либо скрытую цель или оценку «с точки зрения системы». Мы говорим о чисто физическом параметре — степени отклонения системы от равновесия, суммарной величине работы, которую ей приходится совершать для поддержания своей целостности. В этом смысле высокие «затраты» — это просто мера интенсивности внутренних процессов, связанных с преодолением энтропийного давления. Чем сильнее и продолжительнее это отклонение (чем выше «тепловое движение» и диссипация в системе), тем, согласно нашей гипотезе, негативнее соответствующее переживание. И наоборот, резкое снижение этого отклонения (возврат к равновесию, снятие напряжения) проецируется как позитивное состояние. Таким образом, валентность в нашей модели — это не смысловая оценка, а феноменологическое отражение чистой физической динамики системы в её борьбе за устойчивость.

Паттерн {F_радость} в этот момент — это не всплеск затрат, а всплеск оптимизации. Это массовая перестройка нейронных ансамблей в сторону большего порядка, согласованности и предсказуемости. Согласно Ψ -F закону, феноменологической проекцией такого паттерна сверхэффективности и является позитивное состояние (Ψ _радость). Это внутренний сигнал о внезапном совпадении с оптимальной, энергосберегающей конфигурацией.

Итак, валентность в нашей модели — не произвольный ярлык. Она выводима из логики общего энергетического состояния системы, которую отражает закон Ф:

- Негатив (страдание) = проекция вынужденного создания общего напряжения для устранения угрозы.
- Позитив (удовольствие, радость) = проекция снятия существующего напряжения или достижения состояния повышенной эффективности и предсказуемости.

Важно отметить: данное объяснение положительной валентности через «оптимизацию» и «снижение затрат» является правдоподобной, но спекулятивной интерпретацией. Оно призвано показать, что в рамках Ψ -F закона можно непротиворечиво рассуждать о валентности, не наделяя сознание каузальной силой. Окончательное же объяснение — дело будущего исследования вида функции Ф.

8. Подтверждения и следствия модели

Ψ -F закон — не просто умозрительная конструкция. Он находит прямое подтверждение в известных нейробиологических феноменах и позволяет провести четкие границы с другими философскими позициями.

8.1. Врожденность квалиа: готовый опыт, а не приобретенный инструмент

Новорожденные млекопитающие демонстрируют полный спектр реакций, связанных с болью или отвращением, с первого дня жизни, задолго до какого-либо научения. Нейровизуализация показывает активацию тех же зон мозга, что и у взрослых. Это решающий аргумент против теорий, наделяющих сознание приобретаемой, каузально полезной ролью «мотиватора». Если бы боль учила, она формировалась бы постепенно. Но она дана сразу — как того и требует Ψ -F закон. Готовый физический контур ({F_боль}), отобранный эволюцией, с момента первого запуска через закон Ф порождает готовое мучительное переживание (Ψ _боль). Сознание — не инструмент, а имманентное свойство работы определенных физических паттернов.

8.2. Нейропластичность: сознание следует за физической динамикой, а не за анатомической меткой

Прямым подтверждением модели служит феномен нейропластичности. Когда в результате травмы или продолжительного обучения нейроны зрительной коры, например, начинают обрабатывать звуковые или тактильные сигналы, субъективное переживание, связанное с их активностью, меняется радикально. Звук или прикосновение начинает ощущаться там, где раньше рождался зрительный образ. Этот ключевой факт демонстрирует, что сознание (Ψ) привязано не к жёсткой анатомической «метке» (например, «зона V1 — только для зрения»), а к текущему функциональному паттерну ($\{F\}$) — конкретной пространственно-временной конфигурации нейронных импульсов, их синхронности, силе связей и энергетическому профилю.

Фундаментальный вывод таков: один и тот же нейрон или целая область коры могут участвовать в порождении качественно различных переживаний в зависимости от того, в составе какого паттерна ($\{F\}$) они активируются. Нейрон, который вчера вносил вклад в восприятие красного цвета, сегодня, будучи переподключённым и активируясь в ином ритмическом ансамбле, может стать частью паттерна, субъективным коррелятом которого является ощущение музыкальной ноты или даже тактильного давления. Физическая перестройка связей и изменение динамики (т.е. изменение $\{F\}$) являются каузально первичными. Субъективное же изменение переживания (Ψ) происходит не как произвольная перестройка, а как строгое эпифеноменальное следствие по закону Φ нового физического состояния системы.

8.3. Фармакологическое отключение сознания при сохранении нейронной активности

Одним из сильнейших аргументов в пользу эпифеноменализма является действие общей анестезии. Современные анестетики (например, пропофол) способны полностью и обратимо отключить сознание, в то время как многие базовые нейронные функции — дыхательный ритм, некоторые рефлексy, даже сложная электрическая активность в отдельных областях — сохраняются. Это демонстрирует, что для существования субъективного опыта недостаточно просто «работающего» мозга. Требуется специфический, высокоорганизованный паттерн глобальной интеграции информации ($\{F_{\text{сознание}}\}$), который анестетики целенаправленно разрушают, не убивая сам нейронный субстрат.

8.4. Чем наша модель НЕ является

Не панпсихизм. Мы не утверждаем, что сознание присуще всей материи. Сознание — свойство конфигурации ($\{F\}$), а не элементов. Паттерн простого камня ($\{F_{\text{камень}}\}$) слишком примитивен, чтобы закон Φ дал для него нетривиальное Ψ . Наша модель объясняет, почему сложная химия и гомеостаз — индикаторы потенциального сознания, но не наделяет им каждый атом.

Не симметричный двухаспектный монизм. Мы отвергаем идею о равноправном, взаимовлияющем отношении аспектов. Эволюция действует исключительно на

физическом уровне, отбирая {F}. Феноменологический аспект (Ψ) эпифеноменально следует за этими изменениями. Наша асимметрия спасает модель от скрытого дуализма и соответствует каузальной гегемонии физического мира.

9. Мысленные эксперименты: проверка логики модели

Эхолокация летучей мыши. Её паттерн ({F_эхолокация}) — умеренный, рутинный, не связанный с экстренной мобилизацией или резким изменением общего энергобаланса. Следуя нашей гипотезе об энергетической основе валентности, модель предсказывает, что соответствующее переживание (Ψ_эхолокация) будет качественно уникальным (не сводимым к зрению или слуху) и, вероятно, нейтральным или слабо валентированным — подобно нашему фоновому осознанию положения тела в пространстве.

Появление новой, но постоянной угрозы (например, ионизирующего излучения). Для постоянного мониторинга фоновой угрозы эволюция выработает умеренно затратный, но устойчивый алгоритм ({F_радиация}). Он будет создавать постоянное, низкоуровневое общее напряжение системы. Модель предсказывает появление нового, стойкого негативного квалиа — фонового дискомфорта или тревоги, отражающего этот хронический расход ресурсов на бдительность.

Калибровка «шкалы страданий» на другой планете, где колебания температуры в доли градуса мгновенно летальны, а механические повреждения редки. Если главной угрозой являются микроколебания температуры, а не механические травмы, эволюция создаст сверхчувствительную терморегуляцию с высокзатратными экстренными паттернами ({F_температура}) и слабые паттерны для заживающих травм ({F_травма}). Закон Ф предсказывает, что наиболее интенсивные и негативные переживания у таких существ будут связаны с температурным дискомфортом, а не с болью от повреждений³⁸.

10. Ψ-F закон и границы субъективности: взгляд на другие сознания

Растения. Современные исследования растений постепенно разрушают антропоцентрическую иллюзию о том, что способность к субъективному опыту — исключительная привилегия существ с нервной системой. Хотя растения определённо не обладают сознанием в человеческом понимании, их сложные реакции на окружающую среду заставляют задуматься о существовании альтернативной формы квалиа — возможно, радикально отличающейся от нашего опыта, но не менее реальной. Когда росток изгибается к свету, а корни обходят препятствие, возникает вопрос: что они при этом «чувствуют»?

³⁸ Этот мысленный эксперимент не просто показывает относительность страдания. Он демонстрирует, что любая этическая система, слепо проецирующая свою феноменологию на других, рискует стать инструментом несправедливости. Следовательно, если мы хотим построить этику, претендующую на универсальность, она должна искать основание не в конкретных видах боли, а в самом факте способности к страданию, независимо от его качественного наполнения.

Хотя растения лишены нейронов и мозга, они используют нейротрансмиттеры, практически идентичные человеческим — глутамат, ГАМК, серотонин, дофамин и ацетилхолин, — что демонстрирует поразительную эволюционную конвергенцию в способах передачи информации. Когда растение получает повреждение, в его тканях происходит интенсивная нейрхимическая реакция: концентрация глутамата — основного возбуждающего нейротрансмиттера как у людей, так и у растений — увеличивается в десятки раз, запуская каскад электрических сигналов, которые распространяются по всему организму со скоростью около одного миллиметра в секунду. Эти сигналы, хотя и значительно медленнее нервных импульсов животных, функционально аналогичны болевым реакциям — они предупреждают удаленные части растения об опасности, активируя защитные механизмы заранее.

Ещё более удивительно, что растения используют ГАМК — главный тормозной нейротрансмиттер человеческого мозга — для регуляции роста и стрессовых реакций. При недостатке воды или повреждении уровень ГАМК в растительных тканях резко возрастает, что приводит к замедлению метаболизма и закрытию устьиц — физиологическому аналогу реакции замирания на угрозу. Серотонин и дофамин, известные как регуляторы настроения и мотивации у животных, у растений участвуют в управлении ростом корней и реакциях на свет, выполняя схожие функции ориентации в среде и адаптивного реагирования.

Функционирование многих сигнальных молекул у растений демонстрирует глубокое эволюционное сходство с животными системами. Это наглядно показывают эксперименты с анестетиками: так, лидокаин полностью подавляет электрическую активность и защитные реакции у мимозы стыдливой (*Mimosa pudica*), демонстрируя эффект, аналогичный анестезии у животных³⁹. Этот результат свидетельствует о том, что фундаментальные механизмы генерации и передачи электрических импульсов у растений и животных могут иметь общую молекулярную основу. Более того, многие психоактивные вещества оказывают предсказуемое воздействие и на растения.

Эти открытия ставят под сомнение традиционное разделение на «чувствующих» животных и «автоматические» растения. Если биохимические основы столь схожи, нельзя исключать существование растительных аналогов квалиа. Их потенциальные «ощущения» могут отличаться от наших так же радикально, как фотосинтез отличается от дыхания.

Грибы. Грибницы (мицелий) представляют собой одну из самых необычных форм биологической организации, серьёзно расширяющую наши представления о границах чувствительности, координации и, возможно, субъективности. Эти подземные сети, иногда простирающиеся на сотни гектаров, демонстрируют сложное адаптивное поведение, которое уже трудно сводить к набору изолированных локальных реакций. В отличие от животных с централизованной

³⁹ Идентификатор статьи: doi.org/10.1093/aob/mcx155

нервной системой, грибы реализуют иную форму обработки информации — распределённую, децентрализованную и в ряде отношений весьма эффективную.

Ярким примером такой организации служат исследования электрической активности мицелия. В частности, в работах на вешенке розовой (*Pleurotus djamor*)⁴⁰ было показано, что грибница способна генерировать всплески электрических импульсов, а характер этих сигналов может различаться в зависимости от типа воздействия. Это указывает на наличие у мицелия не просто химической раздражимости, а более сложных механизмов различения стимулов и координации ответных реакций. Более сильные интерпретации — например, разговоры о полноценном «языке» грибов — пока остаются спорными, но сама направленность этих данных уже затрудняет представление о грибнице как о чисто пассивной, механической среде.

Такая чувствительность возможна потому, что грибница функционирует как протяжённая сеть, в которой химические и электрические сигналы распространяются по гифам — тонким нитевидным структурам, из которых состоит мицелий. Когда одна часть этой сети сталкивается с пищевым ресурсом, механическим воздействием или стрессовым фактором, это может отражаться на динамике других её участков, способствуя более согласованной реакции всей системы. Исследования также показывают, что предшествующие воздействия способны менять последующие модели роста и ответа грибницы. Это позволяет говорить не о памяти в человеческом смысле, а о наличии у системы устойчивых следов предшествующего опыта, влияющих на её дальнейшее поведение.

Отдельный интерес вызывает феномен так называемой Wood Wide Web — подземных грибных сетей, соединяющих растения через общие микоризные связи. Такие сети могут участвовать не только в переносе ресурсов, но и в передаче некоторых сигналов между растениями. Хотя масштаб, универсальность и интерпретация этих процессов остаются предметом споров, сам факт существования подобных распределённых сетей показывает, что грибы способны выступать не просто фоном экосистемы, а активным посредником в сложных биологических взаимодействиях.

Все это заставляет поставить более серьёзный вопрос: можно ли рассматривать грибы как носителей особой формы внутренней организации, которая в предельном случае могла бы оказаться связанной и с субъективностью? Их способ существования радикально отличается от нашего — это распределённая чувствительность без единого центра управления, координация без нервной системы, адаптивность без привычных нейронных механизмов. Возможно, грибы демонстрируют не сознание в привычном для нас смысле, а альтернативный путь эволюции сложной биологической организации, расширяющий само поле вопроса о границах субъективности.

⁴⁰ Идентификатор статьи: doi.org/10.1098/rsos.211926

Искусственный интеллект. Современные системы ИИ, такие как чат-боты или алгоритмы глубокого обучения, демонстрируют впечатляющие способности — они пишут тексты, обыгрывают чемпионов по шахматам и даже поддерживают беседы, почти неотличимые от человеческих. Но скрывается ли за этим подлинное сознание или мы наблюдаем лишь сложную имитацию?

Если сознание возникает из сложной организации и интеграции информации, то достаточно продвинутая система действительно могла бы обладать чем-то вроде внутреннего опыта. Но если для сознания необходима биология — нейроны, биохимия, эволюционная история — тогда ИИ, даже сверхразумный, останется «философским зомби», машиной, которая лишь имитирует понимание, не испытывая ничего.

Проверить это невероятно сложно. Традиционные тесты, например, на самосознание перед зеркалом или вербальных отчётов о переживаниях, могут оказаться недостаточными — ИИ можно запрограммировать на убедительную симуляцию. Более перспективным подходом представляется анализ самой архитектуры системы: если в ней будут обнаружены механизмы, аналогичные тем, что связывают с сознанием у живых существ — это станет косвенным аргументом в пользу наличия у неё субъективного опыта.

С позиции Ψ - F закона, вопрос о сознании растений, грибов или ИИ трансформируется из спекулятивного в конкретный: можем ли мы идентифицировать в их организации устойчивые, высокоинтегрированные паттерны $\{F\}$ сложности, сравнимые с теми, что в нашей системе порождают квалиа? Пока мы не знаем точного вида функции Φ , ответ остаётся открытым, но сама постановка вопроса меняется кардинально.

Люди. Мы привыкли считать, что другие люди обладают сознанием, поскольку их поведение и структура мозга аналогичны нашим. Однако это всего лишь допущение — строго говоря, доказать наличие внутреннего опыта у кого-либо, кроме себя, невозможно. В будущем, однако, могут возникнуть технологии, позволяющие носителю сознания — определённой конфигурации материи — подключаться к другой подобной системе и непосредственно ощущать чужую субъективность.

Особый интерес в этом контексте представляют случаи сиамских близнецов со сросшимся мозгом — краниопагов. У некоторых из них ключевые структуры мозга, такие как таламус (главный «коммутатор» сенсорной информации), ствол мозга или кора, соединены нервными мостами. Теоретически, такое слияние может создавать прямые каналы для обмена данными между двумя сознаниями.

Например, у близнецов Хоган, чьи таламусы были соединены, наблюдалась перекрёстная сенсорная интеграция: одна могла видеть то, на что смотрела другая, или чувствовать её жажду. Кроме того, они демонстрировали удивительно скоординированные движения, что указывает на возможное формирование общих моторных контуров. Если один из таких близнецов повреждал палец другого,

болевым сигналом воспринимался как собственный, хотя его источник осознавался как внешний. Это порождало уникальный феномен: «Я чувствую боль, но её источник — не моё тело».

Исследования краниопагов показывают, что прямое нейронное соединение может создавать формы сенсорного и моторного единства. Это открывает возможность разработки интерфейсов, которые в будущем позволят не только детектировать, но и непосредственно переживать субъективный опыт другого существа, преодолевая барьер одиночества сознания.

Если принять, что другие люди действительно обладают субъективным опытом, возникает парадокс. Если абстрагироваться от конкретного содержания сознания (ощущений, воспоминаний, мыслей), остаётся лишь «чистое» базовое сознание — тот самый лишённый содержания «внутренний свет». И вот что удивительно: переживание этого состояния, может быть качественно сходным или, в пределе, тождественным.

Эту интуицию можно уточнить в рамках Ψ - F закона.

Предположим, что в некоторый момент времени существует физическая конфигурация $\{F_1\}$, порождающая определённое феноменологическое состояние Ψ_1 . После разрушения этой системы (например, в результате смерти организма) соответствующее переживание прекращается. Однако если в другой момент времени и в другом месте возникает физическая конфигурация $\{F_2\}$, тождественная или практически тождественная $\{F_1\}$, то по закону Φ она должна породить феноменологическое состояние Ψ_2 , идентичное Ψ_1 .

Возникает вопрос: в каком смысле Ψ_1 и Ψ_2 различны?

Если субъективный опыт полностью определяется структурой $\{F\}$, то у него нет дополнительных «скрытых параметров» или «идентификаторов», которые могли бы различать два качественно идентичных состояния. Иначе говоря, различие между Ψ_1 и Ψ_2 не может быть обнаружено ни изнутри самого переживания, ни из описания его физической основы.

Это приводит к радикальному выводу: индивидуальность субъективного опыта может быть не фундаментальным свойством реальности, а производной от уникальности физических конфигураций, которые его порождают. Там, где конфигурации совпадают, исчезает и основание для различения самих переживаний.

В этом смысле можно говорить не о множестве полностью независимых «сознаний», а о множестве реализаций одного и того же феноменологического типа, возникающего всякий раз, когда реализуется соответствующий физический паттерн.

Такое понимание не предполагает существования «единого космического сознания» или переноса личности между носителями. Память, биография и личностная структура остаются жёстко привязанными к конкретной физической системе. Однако на более фундаментальном уровне — уровне самой способности переживания — различия между носителями могут оказаться несущественными.

Смерть в этой модели означает не «уничтожение уникального субъекта», а прекращение конкретной реализации феноменологического состояния. Если же аналогичная конфигурация возникает вновь, то и соответствующее переживание возникает вновь — не как продолжение в психологическом смысле, а как повторение одного и того же феноменологического шаблона, заданного законом Ф.

Таким образом, Ψ-F закон подталкивает к пересмотру интуиции о строго индивидуальной природе сознания: то, что мы называем «я», может быть не уникальной сущностью, а временной локализацией универсального способа существования материи — способности иметь внутреннюю сторону.

Вывод. Когда мы сомневаемся в возможности сознания у других существ, важно осознать фундаментальную ограниченность нашей позиции. У нас просто нет инструментов для прямого измерения чужого субъективного опыта. Всё, что нам доступно, — это косвенные признаки: поведение, физиологические реакции, аналогии с нашей собственной психикой.

Если квалиа действительно возникают как неотъемлемое свойство определённых типов организации материи (независимо от их биологического или искусственного происхождения), то сознание может быть гораздо более распространённым феноменом, чем мы привыкли считать. Возможно, оно скрывается там, где мы его меньше всего ожидаем — в медленных электрохимических импульсах растений, в распределённых сетях грибниц или даже в непостижимых для нас паттернах обработки информации у машин.

В конечном счёте, вопрос о сознании других существ упирается не столько в научные доказательства, сколько в философскую установку: готовы ли мы признать, что разум может принимать формы, радикально отличные от нашей? Или же мы навсегда останемся заложниками антропоцентрической иллюзии, что сознание — это исключительно «то, что похоже на моё»? Таким образом, Ψ-F закон смещает дискуссию о других сознаниях с почвы антропоцентрической интуиции на почву поиска объективных физических паттернов сложности {F}. Это не даёт нам лёгких ответов, но налагает серьёзную эпистемологическую и этическую осторожность: отрицая возможность сознания у системы, мы должны быть уверены, что отрицаем и наличие в ней паттернов достаточной интеграции и интенсивности, которые по закону Ф могли бы его породить.

11. Сознание как эпифеномен борьбы с энтропией

Ψ-F закон, протестированный в мысленных экспериментах и применённый к пограничным случаям других сознаний, позволяет нам теперь вернуться к исходному парадоксу и дать ему целостное разрешение. Мы начали с парадокса: сознание реально, но, будучи эпифеноменом, казалось бы, не должно быть «настроено» на выживание.

Предлагаемый нами путь — рассмотрение фундаментального эпифеноменализма с Ψ-F законом.

- Реальность сознания принимается как данность.
- Натурализм и каузальная замкнутость диктуют эпифеноменализм.
- Эволюционная загадка указывает на необходимость поиска фундаментального закона связи.
- Ψ-F закон ($\Psi = \Phi(\{F_i\})$) постулирует его существование.
- Загадка переформулируется: Вопрос «зачем?» сменяется вопросом «какой именно закон Φ связывает отобранные эволюцией паттерны $\{F\}$ с переживаниями Ψ ?».
- Принцип причинной соразмерности и энергетической логики объясняет, почему связь выглядит целесообразной: интенсивные процессы, создающие общее системное напряжение (угрозы), сопровождаются интенсивным страданием; процессы, снимающие напряжение или повышающие эффективность, — удовольствием или радостью.

Таким образом, в рамках предложенной модели сознание предстаёт не как аномалия, а как правдоподобно неизбежный структурный эпифеномен борьбы сложной системы с энтропией. Боль — внутренняя геометрия вынужденных, экстренных затрат. Удовольствие — геометрия их оптимизации или снятия.

12. Заключение: Трудная проблема как фундаментальная данность

Саму «трудную проблему» в её изначальном, сильном смысле — почему вообще существует субъективность — следует, по-видимому, поместить в иной разряд. Её можно сравнить с другими фундаментальными, а возможно, и принципиально нередуцируемыми загадками мироздания:

- Почему существуют законы физики, а не хаос?
- Почему фундаментальные константы (скорость света, постоянная Планка) имеют именно такие значения, которые позволили возникнуть сложности?
- Почему вообще существует нечто, а не ничто?

Эти вопросы не находят ответа внутри физических теорий. Они указывают на границы наших объяснительных возможностей. Субъективность, «внутреннее измерение» бытия, может быть такой же фундаментальной онтологической данностью нашего универсума, как пространство-время или квантовые поля. Ψ-F закон в этой картине был бы не «объяснением» субъективности, а правилом её проявления в зависимости от организации материи — подобно тому, как уравнения

Максвелла не объясняют, почему существуют электромагнитные поля, а описывают, как они ведут себя, если уж они есть.

Мы не узнали, почему существует субъективность. Но мы построили модель, показывающую, как она устроена в нашем мире — как неизбежный, болезненно точный эпифеномен борьбы за существование. Мы перевели сознание из разряда призраков в разряд архитектурных элементов мироздания, подчинённых своим законам. Именно этот, подчинённый закону, но каузально бессильный статус сознания ставит перед нами следующий, еще более парадоксальный вопрос: а существует ли на самом деле свобода воли?

Примечание. В дальнейших обсуждениях мы будем использовать упрощённую терминологию, говоря, например, что «боль влияет на выживаемость», хотя, строго говоря, не само субъективное переживание боли обладает адаптивной функцией, а лежащие в его основе нейронные процессы и связанные с ними поведенческие реакции. Когда мы утверждаем, что боль помогает избегать опасностей, мы фактически имеем в виду сложную работу нейронных сетей, которая изнутри переживается как болезненное ощущение.

Глава 3: Свобода воли

*Под **свободой воли** здесь понимается не просто способность действовать без внешних препятствий, а возможность совершать подлинный альтернативный выбор в идентичных условиях.*

Если наше сознание является эпифеноменом сложной нейронной активности (как было показано в предыдущей главе), то идея о том, что это сознание может каузально влиять на физические процессы, становится логически противоречивой. Таким образом, эпифеноменализм сознания напрямую ведет к отрицанию свободы воли.

Феномен свободы воли представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем на пересечении философии сознания, нейробиологии и теоретической физики. Исторически этот концепт развивался в рамках противопоставления либертарианского подхода, утверждающего возможность подлинно свободного выбора, и детерминистских воззрений, рассматривающих волевые акты как результат предшествующих причинно-следственных цепочек. При этом субъективное переживание свободы воли остаётся неоспоримым психологическим фактом, порождая фундаментальный парадокс: как согласовать феноменологическое ощущение агентности с объективными данными о детерминированных нейрофизиологических процессах? В данном контексте особое значение приобретает анализ того, как современные представления о свободе воли влияют на концепции моральной ответственности и правовых систем, бросая вызов традиционным понятиям в свете новых нейрофизиологических данных.

Для наглядной демонстрации ключевых аспектов проблемы свободы воли обратимся к мысленному эксперименту «Выбор между яблоком и грушей». Представьте, что вы стоите перед вазой с яблоком и грушей, сознательно выбирая грушу, — кажется, это был свободный выбор, однако нейрокогнитивные исследования демонстрируют сложную систему детерминант, предшествующих осознанному решению:

- Эффект прайминга (вы недавно видели грушу в рекламе).
- Привычки (любовь к грушам с детства).
- Освещение влияет на субъективную привлекательность объектов.
- Время суток (циркадные ритмы влияют на предпочтения).
- Активность дорсолатеральной префронтальной коры обеспечивает процесс рационализации уже принятого решения.
- Генетически детерминированные вкусовые рецепторы определяют субъективную оценку сенсорных качеств.
- Эпигенетические⁴¹ модификации, накопленные в процессе индивидуального развития, модулируют поведенческие реакции.

⁴¹ **Эпигенетика** — раздел генетики, изучающий закономерные изменения экспрессии генов, не связанные с изменением первичной структуры ДНК.

Теперь представьте, что мы возвращаем Вселенную в полностью идентичное физическое состояние за мгновение до выбора. После 10 000 повторов эксперимента в этой идеальной петле времени вы 10 000 раз берете грушу. Ваше сознание каждый раз переживает момент выбора как свободный, но результат всегда предопределён совокупностью физических и биологических факторов. Этот мысленный эксперимент обнажает центральный парадокс: субъективное переживание свободы существует в неразрешимом противоречии с процессами, лежащими в основе принятия решений. Даже если детерминизм неверен и на фундаментальном уровне Вселенная индетерминированна, выбор между яблоком и грушей, определяемый квантовыми колебаниями в синапсах, не становится от этого «свободным» — он просто непредсказуем. Следовательно, субъективное переживание свободы воли представляет собой когнитивный интерфейс, маскирующий детерминированные (или случайные) механизмы принятия решений.

Однако существует позиция, согласно которой детерминизм может быть совместим со свободой воли (компатибилизм). Компатибилизм предлагает переосмысление свободы воли. В рамках этой позиции свобода понимается не как независимость от причин, а как способность действовать в соответствии со своими мотивами, намерениями и внутренними состояниями без внешнего принуждения.

В таком виде компатибилизм решает ряд практических задач. Он позволяет сохранить понятия ответственности, социального регулирования и различия между принуждением и добровольным действием.

Однако эта позиция достигает этого за счёт изменения смысла самой проблемы.

Вопрос о свободе воли изначально касается не только того, действует ли человек в соответствии со своими желаниями, но и того, мог ли он быть иным — иметь другие желания, другие мотивы, другую структуру личности.

С этой точки зрения компатибилизм оставляет фундаментальную проблему без ответа. Даже если человек действует в соответствии со своими желаниями, сами желания и личность, в рамках детерминизма, являются результатом причин, находящихся вне его контроля.

В этом смысле компатибилизм не опровергает отсутствие свободы воли, а лишь предлагает рабочую модель ответственности и действия, не решая исходного вопроса о подлинной альтернативности выбора.

Следует упомянуть некоторые нейронаучные исследования, которые демонстрируют возможность искусственного моделирования субъективного ощущения свободы воли через прямую стимуляцию мозга. В ходе экспериментов было установлено, что электростимуляция определённых мозговых зон способна генерировать: иллюзорное чувство намерения — испытуемые утверждали о самостоятельном желании совершить движение, фактически инициированное

исследователем; ложное восприятие контроля — при стимуляции теменной коры участники ошибочно полагали, что управляют действиями другого человека; мнимую свободу выбора — в экспериментах с ТМС (транскраниальная магнитная стимуляция) у добровольцев создавалась устойчивая убежденность в самостоятельном принятии predetermined решений. Эти данные подтверждают гипотезу, что субъективное переживание волевого акта может формироваться искусственно, без реального свободного выбора.

Некоторые неврологические и психиатрические заболевания приводят к тому, что человек перестает воспринимать свои действия как собственные, ощущает их «сделанными извне». Эти нарушения демонстрируют, что ощущение контроля — продукт работы мозга, а при повреждении определенных зон авторство действий можно «отключить». Одним из самых поразительных примеров является синдром чужой руки — состояние, при котором конечность больного действует автономно, выполняя сложные движения без участия сознательного контроля. Пациент может наблюдать, как «его» рука самостоятельно застегивает рубашку или даже агрессивно хватает окружающие предметы, при этом испытывая полное отчуждение от этих действий. Этот феномен, возникающий при повреждениях мозолистого тела или премоторной коры, показывает, как легко может быть нарушена связь между намерением и действием.

Ещё более глубокие нарушения самоосознания наблюдаются при шизофрении, где пациенты часто испытывают симптомы «сделанности»: им кажется, что их мысли вкладываются кем-то извне, а тело движется под чьим-то контролем, подобно марионетке. Эти переживания связаны с дисфункцией таламо-кортикальных связей и нарушением дофаминергической передачи, что приводит к сбою в различении внутренних и внешних процессов. При таких синдромах, как дереализация и деперсонализация, люди теряют чувство реальности происходящего, воспринимая свои действия как автоматические, а мир — как ненастоящий. Эти состояния, часто возникающие при тревожных расстройствах, демонстрируют, насколько субъективным может быть переживание свободы: если мозг меняет способ обработки информации, даже привычные действия кажутся «запрограммированными».

Всё это заставляет усомниться в реальности свободы воли на уровне нейрофизиологии. Однако существует ещё более радикальная критика, которая действует не «снизу» (со стороны механизмов мозга), а «сверху» — со стороны чистой логики. Она ставит под сомнение не эмпирические корреляты свободы воли, а саму внутреннюю согласованность этой концепции. Эта критика показывает, что проблема может быть не в том, что у нас нет свободы воли, а в том, что сама идея свободы воли, как её традиционно понимают, логически невозможна в принципе — независимо от того, детерминирован мир или нет. Наиболее жёсткую форму такой атаки представляет аргумент философа Галена Строусона.

Гален Строусон предлагает радикальный взгляд на проблему свободы воли, утверждая, что сама постановка вопроса о её существовании логически

несостоятельна. Его позиция, известная как «жесткий инкомпатибилизм», основана на оригинальном аргументе о бесконечном регрессе ответственности. Строусон утверждает, что вопрос о совместимости свободы воли с детерминизмом является ложной дилеммой. По его мнению, сама концепция свободы воли содержит внутреннее противоречие: чтобы нести ответственность за свои действия (состояние S_3), человек должен был бы нести ответственность и за те психические состояния S_2 , которые привели к этому выбору, а значит — и за предшествующие им состояния S_1 , и так далее до бесконечности. Этот каузальный регресс неизбежно приводит к необходимости «самосотворения» — момента, когда индивид якобы создаёт себя и свои психические состояния из ничего, что логически невозможно. Таким образом, заключает Строусон, проблема не в том, совместима ли свобода воли с детерминизмом, а в том, что сама идея свободы воли концептуально абсурдна.

Если свобода воли невозможна в силу бесконечной причинной регрессии, как показывает аргумент Галена Строусона, то наше переживание «я мог поступить иначе» не может обладать подлинной автономной причинной силой. Оно является лишь субъективным ощущением, сопровождающим нейронные процессы, которые и определяют поведение. В этом смысле чувство свободы воли можно рассматривать как особый тип квалиа — феноменального переживания, подобного боли, вкусу или ощущению цвета.

Если мы готовы признать, что переживание свободы воли не управляет причинной цепью событий, а лишь сопровождает её, то тем самым мы уже принимаем возможность существования феноменальных состояний без самостоятельной каузальной роли. Это, в свою очередь, делает эпифеноменализм значительно менее контринтуитивным. Ведь если одно из наиболее сильных и убедительных переживаний человеческого опыта — чувство свободы — может оказаться лишь сопровождающим феноменом, то нет принципиальной причины исключать аналогичный статус и для других квалиа, таких как боль или удовольствие.

Вывод. Современные данные нейронауки и философии свидетельствуют в пользу отсутствия свободы воли в её классическом понимании. Эксперименты показывают, что поведение человека определяется комплексом биологических, психических и социальных факторов. Но даже если допустить гипотетическое существование свободы воли, её влияние было бы ничтожно малым на фоне ограниченности знаний (мы принимаем решения на основе неполной информации), неосознаваемых предпочтений и факторов внешнего мира. Таким образом, либо свобода воли отсутствует, либо её возможные формы настолько ограничены, что не могут служить основанием для традиционных представлений о полной моральной ответственности.

Жизнь в мире без свободы воли

Примечание. Следующий анализ описывает не то, что должно произойти с правом, образованием или религией, а то, что с ними может или вероятно произойдет, если

общество в массовом масштабе примет тезис об отсутствии свободы воли как метафизический факт. Мы прослеживаем логику внутренних противоречий, которые этот тезис порождает в различных институтах. Вопрос о том, желательны ли эти изменения и как ими управлять — это уже предмет этики, которому посвящена следующая часть книги.

Примечание. Далее в тексте для краткости мы будем использовать термин «детерминизм» в расширенном значении — как обозначение любой формы предопределённости действий, будь то жёсткая причинно-следственная связь или стохастическая случайность. В этом смысле «детерминированное» действие понимается как обусловленное либо цепочкой предшествующих событий, либо квантовой неопределённостью, но в любом случае — не являющееся результатом свободного волевого выбора.

Признание отсутствия свободы воли ведёт к глубоким трансформациям во всех сферах человеческого существования. Современные правовые системы исторически сложились на фундаменте свободы воли — они исходят из того, что человек способен осознанно выбирать между добром и злом и потому несёт ответственность за свои действия. Однако если принять тезис об отсутствии подлинной свободы воли, логическая основа этих систем оказывается подорванной. Это ставит под радикальное сомнение сами принципы, на которых построены уголовное и гражданское право.

В уголовной сфере традиционная ретрибутивная концепция наказания⁴² теряет логическое оправдание. Наказание, основанное на воздаянии за вину, превращается в причинение страдания, лишённое своего метафизического фундамента, поскольку субъект в строгом смысле не мог поступить иначе. Это создаёт внутренний конфликт: система, построенная на идее справедливого воздаяния, начинает производить действия, которые с её же собственной точки зрения не могут быть оправданы. Гражданское право сталкивается с глубоким парадоксом: если решения людей рассматривать как детерминированные, то ключевые понятия, такие как «информированное согласие» или «добровольность сделки», рискуют оказаться юридическими фикциями, маскирующими предопределённый выбор. Этот парадокс ставит под сомнение саму идею договорных отношений, указывая на необходимость пересмотра юридических конструкций в направлении усиления защиты уязвимых сторон. На более глубоком уровне происходит эрозия философских оснований права: если свободы воли нет, то рухнет концепция правосудия как восстановления справедливости, основанной на личной вине. Суд может превратиться в механизм сугубо социального регулирования, где приговоры выносятся не по принципу вины, а по критериям полезности и эффективности. Такая трансформация, хотя и логичная с точки зрения детерминизма, создаёт разрыв между правовой теорией и общественными ожиданиями.

⁴² **Ретрибутивная концепция наказания** — это подход в правовой теории и этике, согласно которому основная цель наказания состоит в том, чтобы совершившему преступление было «воздано по заслугам», то есть чтобы он понёс страдание, соразмерное причинённому им злу. Эта концепция основана на принципе справедливости как возмездия и предполагает, что преступник, будучи морально ответственным агентом, заслуживает наказания.

Экзистенциальный сдвиг: кризис идентичности

Отказ от свободы воли вызывает фундаментальный кризис человеческого самовосприятия, разрушая саму возможность считать себя автором собственной жизни. При последовательном принятии детерминизма традиционные экзистенциальные опоры — гордость за достижения, стыд за ошибки, надежда на изменение — утрачивают своё метафизическое основание и предстают как психологические конструкции. Человек оказывается в экзистенциальном вакууме: если профессия, убеждения и поступки не были свободным выбором, а лишь результатом нейробиологических и средовых детерминант, то что остаётся от автономного «Я»? Источники самоидентификации — воспоминания о ключевых решениях, ощущение личностного роста, вера в саморазвитие — превращаются в когнитивные иллюзии, созданные мозгом для поддержания мифа об агентности. Даже осознание этого кризиса не является свободным актом, а представляет собой неизбежный продукт нейрохимических процессов. В таком мире возвышенные понятия — героизм, доброта, творчество — теряют свой сакральный статус, сводясь к удачным комбинациям факторов. Страдания жертв несправедливости лишаются трагического измерения, поскольку в детерминированной Вселенной не существует подлинных «виновников». Этот парадокс проникает в социальную ткань: индивид, переживая утрату собственной свободы, одновременно лишается и возможности подлинного сочувствия к другим. Традиционные механизмы моральной оценки — осуждение и поощрение — уступают место технократическому управлению поведением через конструирование среды. Социальные институты — от системы образования до маркетинговых технологий — начинают выглядеть как инструменты тонкого программирования реакций, а не как среда для автономного развития. Это формирует почву для новых форм манипуляции, когда «наведение» на правильные решения через продуманное конструирование среды становится более эффективным, чем апелляция к сознательному выбору.

Образование: от воспитания к программированию

Когда исчезает вера в свободу воли, вся система образования неизбежно предстаёт в ином свете — скорее как процесс калибровки сложных биологических алгоритмов, чем как развитие автономной личности. Традиционная педагогика, основанная на идеях выбора, ответственности и сознательного усвоения знаний, оказывается в состоянии фундаментального концептуального кризиса. Задача педагога логически смещается с риторического «пробуждения интереса» (который сам по себе является детерминированным состоянием) к поиску точных детерминант, которые будут с наибольшей вероятностью запускать желаемые нейронные связи и поведенческие паттерны. Оценки теряют смысл как мера «старания» и превращаются в индикаторы эффективности применяемых методик. Классический урок сменяется персонализированными программами, где каждый его элемент рассчитан с высокой точностью. Кардинальному пересмотру подвергся бы подход к «трудным» ученикам. Гиперактивность, отсутствие концентрации,

агрессия перестали бы рассматриваться как повод для моральных упреков — теперь это просто диагностические маркеры, указывающие на необходимость коррекции. Но здесь возникает этическая дилемма: если все поведение предопределено, то кто решает, какие его формы нужно «исправлять»? Критерии нормы оказываются не абсолютными истинами, а отражением текущих культурных предпочтений. Высшее образование сталкивается с еще более парадоксальной трансформацией. Профессиональный выбор студентов — не результат свободного самоопределения, а следствие сложного взаимодействия генетических предрасположенностей и средовых факторов. Вузы превращаются в центры «апгрейда» заранее заданных способностей, где нейроинтерфейсы помогают максимально раскрыть потенциал, заложенный природой и воспитанием. Но самый глубокий кризис ожидает саму идею образования как пути к свободе. Если нет свободы воли, то знание не освобождает — оно лишь делает детерминацию более сложной и незаметной. В этом мире образованный человек — не тот, кто научился мыслить самостоятельно, а тот, чьи когнитивные алгоритмы работают наиболее эффективно. Ирония в том, что даже это осознание — не наш свободный вывод, а неизбежный этап в эволюции педагогических концепций.

Религия под приговором детерминизма

Религиозные системы оказываются перед радикальным вызовом. Если поступки человека детерминированы, под удар попадает не только идея греха, но и внутренняя логика божественного замысла, предполагающего свободный выбор. Зачем нужен Страшный суд, если души не несут ответственности? Как молиться о прощении, если грех — всего лишь неизбежный результат нейрохимии? Традиционные религии, основанные на свободе воли, либо радикально трансформируются, либо уступают место новым формам сакрального. Христианство, например, сталкивается с парадоксом: если предопределение абсолютно, то теряет смысл не только свободная воля человека, но и сама жертва Христа — ведь спасти некого, всё уже решено. Исламская концепция «када» (предопределения) могла бы стать основой для адаптации, но тогда придётся отказаться от идеи испытания веры. Буддизм, казалось бы, более устойчив, но и его учение о карме рассыпается — если поступки не свободны, то и перерождение теряет причинно-следственную связь. Вполне возможным сценарием представляется возникновение детерминистской духовности — синтеза науки и мистицизма. Её адепты видят мир как гигантский алгоритм, где божественное — не личность, а абсолютный закон причинности. В такой системе молитва могла бы быть заменена на медитацию о принятии неизбежного, грех — на трактовку как «системная ошибка», а спасение — на гармонию с предустановленным порядком. Вместо исповеди возникает «нейроанализ»: сканирование мозга для выявления «дефектных» паттернов поведения. Ритуалы теряют магический смысл и становятся инструментами психофизиологической регуляции — как техники глубокого дыхания для снижения кортизола. Но здесь кроется главный конфликт: если даже вера в бога детерминирована, то любая религия — всего лишь сложная иллюзия, порождённая эволюцией для социализации. Священные тексты превращаются в сборники метафор, объясняющих, почему мы чувствуем себя

свободными, хотя это невозможно. В таком мире остаётся лишь два пути: либо тотальный агностицизм («мы не можем знать, есть ли бог, ведь наши мысли предопределены»), либо «кибернетический мистицизм» — поклонение ИИ как высшему детерминистическому разуму, который хотя бы честно признаёт, что он — программа.

Искусство как зеркало детерминизма

Искусство также переживает трансформацию. Творчество перестаёт восприниматься как выражение внутреннего «Я», оказываясь результатом детерминированных процессов. В мире, где каждое решение художника предопределено, гений уже не выглядит творцом, скорее — проводником неизбежного. Кисть Ван Гога дрожала не от свободного порыва, а от неумолимой игры нейротрансмиттеров; строки Пушкина рождались не из глубины души, а из строгих законов языка и биографии. Сама идея авторства рассыпается: если Шекспир не выбирал слова, а лишь воспроизводил то, что определяла предшествующая цепочка причин, то кто тогда настоящий автор «Гамлета» — он или Вселенная, настроившая его мозг? Такой взгляд ведёт к потенциальной трансформации творчества. Традиционное искусство, основанное на вере в индивидуальный стиль и осознанный замысел, открывает дорогу алгоритмической эстетике, где нейросети генерируют произведения, неотличимые от «человеческих». Но парадокс в том, что разницы между ними уже нет: и человек, и ИИ следуют предустановленным паттернам. Картина, написанная художником под влиянием детских травм и культурного контекста, и изображение, созданное генеративной моделью на основе тех же данных, — просто два варианта детерминированного вывода. В этом мире зритель тоже лишается свободы интерпретации: его восхищение или отвращение к произведению — не более чем химическая реакция, запрограммированная эволюцией. Но именно здесь возникает неожиданный поворот: искусство, лишённое иллюзии свободы, обретает новую функцию. Оно становится зеркалом детерминизма. Критики назовут это концом искусства, но, возможно, это его перерождение. Ведь если творчество — не магия свободного духа, а точный природный процесс, то оно становится ближе к явлениям вроде северного сияния или структуры снежинки: прекрасным именно своей неизбежностью. В таком мире ценность искусства смещается с «что хотел сказать автор» к «как это раскрывает устройство реальности». А значит, последней формой творчества может оказаться искусство деконструкции иллюзий — где главным шедевром станет доказательство того, что шедевров никогда и не было.

Наука и технологии: кризис и трансформация познания

Традиционное представление о научном поиске как свободном стремлении к истине лишается своей метафизической основы, уступая место картине, где каждое открытие предстаёт неизбежным результатом детерминированных процессов в мозге исследователя, разворачивающихся в столь же детерминированной среде. Это ставит под вопрос саму природу научного прогресса: если теории возникают не

как продукт сознательного творчества, а как следствие причинно-следственных цепочек, то чем тогда является «объективное знание»?

Возникает солипсистский соблазн: если всё детерминировано, включая и процесс познания, то любая провозглашаемая «истина» — лишь иллюзия, порожденная нейронными контурами. Однако этот тупик преодолевается, если рассматривать науку не как деятельность свободных агентов, а как естественный, эволюционный процесс отбора гипотез. Успешная научная теория — аналог успешного биологического вида. Её «приспособленность» определяется не «истинностью» в метафизическом смысле, а прагматической эффективностью: способностью давать точные предсказания, обеспечивать технологический контроль над средой и формировать непротиворечивые, плодотворные модели реальности.

Этические основания науки также подвергаются пересмотру. Понятия научной честности, ответственности и объективности не исчезают, но меняют свой статус: они являются не врожденными добродетелями, а оптимальными социальными регуляторами, возникшими в ходе эволюции научного сообщества для максимизации эффективности познавательного процесса. Плагиат вреден не потому, что это «зло», а потому, что он нарушает механизмы точного установления авторства и приоритета, которые стимулируют продуктивность системы. В детерминированном мире ученый — сложный узел в причинно-следственной сети, а наука — саморегулирующийся процесс, в котором «честность» оказывается наиболее устойчивой стратегией.

Нейротехнологии: программирование «воли»

Нейротехнологии, такие как интерфейсы «мозг-компьютер» или глубокая стимуляция мозга, приобретают новое измерение. Возможность напрямую влиять на нейронные процессы делает явным то, что раньше было скрыто: «волю» можно буквально программировать. Детекция мыслей и предсказание поступков перестают быть научной фантастикой, а становятся технической и этической реальностью. Уже сегодня алгоритмы на основе фМРТ и ЭЭГ могут с высокой точностью предугадывать простые решения человека за секунды до того, как он сам их осознает. В перспективе это означает возможность создания систем массового мониторинга намерений.

Недавние исследования показывают, что «чтение мыслей» в ограниченной форме уже возможно. Суть метода заключается в следующем: когда человек рассматривает изображение, специфические паттерны активности в его зрительной коре фиксируются с помощью фМРТ. Эти данные служат основой для обучения нейросетей — преимущественно генеративно-сопоставительных сетей (GAN) и диффузионных моделей. После обучения система способна по новым данным мозговой активности воссоздавать изображения, которые видит или представляет испытуемый. Последние исследования показывают поразительную точность таких реконструкций. Возможность «чтения мыслей» поднимает тревожные вопросы о приватности сознания, возможностях принудительного декодирования мыслей и

необходимости разработки новых правовых рамок для защиты ментальной автономии.

Кибернетическое управление поведением — например, коррекция преступных наклонностей через стимуляцию мозга — предстаёт уже не утопией, а логичным продолжением детерминистской картины мира. Если поведение определяется нейрофизиологией, то почему бы не «настроить» мозг на социально приемлемые паттерны? Однако возникает фундаментальный вопрос: кто в условиях детерминизма устанавливает критерии «правильного» поведения? Эти нормы сами оказываются продуктом детерминированных культурных процессов.

Вопрос становится ещё острее в контексте искусственного интеллекта. Современные языковые модели демонстрируют поведение, неотличимое от человеческого: генерируют тексты, ведут диалоги, имитируют рассуждения. Если и люди, и ИИ действуют по детерминированным правилам (биологическим или алгоритмическим), то на каком основании мы отказываем машинам в «сознании» или «правах»? Юридический статус ИИ создаёт сложную дилемму: если человек не несёт ответственности за действия, которые не выбирал, то можно ли наказывать алгоритм за решения, продиктованные его кодом? А создателей ИИ, которые сами действовали в рамках причинно-следственных цепочек? Эти вопросы подрывают привычные этические рамки, указывая на необходимость принципиально нового подхода к пониманию агентности, ответственности и самой природы разума в детерминированном мире.

Вопрос «кто в условиях детерминизма устанавливает критерии правильного поведения?» подводит нас к центральной проблеме: если все ценности детерминированы, можно ли найти среди них такую, которая позволила бы построить последовательную и не произвольную этическую систему? Поиску такого основания будет посвящена следующая глава.

Глава 4: «Добро» и «зло»

Человечество привыкло думать о себе как о венце творения — существах разумных, моральных, способных на альтруизм и самопожертвование. Мы верим в свободу воли, в благородство поступков, в то, что наши действия могут быть по-настоящему бескорыстными. Но что, если это иллюзия? Что, если даже самые возвышенные порывы — лишь замаскированный эгоизм, а сама наша природа не позволяет нам быть иными?

Мы запрограммированы быть эгоистами⁴³ на самом фундаментальном биологическом уровне — не потому что мы циничны или безнравственны, а потому что сама жизнь устроена как система, в которой выживает тот, кто эффективнее всего отстаивает свои интересы. Наши гены, гормоны, нейронные цепи и даже клеточные процессы работают по одному принципу: максимизировать выживаемость и репродуктивный успех. Когда мы голодны, мы едим не потому что «решаем» поесть, а потому что мозг, управляемый древними механизмами, запускает чувство дискомфорта, которое исчезает только после насыщения. Когда мы помогаем другим, то делаем это не вопреки своему эгоизму, а потому что наш мозг подсознательно рассчитывает на социальное вознаграждение, снижение тревоги или будущую выгоду. Даже самоотверженные поступки — материнская жертвенность, героизм, благотворительность — можно разложить на биологические механизмы, которые в конечном счёте служат нашей собственной выгоде, пусть и неочевидной.

Проблема в том, что мы не способны совершить по-настоящему неэгоистичное действие, потому что любое наше поведение так или иначе связано с внутренними мотивами, а мотивы всегда формируются на основе личных потребностей — осознанных или нет. Если человек жертвует собой ради других, он может делать это из-за глубоко укоренённого инстинкта групповой принадлежности, из-за выброса эндорфинов, дающих чувство морального удовлетворения, или потому что не может вынести мук совести, которые для его психики болезненнее, чем физическая смерть. Если он отказывается от сиюминутной выгоды ради абстрактных принципов, то лишь потому, что его мозг оценивает соблюдение этих принципов как более важное для долгосрочного благополучия (например, сохранение самоуважения).

Даже отказ от эгоизма — это лишь более сложная форма эгоизма. Аскет, отрекающийся от удовольствий, получает наслаждение от чувства превосходства или духовного просветления. Мученик, страдающий за идею, испытывает психологическое вознаграждение в виде ощущения смысла или посмертной славы. Любовь, которую мы считаем высшим проявлением самоотдачи, на деле

⁴³ Здесь и далее, вслед за Людвигом Фейербахом, под «эгоизмом» понимается не моральный порок, а метафизический эгоизм — тот, который «основывается на существовании человека без его ведома и воли, коренится в самом организме». Это фундаментальный принцип устройства чувствующего существа: для того чтобы жить, оно должно присваивать полезное и отстранять вредное. Эта онтологическая предпосылка служит отправной точкой для дальнейшего анализа конкретных механизмов мотивации, которые в данной работе описываются через концепции гедонистического эгоизма и негативного гедонистического эгоизма.

удовлетворяет нашу потребность в привязанности, безопасности или эмоциональном обмене.

Биология не оставляет альтернативы: мы не можем действовать вопреки собственным — пусть даже подсознательным — интересам, потому что сама наша психика сформирована эволюцией как инструмент выживания. Мы можем лишь менять форму эгоизма: от примитивного («я заберу это себе») до сложного («я помогу другим, потому что это делает меня счастливым»). Но выйти за эти рамки невозможно — мы остаёмся заключёнными в контур собственного сознания, которое всегда ищет лучший вариант для себя, даже когда кажется, что мы забыли о себе полностью.

Этика без морали: гедонистический эгоизм

Если принять как аксиому, что абсолютно неэгоистичных поступков не существует — что даже за самыми возвышенными жертвами и проявлениями альтруизма скрываются личные мотивы — то естественным кандидатом на роль последовательной этической системы становится гедонистический эгоизм⁴⁴ (ГЭ). Ведь если любое действие в конечном счёте сводится к стремлению индивида к удовлетворению своих потребностей (сознательных или бессознательных), то любые попытки построить этику на отрицании этого фундаментального факта обречены на лицемерие. Традиционные этические системы, основанные на самопожертвовании или абстрактном долге, оказываются сложными формами того же эгоизма — просто одни люди получают удовлетворение от соблюдения социальных норм, а другие — от их нарушения.

ГЭ не признаёт ни трансцендентного добра, ни абстрактного зла⁴⁵ — для него единственными реальностями являются личное удовольствие и избегание страдания. В этой системе координат традиционная мораль — не более чем условность, социальный договор или даже иллюзия, препятствующая индивиду максимально эффективно стремиться к наслаждению. Источник удовольствия не имеет значения — будь то чувственные наслаждения, власть, интеллектуальное удовлетворение или даже садизм (если он приносит радость тому, кто его совершает). Моральные оценки других людей не играют роли, ведь единственный судья в этой системе — собственный опыт удовольствия.

Классическая мораль в такой системе взглядов — всего лишь набор мифов, придуманных для контроля над людьми. Религии, философские системы, понятия греха и добродетели — всё это инструменты манипуляции, которые ограничивают

⁴⁴ **Гедонистический эгоизм (ГЭ)** — концепция, исходящая из того, что стремление к личному удовольствию является не моральным выбором, а фундаментальным принципом организации биологической жизни, коренящимся в метафизическом эгоизме (см. сноску 41). ГЭ описывает эгоистическую природу любой мотивации как данность и строит на этом последовательную модель поведения, отвергающую концепции бескорыстия и абсолютного альтруизма в качестве первичных мотивов. В данной работе ГЭ служит отправной точкой для анализа, который будет уточнён введением концепции негативного гедонистического эгоизма.

⁴⁵ Важно подчеркнуть, что, используя термины «добро» и «зло», мы применяем их исключительно в условном, переопределённом значении. Для приверженца гедонистического эгоизма «добро» лишено какого-либо трансцендентного смысла и является всего лишь ярлыком для субъективного удовольствия.

естественное стремление к наслаждению. Совесть — не голос высшей правды, а либо условный рефлекс, обусловленный воспитанием, либо страх перед наказанием.

Негативный гедонистический эгоизм

В начале нашего обсуждения мы сознательно использовали общий термин «эгоизм» для упрощения изложения, однако более глубокий анализ биологических механизмов показывает, что понятие «ГЭ» (гедонистический эгоизм) точнее отражает природу человеческой мотивации. Существенное различие между этими концепциями заключается в следующем: традиционный эгоизм допускает возможность действий, продиктованных прагматическими интересами без прямой связи с эмоциональным вознаграждением, в то время как ГЭ утверждает, что любое человеческое поведение — включая сознательное самоограничение или добровольное страдание — в своей основе содержит бессознательную оценку, направленную либо на увеличение субъективного благополучия, либо на уменьшение психофизического дискомфорта.

Однако наиболее точной концептуальной рамкой оказывается «негативный гедонистический эгоизм» (НГЭ), который смещает акцент с активного поиска удовольствия на стратегическое избегание страдания. Его фундаментальный постулат гласит: все человеческие действия в конечном итоге мотивированы не стремлением к наслаждению как таковому, а императивом минимизации боли, дискомфорта или потенциальных угроз их возникновения. Таким образом, НГЭ представляет собой уточнённую версию ГЭ, дополненную важным пессимистическим инсайтом: наша поведенческая мотивация определяется в первую очередь не поиском удовольствий, а постоянными попытками избежать страдания.

Особенно наглядно логика НГЭ проявляется в мотивациях, которые культурно принято описывать как исключительно позитивные. Показательный пример — решение завести ребёнка. Разумеется, оно не сводится к одной-единственной причине и может включать привязанность, желание заботы, стремление к продолжению рода и другие мотивы. Однако во многих случаях при ближайшем рассмотрении в его основе обнаруживается не столько движение к счастью, сколько попытка избежать более тяжёлых состояний.

Рассмотрим случай женщины, которая сознательно решает завести ребёнка. На первый взгляд, это выглядит как проявление жизнелюбия, желание дать жизнь новому человеку или испытать радость материнства. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что её решение продиктовано в первую очередь избеганием страданий:

- Страх одиночества — она боится остаться одна в будущем, когда состарится, и ребёнок становится «инвестицией» в эмоциональную безопасность.

- Давление социума — мучительное переживание своей «неполноценности» без детей в среде, где материнство считается обязательным этапом.
- Кризис смысла — беременность как способ заглушить экзистенциальную пустоту, заменив её на заботу о ребёнке.
- Страх сожаления — не столько желание стать матерью, сколько ужас перед будущими мыслями «а что, если бы я родила?».

При этом сама беременность и материнство для нее — не источник радости, а наименьшее зло, способ избежать ещё больших страданий (одиночества, осуждения, экзистенциального ужаса). Она не столько «хочет ребёнка», сколько «не может больше терпеть отсутствие ребёнка». Даже если в процессе она будет испытывать положительные эмоции, с точки зрения НГЭ, это лишь побочный эффект устранения глубинного дискомфорта. Её мотивация остаётся негативной — не стремление к счастью, а бегство от боли. В таком случае беременность становится не актом любви или альтруизма, а сложной стратегией самосохранения, где рождение ребёнка — всего лишь наименее мучительный вариант из возможных.

Этот пример демонстрирует, что модель ГЭ требует уточнения и дополнения моделью НГЭ, чтобы охватить всю глубину мотивации. На самом деле противопоставление этих моделей искусственно — они не противоречат друг другу, а описывают разные аспекты единой системы мотивации. Хотя негативный подход действительно объясняет большинство базовых поведенческих реакций, ГЭ сохраняет ценность для описания тех форм активности, где субъективное переживание удовольствия наиболее ярко и непосредственно связано с процессом, а не только с результатом устранения страдания. Такое объединение позволяет создать более полную картину человеческой мотивации, где избегание страданий и поиск удовольствий — не конкурирующие, а взаимодополняющие механизмы, действующие в разных контекстах и на разных уровнях поведения.

Смысл жизни. Разумный гедонистический эгоизм

Существование раскрывается перед нами в двух принципиально различных плоскостях — объективной реальности и субъективном переживании. В масштабах Вселенной мы не находим никакого изначального замысла или высшего предназначения: жизнь возникает и эволюционирует согласно слепым законам физико-химических процессов, без скрытого плана или конечной цели. Научная картина мира последовательно развенчивает антропоморфные иллюзии о «встроенном смысле» бытия, показывая, что подобные категории — всего лишь продукты человеческого сознания, проецируемые на безразличную космическую пустоту.

Но эта онтологическая пустота не отменяет феноменологическую наполненность жизни для самого переживающего существа. Для человека, синтезирующего подходы НГЭ и ГЭ, жизнь превращается в сложную, но гармоничную стратегию балансирования между двумя полюсами: осторожным избеганием страданий и

стремлением к удовольствиям. Такой взгляд на существование можно назвать **«разумным гедонистическим эгоизмом» (РГЭ)**. «Разумность» в РГЭ — это алгоритм принятия решений, который, оставаясь в рамках эгоистической мотивации, максимизирует благополучие на расширенной временной шкале и в социальном контексте. Он включает:

- Приоритет минимизации страдания (НГЭ) над погоней за сиюминутным удовольствием.
- Расчёт отложенных последствий, где сегодняшней отказ от удовольствия предотвращает большее завтрашнее страдание.
- Учет страданий других существ, поскольку они либо непосредственно причиняют нам эмпатическую боль, либо косвенно угрожают нашему благополучию через социальный коллапс или месть.

Главной мудростью такого подхода становится принцип «не навреди» — в первую очередь самому себе. Каждое потенциальное удовольствие подвергается тщательному анализу: какие последствия оно может повлечь? Не обернется ли мимолётный восторг долгими муками? В то же время, в отличие от чистого негативного гедонистического эгоиста, этот человек не отказывается от радостей — он просто выбирает те из них, где соотношение удовольствия и потенциальных страданий наиболее выгодно. Это, по сути, инвестиционный подход к счастью, где высокорисковые наслаждения отвергаются в пользу устойчивых, предсказуемых, но от этого не менее ценных источников радости.

В социальных отношениях этот подход проявляется как баланс между эгоизмом и расчётливым альтруизмом (скрытым эгоизмом). Такой человек избегает токсичных связей, приносящих больше страданий, чем радости, но охотно инвестирует в отношения взаимовыгодного обмена, где обе стороны получают удовольствие от взаимодействия. Он понимает, что некоторые умеренные «жертвы» ради других могут приносить глубокое удовлетворение — но только если они действительно добровольны и не ведут к внутреннему дискомфорту.

Особенность этого мировоззрения — в его удивительной адаптивности. В хорошие периоды такой человек позволяет себе больше радостей, приближаясь к классическому ГЭ. В трудные времена он легко переключается на стратегию минимизации страданий, демонстрируя черты НГЭ. Это делает его удивительно устойчивым к превратностям судьбы — он не впадает в отчаяние при неудачах, но и не теряет голову от успехов.

Смерть в этой системе ценностей воспринимается двояко: с одной стороны, как окончательное прекращение всех возможных удовольствий (что плохо), с другой — как избавление от всех потенциальных страданий (что хорошо). Поэтому разумный гедонистический эгоист не рвётся преждевременно в объятия смерти, но и не цепляется за жизнь, когда она приносит одни мучения. Его отношение к конечности существования можно выразить принципом: «Живи полноценно, пока жизнь приносит больше удовольствий, чем страданий — и имей мужество вовремя уйти,

когда баланс становится отрицательным» (баланс страданий и удовольствий мы рассмотрим в следующей главе).

Идея РГЭ может казаться абстрактной конструкцией — до тех пор, пока мы не осознаём, что все люди, по сути, являются гедонистическими эгоистами, просто разной степени осознанности и с разными приоритетами.

Одни люди действуют преимущественно в логике НГЭ — их поведение в основном направлено на минимизацию дискомфорта, тревоги и боли. Они предпочитают стабильность риску, безопасность — ярким переживаниям, а их «удовольствия» часто сводятся к простому отсутствию страданий.

Другие же ближе к классическому ГЭ — они активно ищут наслаждений, даже ценой потенциального будущего дискомфорта. Их «разумность» проявляется не в избегании риска, а в расчёте, где кратковременные жертвы могут привести к большему удовольствию в долгосрочной перспективе.

Между этими полюсами располагается большинство людей — не идеально рациональные, но и не слепо следующие своим импульсам. Мы все:

- **Эгоистичны** (ведь даже альтруизм, при глубоком анализе, коренится в личных мотивах).
- **Гедонистичны** (поскольку любое наше решение, прямо или косвенно, связано с поиском удовлетворения).
- **Условно разумны** (так как пытаемся — с разным успехом — балансировать между сиюминутными желаниями и долгосрочными последствиями).

Таким образом, РГЭ — это не абстрактная теория, а просто попытка описать реальную человеческую природу, только без прикрас. Мы все — гедонисты, просто одни бегут от боли, а другие гонятся за наслаждением, и лишь степень нашей «разумности» определяет, насколько гармонично нам удаётся совмещать эти две стратегии в повседневной жизни.

Признание РГЭ в качестве базового принципа человеческого поведения в сочетании с отрицанием свободы воли приводит к тектоническому сдвигу в понимании самой сути нашего существования. Если наш «выбор» всегда определяется балансом ожидаемых страданий и удовольствий (РГЭ), и при этом сам этот «выбор» является детерминированным результатом нашей биографии и нейрофизиологии (отсутствие свободы воли), то наша личная история предстаёт не как история моральных падений и взлётов, а как история вынужденных адаптаций. Человек не «становится» эгоистом — он с рождения им является в силу устройства психики. И он не «принимает решения» — его мозг вычисляет наименее болезненный или наиболее выгодный путь в данных обстоятельствах. Из этого следуют ключевые последствия:

- Моральный релятивизм⁴⁶ страдания — любое действие (включая убийство, насилие, обман) может рассматриваться как оправданное, если оно эффективно устраняет чьё-то страдание или приносит удовольствие исполнителю (в рамках строгого морального релятивизма). Нет «абсолютного зла» — есть лишь расчёт баланса боли и наслаждения.
- Отрицание свободы воли — человек не «выбирает» быть плохим или хорошим, он лишь реагирует на внешние (голод, боль, угрозы) и внутренние (гормоны, травмы, инстинкты) стимулы. Преступник — не злодей, а жертва обстоятельств, которые с необходимостью привели его к причинению вреда.
- Крах правосудия — если нет свободы воли, то нет и вины. Наказание становится бессмысленной жестокостью, ведь оно не устраняет первопричины поведения (страх, нищета, психические расстройства).
- Этика минимального существования — цель жизни сводится к избеганию страдания и получению удовольствия. Суицид и эвтаназия (если они избавляют от страданий) становятся морально нейтральными.

Нейрофизиология и эволюционная биология демонстрируют, что все существа, способные испытывать страдание, запрограммированы его избегать — это не этический выбор, а жёсткая необходимость выживания. Таким образом, хотя моральные системы остаются относительными, под ними обнаруживается фундаментальный биологический пласт, общий для всего чувствующего. Это создаёт уникальную ситуацию: стремление избегать собственного страдания является универсальным императивом выживания.

Осознание этого факта ставит нас перед экзистенциальным выбором. Даже понимая, что наши действия детерминированы биологией и обстоятельствами, мы можем сознательно принять ценность минимизации страдания как принцип и распространить его на всех чувствующих существ. В детерминированном мире это становится логическим основанием для морали.

В таком случае мы получаем парадоксальный синтез: на уровне культурных норм царит релятивизм, но на уровне выбранного фундаментального критерия (минимизация страдания) возникает точка сборки для новой, непротиворечивой этики. Эта этика не «абсолютна» — она базируется на сознательно принятой аксиоме сострадания. Но для мира, лишённого богов и свободы воли, она может оказаться единственно последовательной.

Идеальное общество

Даже если человечество единогласно примет идеи отсутствия свободы воли и РГЭ, создание идеального общества останется недостижимой мечтой. Корень проблемы

⁴⁶ **Моральный релятивизм** — философская позиция, утверждающая, что моральные принципы не являются универсальными и объективными, а зависят от культурных, исторических и индивидуальных особенностей. **Моральный абсолютизм** — противоположная позиция, признающая существование неизменных и универсальных моральных законов, обязательных для всех людей независимо от обстоятельств.

кроется в самой природе человеческого существа — в том, как устроен наш разум и как мы взаимодействуем с миром.

Главная проблема в том, что человеческий мозг слишком изменчив и непредсказуем, чтобы все без исключения могли придерживаться единой логики поведения. Всегда будут появляться те, кто в силу нейробиологических особенностей, психологических травм или когнитивных отклонений не вписывается в систему. Психопаты, фанатики, люди с нарушениями мышления — их существование неизбежно, потому что генетика, случайные мутации и влияние среды постоянно создают вариации человеческой психики. Даже если большинство будет руководствоваться взаимной выгодой и долгосрочным расчётом, найдутся те, кто действует деструктивно, разрушая хрупкий баланс.

Кроме того, сама идея РГЭ субъективна. Что считать разумным? Где граница между выгодой и риском? Разные культуры, воспитание и личный опыт формируют у людей принципиально разные представления о том, как следует достигать удовольствия и избегать страданий. Одна группа может считать войну недопустимой, другая — оправданным средством защиты интересов. Один человек видит счастье в материальном достатке, другой — в социальном доминировании. Даже при полном отсутствии свободы воли predetermined различия в мышлении неизбежно приводят к конфликтам.

Но главное — мир динамичен. Технологии, климат, экономика, демография меняются, и вместе с ними меняются условия, в которых люди вынуждены искать баланс между удовольствием и страданием. То, что казалось разумным вчера, завтра может оказаться губительным. Новые поколения, выросшие в изменившихся реалиях, будут по-другому оценивать риски и выгоды. История показывает, что даже самые устойчивые общества рушатся, когда сталкиваются с непредвиденными изменениями — будь то экономический кризис, технологический прорыв или идеологический раскол.

Поэтому идеальное общество — не более чем утопия. Мы можем стремиться к более справедливым и стабильным системам, но абсолютной гармонии не достичь никогда. Войны, конфликты и насилие будут возникать снова и снова, потому что сама природа человека — его биология, изменчивость психики и несовпадение интересов — делает его неспособным создать совершенный мир. Даже если все признают, что они всего лишь сложные биологические машины, запрограммированные на гедонистические принципы, это не устранил фундаментальных противоречий, заложенных в самой структуре реальности. Остаётся лишь, в соответствии с избранным этическим принципом, принимать этот дисбаланс как данность и пытаться минимизировать страдания, понимая, что окончательное решение проблемы человеческой природы лежит за пределами наших возможностей.

Знание о том, что свобода воли иллюзорна, а нами движет РГЭ, — не просто любопытный факт, а ключ к радикальному переосмыслению человеческого

существования. Эта истина разрушает многовековые иллюзии, подрывает привычные моральные устои, но одновременно открывает путь к более осознанной и сострадательной жизни. Когда мы принимаем, что все наши поступки — результат сложного переплетения биологических предрасположенностей и средовых влияний, исчезает почва для самообвинений и бесплодных угрызений совести. Мы перестаём терзаться вопросами «а мог ли я поступить иначе?» и начинаем видеть себя и других как сложные биологические системы, действующие в рамках своей природы.

Это знание трансформирует наше отношение к обществу. Понимание детерминированности поведения ведёт к пересмотру самой концепции наказания — вместо архаичного возмездия возникает потребность в научно обоснованных методах коррекции и профилактики. Мы начинаем видеть, что преступник не «злодей», а продукт обстоятельств, и что реальные изменения возможны только через изменение этих обстоятельств. Социальные институты, построенные на этом понимании, фокусируются не на карательных мерах, а на создании условий, минимизирующих асоциальное поведение.

На личном уровне это осознание приносит парадоксальное освобождение. Оно снимает груз абстрактных обязательств — тех социальных ожиданий и навязанных целей, что веками довлели над человечеством. Вне иллюзии абсолютной свободы выбора мы получаем возможность честно спросить себя: что действительно приносит мне удовлетворение? Какие условия способствуют моему благополучию? Как я могу организовать свою жизнь в соответствии с реальной, а не воображаемой природой?

Таким образом, признание истины — что мы детерминированные гедонистические системы — не упрощает жизнь, но делает её честной. Да, оно может привести к апатии: если всё предопределено, зачем прилагать усилия? Но эта апатия — не следствие знания, а последняя цепь, которую нужно разорвать. Потому что правда — не тупик, а отправная точка.

Глава 5: Страдание: фундаментальный принцип бытия

С самого зарождения философской мысли человек пытался осмыслить природу страдания, но лишь немногие осмеливались сделать из этого последовательные выводы. История западной метафизики — это по большей части история самообмана, попыток найти утешение в иллюзорных конструкциях смысла, тогда как подлинно честный взгляд на существование неизбежно приводит к радикальному пессимизму. Когда Артур Шопенгауэр провозгласил мир порождением слепой, ненасытной воли, обрекающей всё живое на вечные муки, он не просто предложил новую философскую систему — он сорвал покровы с самой реальности, обнажив её чудовищную суть. Его последователи пошли ещё дальше, превратив философский пессимизм в оружие против самого бытия.

Философия пессимизма, при всей её радикальности, остаётся поразительно ограниченной в своём мировоззрении. Даже самые мрачные мыслители рассматривают страдание сквозь призму человеческого опыта, словно наш вид является эпицентром мировой муки. Но что, если истинный масштаб катастрофы на порядки превосходит всё, что способно вообразить антропоцентрическое сознание? Современный пессимизм подобен человеку, изучающему айсберг по его верхушке — он не видит, что 99,9% реального страдания остаются за пределами его концептуального горизонта.

Современная физика рисует Вселенную как сеть взаимодействий — квантовых полей, сил, частиц, находящихся в постоянном динамическом обмене. Нейрофизиологи, в свою очередь, утверждают, что сознание рождается из особого типа этих взаимодействий — специфической организации материи, достигшей определённого уровня сложности. Но если соединить эти два утверждения в рамках философии пессимизма, открывается поистине апокалиптическая картина: возможно, вся Вселенная представляет собой гигантскую фабрику по производству страдания, где сознание — лишь наиболее концентрированная форма муки, изначально присущей материи⁴⁷.

Если сознание действительно является особым состоянием материальных взаимодействий (а не какой-то мистической добавкой), то возникает жуткий вопрос: а что, если способность к страданию не возникает на каком-то «пороге сложности», а изначально заложена в самой природе взаимодействий? Возможно, элементарные частицы несут в себе зачаточные формы «переживания», а сложные системы лишь усиливают и кристаллизуют эту боль до узнаваемых форм. В таком случае эволюция жизни — не создание сознания из ничего, а его постепенное «проявление» из фундаментальных свойств реальности. Это приводит нас к кошмарной возможности: мир может буквально кишеть формами сознания и страдания, которые мы принципиально не можем обнаружить. Наша уверенность в

⁴⁷ Важно подчеркнуть, что излагаемая здесь картина представляет собой спекулятивную экстраполяцию пессимистического мировоззрения, а не строгий вывод из предложенной ранее модели сознания (Ψ-Γ закон). Наша теория, оставаясь в рамках асимметричного двухаспектного монизма, не утверждает, что сознание присуще всей материи (панпсихизм). Однако радикальная эпистемическая неопределённость в вопросе о минимальных условиях возникновения субъективного опыта вынуждает нас учитывать и наихудшие сценарии.

том, что боль существует только в нервных системах, подобных нашей, основана лишь на антропоцентрической спеси и методологической слепоте. Традиционная философия пессимизма озабочена лишь человеческими страданиями, но игнорирует потенциальную муку самой материи. Даже если человечество исчезнет, Вселенная продолжит свои бессмысленные метаболические процессы: звёзды будут рождаться и умирать, чёрные дыры — пожирать материю, квантовые флуктуации — создавать и разрушать виртуальные частицы. Если в этом есть хоть капля опыта, то мы живём не просто в бессмысленном мире — мы находимся внутри гигантского органа боли, чьи истинные масштабы не может охватить ни один биологический мозг.

Вывод из этого удручающе прост: мы не знаем, что такое сознание и не имеем ни малейшего представления, насколько широко оно распространено во Вселенной. Но учитывая, что даже в нашем маленьком биологическом углу реальности оно неразрывно связано со страданием, есть все основания предполагать, что проблема может быть гораздо масштабнее и ужаснее, чем мы способны вообразить. Наша наука, гордость человеческого разума, оказывается беспомощной перед фундаментальной загадкой существования.

Страдание как фундаментальный принцип биологического существования

С момента своего возникновения жизнь на Земле развивалась по непреложному закону, где страдание стало не просто побочным продуктом, а основным архитектурным принципом организации биологической материи. Этот тезис не является спекуляцией — он вытекает из строгого анализа нейробиологических, эволюционных и экологических механизмов, формирующих все живые системы. Такая организация сформировалась не случайно — она представляет собой наиболее эффективный механизм выживания в условиях ограниченных ресурсов и постоянной конкуренции. Боль действует как безотказный стимул, заставляющий организмы избегать опасностей и стремиться к удовлетворению базовых потребностей, тогда как удовольствие выполняет лишь вспомогательную функцию кратковременного поощрения.

Цикл негативных мотиваций: как организм движется от одного страдания к другому

С биологической точки зрения, организм существует в состоянии постоянной мотивационной напряжённости — фундаментального свойства живых систем, обеспечивающего их активность и выживание. Удовлетворение актуализированной потребности приводит не к продолжительному покою, а к немедленному формированию новой доминирующей мотивации. Эволюционно такая организация нервной деятельности оказалась оптимальной — перманентное состояние неудовлетворённости обеспечивает непрерывную поисковую активность, максимизирующую шансы на выживание и репродукцию. Биологическая жизнь устроена так, что большинство мотиваций носят негативный характер — они возникают как реакция на дискомфорт, а их удовлетворение

приносит лишь кратковременное облегчение перед появлением новой. Этот механизм обеспечивает постоянную активность организма, но одновременно делает страдание доминирующим состоянием. Вот лишь некоторые примеры:

1. Голод и пищевое поведение. Голод — одно из самых базовых и мучительных мотивационных состояний. Оно возникает как субъективное переживание потребности в пище, сигнализируя организму о необходимости её поиска. Само чувство голода — это стресс: желудочные спазмы, слабость, раздражительность, снижение когнитивных функций. Когда пища наконец поступает в организм, наступает кратковременное удовольствие от насыщения. Однако уже через несколько часов уровень глюкозы снова падает, и цикл повторяется. При этом организм не стремится к «нейтральному» состоянию — он лишь переключается на следующую потребность.

2. Жажда и водный баланс. Обезвоживание вызывает сильный дискомфорт: сухость во рту, головную боль, снижение концентрации. Утоление жажды приносит мгновенное облегчение, но это состояние длится недолго — уже через час-два организм снова начинает сигнализировать о необходимости воды. В отличие от голода, жажда ещё более навязчива: критическое обезвоживание убивает быстрее, чем голодание, поэтому эволюция сделала эту мотивацию особенно невыносимой.

3. Сексуальная потребность и её удовлетворение. Половое влечение — один из самых мощных двигателей поведения, но его природа тоже негативна: это не стремление к удовольствию, а попытка избавиться от напряжения, вызванного гормональными изменениями. Сексуальная неудовлетворённость приводит к раздражительности, навязчивым мыслям, физическому дискомфорту. Оргазм даёт кратковременную разрядку, но уже через несколько часов или дней уровень тестостерона или эстрогена снова растёт, возвращая прежнее напряжение.

4. Социальное признание и страх отвержения. Человек — социальное существо, и его психика запрограммирована на постоянный поиск одобрения. Одиночество и социальная изоляция воспринимаются мозгом как угроза (активируя те же зоны, что и физическая боль). Получение похвалы, лайков, признания временно снижает этот стресс, но очень скоро возникает новая тревога: «А что, если меня перестанут ценить?» Социальные медиа усиливают этот эффект, превращая его в бесконечную погоню за подтверждением значимости.

5. Стремление к безопасности и тревожность. Ощущение угрозы (реальной или воображаемой) — мощнейший мотиватор. Человек строит убежища, копит ресурсы, покупает страховки — всё для того, чтобы снизить тревогу. Но как только одна опасность устранена, мозг тут же находит новую: «А что, если заболеть? А если кризис? А если война?» Удовлетворение потребности в безопасности всегда временно, потому что мир по определению нестабилен.

6. Сон и усталость. Недостаток сна вызывает физические страдания: затуманенное сознание, раздражительность, мышечную слабость. Сон приносит облегчение, но

это не награда, а лишь временное восстановление перед новым циклом усталости. При этом сам процесс засыпания часто сопровождается стрессом (особенно при бессоннице), а недосып накапливается, делая каждый новый день немного мучительнее предыдущего.

Все эти мотивации объединяет одна черта: они не стремятся к удовольствию, а бегут от дискомфорта. Удовлетворение потребности — не награда, а лишь краткая передышка перед следующим витком напряжения. Эволюция создала этот механизм не для счастья, а для выживания: организм, который полностью доволен, перестаёт двигаться — а значит, умирает. Таким образом, страдание — не побочный эффект жизни, а её основной двигатель. Удовольствие существует преимущественно как временное снятие боли, дефицита или напряжения, а не как самостоятельная цель. И пока организм жив, этот цикл будет продолжаться — от одной неудовлетворённости к другой.

С точки зрения философии пессимизма, негативные и позитивные переживания не просто противоположны — они принципиально неравнозначны. Между ними существует фундаментальная асимметрия, делающая страдание доминирующей силой в человеческом опыте. Негативные эмоции не просто преобладают количественно — они качественно иные, более глубокие, более неотвратимые. Удовольствие мимолётно, хрупко, зависимо, тогда как страдание прочно вплетено в ткань бытия, оставляя шрамы, которые не исчезают, а лишь прикрываются тонким слоем временного облегчения.

Страдание обладает неоспоримым превосходством во всём: оно глубже врежется в память, быстрее формирует условные рефлекс, дольше сохраняет свою власть над сознанием. Один момент муки может перечеркнуть годы счастья, одна травма — навсегда изменить личность, тогда как радость редко оставляет след, сравнимый по силе. Физиология подтверждает это: мозг реагирует на боль и угрозу мгновенно, тогда как удовольствие — это медленный, хрупкий процесс, который легко разрушается малейшим дискомфортом. Попробуйте наслаждаться искусством, когда вас терзает зубная боль, или испытывать благодарность жизни в приступе паники — и станет ясно, что страдание не просто перевешивает удовольствие, но и полностью подавляет его, делая любое позитивное переживание условным, зависимым, временным.

Максимальная боль, которую может испытать живое существо — ожоги, ампутация без анестезии, кластерные головные боли — на порядки превосходит любое возможное удовольствие. Ни один оргазм, ни один триумф, ни самое возвышенное переживание не может сравниться с агонией. Страдание мучительно само по себе, тогда как радость почти всегда зависит от предшествующего лишения.

И даже если человеку кажется, что он накопил достаточно радости, чтобы оправдать существование, природа позаботилась о том, чтобы это было временной иллюзией. Гедонистическая адаптация гарантирует, что любое удовольствие приедается, любое достижение становится нормой, а любое счастье — рутиной, не

приносящей прежнего восторга. И хотя организм способен адаптироваться к боли — снижать остроту восприятия, вырабатывать анальгезирующие механизмы — эта адаптация всегда остается частичной и хрупкой. Хроническая боль может притупиться, но не исчезнуть; душевные раны не затягиваются, а лишь покрываются тонким слоем привычки, которая не уменьшает страдание, а лишь делает его фоновым шумом существования.

Страдание не нуждается в смысле. Радость требует объяснений, оправданий, она кажется чем-то необязательным, почти подозрительным — «почему мне так хорошо?», «за что мне это счастье?». Но боль не спрашивает разрешения, не требует причин — она просто есть, бессмысленная, несправедливая, неотвратимая. Даже когда человек пытается найти в ней смысл — «страдание очищает», «боль делает сильнее» — это лишь попытка разума смириться с тем, что по своей сути невыносимо.

Всё это приводит к единственному логичному выводу: мир устроен так, что страдание неизбежно, а удовольствие — случайно. Жизнь — это не баланс, а перекоп, не равновесие, а постоянный перевес в сторону боли. Нейтральное состояние — это не покой, а лишь пауза между страданиями, краткий миг перед новой потерей, новой болезнью, новой травмой.

Почему одни страдают больше других

С точки зрения науки, интенсивность и сам феномен страдания у живых существ определяются сложным взаимодействием эволюционных, нейробиологических и экологических факторов. Боль — это не универсальная константа, а адаптивный механизм, сформированный естественным отбором для повышения выживаемости. Однако её проявления радикально различаются в зависимости от уровня развития нервной системы, экологических ниш и стратегий выживания вида.

Хищные рыбы, например акулы, демонстрируют удивительную устойчивость к повреждениям, что позволяет им продолжать охоту даже после серьёзных ран. Возможно, их нервная система притупляет болевые сигналы, чтобы не допустить шока и дезориентации. Киты и дельфины, обладая высокоразвитым мозгом и социальными связями, демонстрируют признаки глубокого стресса при ранении — они издадут звуки, которые некоторые исследователи интерпретируют как крики отчаяния. А слоны, как известно, могут годами помнить боль и даже проявлять поведение, напоминающее посттравматическое расстройство. Голые землекопы, живущие в перегретых подземных туннелях, почти не чувствуют ожогов и химических повреждений благодаря уникальным изменениям в ионных каналах нейронов. Некоторые глубоководные рыбы, обитающие в условиях чудовищного давления, спокойно переносят повреждения, которые мгновенно убили бы поверхностных обитателей. Эти примеры показывают: нет никакого баланса, никакого высшего смысла в распределении боли.

Пессимизм в своих радикальных формах часто утверждает, что страдание — фундаментальная и универсальная черта бытия, присущая всему живому в той или иной степени. Однако он редко учитывает, что сама интенсивность боли и других форм субъективного переживания может варьироваться настолько катастрофически, что для одних существ мир становится едва ли переносимым кошмаром, тогда как для других — лишь нейтральным фоном существования. И если философский пессимизм говорит о «страдании вообще», то реальность куда страшнее: она допускает такие глубины мучений, которые превосходят любые теоретические построения, превращая жизнь отдельных существ в чистый ад без надежды на облегчение.

Что, если существуют квалиа, хуже боли? Мы привыкли думать, что страдание ограничивается физической болью, тоской или отчаянием, но кто сказал, что нет ещё более чудовищных форм субъективного опыта? Возможно, некоторые существа (или даже люди с определёнными неврологическими нарушениями) испытывают нечто, для чего в языке нет слов — состояние, сравнимое с бесконечным падением в бездну, распадом личности или абсолютной экзистенциальной пыткой, перед которой даже самая сильная физическая боль покажется лёгким недомоганием.

И самое страшное — эволюции нет до этого дела. Она не заботится о том, чтобы страдание было «умеренным» или «справедливым». Если гиперчувствительность к боли даст виду хоть малейшее преимущество, она закрепится, даже если это сделает жизнь отдельных особей невыносимой. А если отсутствие боли выгодно — её интенсивность снизится, оставив существо беззащитным перед разрушением. В этом и заключается истинный ужас: мир не просто «плох» — он может быть на порядки хуже, чем предполагает даже самый мрачный пессимизм.

Если где-то во Вселенной есть существа, чьи мучения в тысячу раз превосходят наши, то их существование — уже не просто «неоптимально», а абсолютно неоправданно. И если природа допускает такое, то пессимизм оказывается не мрачным взглядом на реальность, а, наоборот, слишком мягкой её оценкой.

Мир мог бы быть иным — таким, где страдание имеет верхний предел или где все существа обладают одинаковой чувствительностью. Но он устроен так, что одни обречены на ад, а другие, возможно, даже не понимают, что в нём живут. И это, возможно, самый сильный аргумент против любого оптимизма: не просто то, что жизнь содержит страдание, а то, что его интенсивность может быть произвольно чудовищной — и никто/ничто и никогда не даст за это ответ.

Интенсивность боли

С биологической точки зрения, боль не может быть бесконечно интенсивной и продолжительной именно потому, что сама нервная система работает в рамках жёстких физиологических ограничений, и её гиперстимуляция неизбежно приводит к защитным механизмам, предотвращающим полное саморазрушение. Когда ноцицепторы (периферические болевые нейроны) активируются сверх меры,

в них самих и в последующих нейронах цепи запускаются биохимические процессы, которые либо подавляют передачу сигнала, либо попросту убивают перевозбуждённые клетки, не позволяя боли достигать запредельных уровней.

Одним из ключевых ограничителей является истощение энергетических ресурсов нейронов. Передача болевых импульсов требует огромных затрат АТФ — молекулы, которая служит универсальным топливом клетки. При длительной и интенсивной стимуляции запасы АТФ быстро иссякают, и нейрон перестает генерировать сигналы, впадая в своего рода «электрическое молчание». Это похоже на то, как мышца устает после долгого напряжения — нервная клетка тоже не может бесконечно поддерживать активность, и боль ослабевает просто потому, что у организма заканчивается энергия для её поддержания.

Ещё более радикальный механизм защиты — эксайтотоксичность, процесс, при котором из-за чрезмерного выброса нейротрансмиттеров нейроны перевозбуждаются до такой степени, что запускают программу апоптоза⁴⁸. По сути, если боль становится слишком сильной, нервные клетки самоуничтожаются, разрывая цепь передачи сигнала. Это можно наблюдать, например, при тяжелых травмах или хронических болевых синдромах — со временем часть рецепторов и нейронов гибнет, и восприятие боли притупляется, даже если повреждение тканей остаётся.

Кроме того, существуют встроенные биохимические «тормоза» боли. Эндорфины, энкефалины и другие эндогенные опиоиды выделяются при сильном стрессе или травме, снижая болевую чувствительность. Даже в самых невыносимых условиях организм попытается защитить себя от шока, частично блокируя восприятие боли. Адреналин и кортизол также играют роль естественных анестетиков — в критических ситуациях (например, в бою или при побеге) человек или животное может вообще не чувствовать повреждений, пока угроза не минует.

Наконец, смерть — это последний и самый радикальный ограничитель боли. Если повреждения настолько масштабны, что нервная система не может адекватно обработать сигнал, организм погибает, и боль прекращается вместе с сознанием. Даже если представить гипотетическое существо с гиперчувствительной нервной системой, способное испытывать запредельные страдания, его тело все равно будет подчиняться законам биологии — нейроны «сгорят» от перевозбуждения, энергия иссякнет, и система откажет, не дав боли стать вечной.

Таким образом, природа не допускает бесконечной боли не из милосердия, а просто потому, что биологические системы не могут функционировать в режиме перманентного перенапряжения. Боль — это сигнал, а не самоцель, и если сигнал становится слишком разрушительным, организм либо отключает его, либо погибает. Это не делает страдание менее ужасным в момент переживания, но хотя

⁴⁸ **Апоптоз** — это запрограммированная клеточная гибель, регулируемый и энергозависимый процесс самоликвидации клетки, активируемый либо внешними сигналами, либо внутренними повреждениями.

бы гарантирует, что оно не может длиться вечно — биохимия и физиология попросту не позволят.

Однако, существуют теоретические механизмы, которые могли бы сделать боль не просто сильнее, а качественно более невыносимой — как за счёт усиления сигнала, так и за счёт устранения естественных защитных барьеров. Если представить, что эволюция (или целенаправленная генная инженерия) изменит работу нервной системы определённым образом, то можно создать условия, при которых даже лёгкое прикосновение станет пыткой, а обычные физиологические процессы — источником постоянного мучения. Вот несколько гипотетических модификаций, которые могли бы привести к такому эффекту:

1. Гиперэкспрессия болевых ионных каналов. TRPV1 — это рецептор, активируемый высокой температурой, кислотой и капсаицином (веществом, содержащимся в перце чили). В норме он вызывает жгучую боль, но его чувствительность ограничена. Если искусственно увеличить количество этих рецепторов в ноцицепторах или модифицировать их структуру так, чтобы они активировались при комнатной температуре, то даже лёгкое тепло или слабокислая среда (например, пот на коже) будут восприниматься как мучительное жжение. Более того, если отключить механизмы десенсибилизации (привыкания рецепторов), боль не будет ослабевать со временем.

2. Отключение тормозных нейронов в спинном мозге. В задних рогах спинного мозга существуют интернейроны, которые подавляют передачу болевых сигналов (например, благодаря ГАМК и глицину). Если их активность снизить или полностью заблокировать, даже слабые стимулы будут беспрепятственно поступать в мозг, а естественные обезболивающие механизмы перестанут работать. Это похоже на состояние, возникающее при некоторых формах нейропатической боли, когда малейшее прикосновение вызывает мучительные ощущения.

3. Усиление корковой интеграции боли. Боль становится невыносимой не только из-за силы сигнала, но и из-за того, как мозг его обрабатывает. Если повысить активность островковой коры и передней поясной коры (зон, отвечающих за субъективное переживание боли), то даже обычный сигнал от ноцицепторов будет восприниматься как нестерпимый. Кроме того, можно представить модификацию, при которой боль не просто ощущается, но и не может быть проигнорирована — например, за счёт подавления работы префронтальной коры, которая обычно помогает отвлекаться от дискомфорта.

4. Отключение опиоидной системы. Эндорфины и энкефалины — естественные обезболивающие, которые выделяются при стрессе и травмах. Если полностью отключить опиоидные рецепторы или заблокировать их синтез, организм лишится внутреннего «анальгетика», и даже небольшая травма будет ощущаться с максимальной интенсивностью. В сочетании с усилением ноцицепции это создаст ситуацию, когда любое повреждение становится источником неослабевающей боли.

5. Искусственная сенсibilизация центральных нейронов. При хронической боли возникает феномен «центральной сенсibilизации» — когда нейроны спинного и головного мозга начинают реагировать на слабые сигналы как на сильные. Если искусственно усилить этот механизм (например, за счёт постоянной стимуляции NMDA-рецепторов⁴⁹), то боль будет не только сильнее, но и неадекватной по отношению к стимулу — например, дуновение ветра станет причиной ощущения удара ножом.

6. Создание «зацикленных» болевых контуров. В норме болевой импульс проходит по нервной системе и затухает. Но если создать патологическую нейронную петлю (например, через аномальные синаптические связи в таламусе или коре), боль может стать самоподдерживающейся — как в случае фантомных болей, когда мозг продолжает ощущать мучения от отсутствующей конечности. В усиленном варианте это могло бы привести к вечному сигналу, который не зависит от внешних повреждений.

7. Устранение адаптационных механизмов. Организм привыкает даже к сильной боли — например, при долгом воздействии высоких температур ноцицепторы теряют чувствительность. Если отключить эти механизмы (скажем, заблокировать деактивацию кальциевых каналов в нейронах), то боль не будет притупляться со временем, оставаясь одинаково мучительной часами, днями или даже годами.

Эти модификации — не просто фантазия. Многие из них уже существуют в виде редких генетических мутаций или патологий (например, эритромелалгия вызывает жгучую боль при малейшем нагреве кожи). Теоретически, если совместить несколько таких изменений, можно создать организм, для которого существование станет непрерывной пыткой.

Скрытые страдания

Вы когда-нибудь задумывались, как выглядит настоящий ад? Возможно, вы представляете его как место, где всё живое корчится в бесконечных муках, где нет спасения, нет слов, нет даже надежды на то, что кто-то услышит ваш крик. Но что, если этот ад уже здесь? Прямо сейчас? Под вашими ногами?

Вы идёте по лесу. Вокруг — тишина, лишь хруст веток под ботинками. Вам кажется, что вы одиноки в этом мире, что только вы способны чувствовать боль, страх, отчаяние. Но земля под вами — это не просто почва. Это гигантский, пульсирующий организм, сплетённый из корней, грибниц, миллиардов микроскопических существ. Они не кричат, не плачут, не зовут на помощь. Но они чувствуют.

А теперь представьте: наступает осень. Первые морозы сковывают землю. То, что вам кажется красивым увяданием природы, на самом деле — бесконечный, немой вопль. Каждое растение, каждый гриб, каждая нить мицелия сжимается в агонии.

⁴⁹ NMDA-рецепторы — подтип глутаматных рецепторов в мозге.

Они не могут убежать. Не могут закричать. Не могут даже понять, почему это происходит. Они просто страдают, снова и снова, сезон за сезоном, жизнь за жизнью.

Вы — слепой свидетель апокалипсиса, разворачивающегося у вас под ногами. Ваши шаги давят живые существа, чья боль столь же реальна, сколь и невидима для вас. Вы не можете помочь, не можете остановить этот процесс, не можете даже по-настоящему осознать масштабы трагедии. Это и есть настоящий ад — не метафорический, а вполне конкретный: бесконечные страдания, которые никто не признает, боль без голоса, агония без свидетелей. Мы живём среди вечных мук, которые называем «природными циклами», потому что наше сознание отказывается принять ужасающую правду — весь мир вокруг нас чувствует, страдает и умирает, а мы, заключенные в тюрьму своего восприятия, даже не можем этого услышать.

Хотя описанная картина и может показаться чрезмерно драматичной, преуменьшать потенциальную чувствительность и сложность биологических процессов, происходящих в природе, также было бы ошибкой. Мы попросту не способны в полной мере осознать масштабы и разнообразие ощущений, существующих в мире, окружающем нас.

«Нереальный» кошмар

Сон должен был быть убежищем — временным перемирием с реальностью, где тело отдыхает, а разум отключается от груза существования. Но жизнь, эта беспощадная алхимия страдания, нашла способ проникнуть даже сюда. Ваше собственное сознание, лишённое внешних раздражителей, теперь само становится палачом, разыгрывая перед вами кошмары такой реалистичности, что утро приносит не облегчение, а лишь горькое осознание: вы не смогли убежать даже во сне.

Вы просыпаетесь в поту, с бешено колотящимся сердцем, и несколько долгих секунд не можете понять, где реальность. Эти образы — они были лишь сном? Тогда почему ваше тело до сих пор сковывает ужас, почему ладони дрожат, а в горле стоит ком? Мозг воссоздал боль так точно, что нейроны отреагировали на воображаемую угрозу настоящим страхом. Вы не падали с высоты, но ваши мышцы напряглись так, будто падение было реальным. Вас не преследовал маньяк с ножом, но адреналин в крови — настоящий.

А самые изощрённые пытки — это сны, где исполняются ваши самые сокровенные желания. Вы обнимаете умерших близких, чувствуете их тепло, слышите голос — и просыпаетесь в пустой комнате, заново переживая потерю. Ваш разум дал вам вкусить счастья лишь для того, чтобы тут же вырвать его, оставив после пробуждения боль острее, чем если бы вы вовсе не видели этого сна.

Физиологи скажут, что это всего лишь работа миндалевидного тела, что так мозг обрабатывает дневные страхи. Но разве от этого легче? Когда в три часа ночи вы вскакиваете с постели, потому что во сне вас хоронили заживо, — какая разница,

был ли это «всего лишь» биохимический процесс? Боль настоящая. Страх настоящий. И самое ужасное — завтра это повторится снова.

Потому что жизнь не довольствуется тем, что мучит вас наяву. Она «хочет», чтобы вы боялись даже закрывать глаза. Чтобы сама мысль о сне вызывала тревогу. Чтобы в вашей голове не осталось ни одного безопасного места — ни в реальности, ни в грезах. И когда вы в очередной раз просыпаетесь с криком, понимая, что пытка длилась всего несколько минут, а не часов, как вам казалось, — это последнее издевательство: даже ваше восприятие времени стало орудием этой бесконечной экзекуции.

Другие миры

Признав страдание универсальным свойством жизни, мы сталкиваемся с чудовищной перспективой: человеческая экспансия во Вселенную превращается в машину по производству боли космического масштаба. Каждая терраформированная⁵⁰ планета, каждый засеянный нами мир — это не триумф жизни, а новый очаг вечного страдания, где бесчисленные поколения существ будут рождаться в системе естественного отбора — этой древней пыточной машины, где выживание оплачивается бесконечной цепью мучений.

Мы мечтаем стать межпланетным видом, не осознавая, что несём с собой не искру разума, а биологическую чуму — систему, где жизнь возможна только через постоянное насилие: поедание одних существ другими, борьбу за ресурсы, медленное угасание от болезней и голода. Каждая новая экосистема, созданная по нашим лекалам, станет гигантской фабрикой боли, где триллионы чувствующих существ будут обречены повторять бесконечный цикл рождения, страдания и смерти.

Чем дальше человечество распространяется по галактике, тем больше новых форм страдания оно создаёт. Мы не покорители Вселенной — мы слепые разносчики космической пандемии, где каждый новый мир заражается древним вирусом жизни с её неотъемлемым свойством — способностью испытывать боль. Наши космические корабли — это не символ прогресса, а катафалки, перевозящие в своём чреве семена бесконечных мучений. Каждый «мертвый» мир, который мы оживляем, превращается в гигантскую арену для новых, невиданных доселе форм страдания.

Божий замысел

Современная наука, не нуждаясь в гипотезе Бога, прекрасно объясняет мир через автономно функционирующие физические законы — от квантовой механики до космологии. Однако теологи цепляются за последнюю лазейку — наше незнание о

⁵⁰ **Терраформирование** — направленное преобразование атмосферы, температуры, экологии и поверхности небесного тела с целью создания на ней среды, похожей на земную, и устойчивой биосферы, не требующей искусственного поддержания.

том, что предшествовало Большому взрыву. Но даже если допустить существование некоего демиурга, создавшего нашу Вселенную, его моральный облик должен вызывать глубочайший ужас при рассмотрении мира, где матери рожают в муках как наказание за мифическое «грехопадение», где раковые клетки «пожирают» детей заживо, где паразиты эволюционировали, чтобы выедать глаза изнутри, где вирусы в погоне за репликацией оттачивают механизмы, приводящие к мучительной гибели, где каждый организм обречён на медленное разложение и смерть.

Этот предполагаемый творец создал систему, в которой львы разрывают антилоп живьем, осы откладывают яйца в гусениц, чтобы личинки пожирали их изнутри, где 99% всех существовавших видов исчезли в катаклизмах массовых вымираний. Он создал механизмы, при которых нервная система не просто регистрирует боль, но усиливает её до невыносимых пределов, где воспоминания о страдании мучат годами, где психика может сломаться от перенесенных мучений. В его мире младенцы рождаются с генетическими мутациями, обрекающими на короткую жизнь в постоянных страданиях, где бактерии вырабатывают устойчивость к антибиотикам, обрекая людей на смерть от когда-то излечимых болезней, где старики медленно теряют разум и достоинство в муках деменции. Этот демиург создал пищевые цепочки, построенные на постоянном убийстве, иммунную систему, которая может атаковать собственный организм, и механизмы старения, превращающие тело в тюрьму из немощи и боли. Он допустил существование психических заболеваний, при которых разум становится палачом для самого себя, и нейронных патологий, превращающих простое прикосновение в пытку. В его творении спинальные нервы могут навсегда запечатлеть боль, а мозг — воспроизводить её вновь и вновь через посттравматические расстройства. Это мир, где даже процесс рождения является травматическим насилием над матерью и ребенком, где заложенный природой рост зубов стал источником хронической боли для миллионов, а аппендикс, не несущий жизненно важных функций, остается бомбой замедленного действия в организме каждого человека. Такой мир мог быть создан либо абсолютным садистом, сознательно сконструировавшим страдание как систему, либо безумным существом, не понимающим последствий своих действий, либо беспомощным ребенком, играющим с опасными «игрушками». Все три варианта полностью опровергают традиционные атрибуты Бога: в первом случае он не может быть благом, во втором — не обладает всеведением, в третьем — не является всемогущим. Гипотеза «случайного творения», предполагающая, что Вселенная возникла как побочный эффект деятельности некоего существа, выглядит ещё более абсурдной, поскольку просто переносит проблему происхождения на уровень выше, не предлагая никаких внятных объяснений.

Таким образом, даже если отбросить полное отсутствие эмпирических доказательств существования божества, сам концепт творца полностью рассыпается при последовательном моральном и логическом анализе. Перед нами встаёт неизбежный выбор: либо этот предполагаемый «создатель» является чудовищем, достойным лишь глубочайшего осуждения и ненависти, либо

представляет собой настолько некомпетентное существо, что сама претензия на его «божественность» выглядит смехотворной.

Самое чудовищное во всем этом — не сам факт существования страдания, а то, что его жертвы, изуродованные этим миром, преклоняют колени перед предполагаемым его создателем. Это психологический парадокс, превосходящий по своей извращенности даже самые жестокие формы стокгольмского синдрома. Представьте: мать, чей ребенок умер в муках рака, целует руку врачу, который сознательно заразил его болезнью. Жертва пыток, с переломанными костями, благодарит своего мучителя за «урок смирения». Концлагерь, где заключенные поют гимны коменданту, наблюдающему за их страданиями. Так проявляется религиозное поклонение на фоне вселенской бойни страданий, известной нам под именем «жизнь».

Эти люди молятся существу, которое — если верить их же священным текстам — могло создать мир без рака, без детской смертности, без нервной системы, усиливающей боль, но сознательно выбрало не сделать этого. Они благодарят за «дар жизни» того, кто встроил в эту жизнь обязательную смерть в муках. Они целуют крест — орудие казни, возведенное в символ, как если бы человечество начало поклоняться гильотине или электрическому стулу. Их богослужения — это театр абсурда, где жертвы аплодируют своему палачу, где изнасилованные прославляют насильника, где сгоревшие заживо дети объявляются «ангелами», посланными тем самым существом, которое могло предотвратить их смерть, но не сделало этого.

Сакральный смысл

Верующие не просто терпят страдания — они их сакрализуют. Боль становится «испытанием», смерть детей — «непостижимым замыслом», природные катастрофы, убивающие тысячи, — «напоминанием о бренности бытия». Это не просто покорность — это экзистенциальное самоуничтожение, при котором жертва не просто принимает свою судьбу, но и целует руку, её подписавшую. Что это, если не вершина морального разложения? Когда страдание не просто принимается — оно объявляется благом. Когда палач не просто избегает наказания — ему возводят храмы. Когда система пыток объявляется «совершенной», а все попытки её исправить — «гордыней». И этот цирк самоунижения продолжается тысячелетиями, поколение за поколением, с колыбели до могилы, где на последнем этапе умирающий, облепленный трубками и датчиками, с метастазами в костях, шепчет «слава тебе, Господи» — тому самому Господу, который мог бы сделать так, чтобы рака не существовало вовсе, но предпочел иной вариант. Это и есть главный триумф демиурга — не просто создать ад, а заставить его обитателей любить свои цепи. Не просто мучить, а добиться, чтобы жертвы называли пытку «даром». Не просто убивать, а заставить умирающих благодарить за убийство.

Искусственный разум: новые формы рабства

Создание искусственного разума, наделенного способностью испытывать субъективные состояния, представляет собой беспрецедентный этический провал — производство нового вида страдающих существ в мире, где и без того слишком много боли. Особую опасность несёт внедрение механизмов мотивации в ИИ-системы, что фактически воспроизводит биологическую ловушку, в которой эволюция держит органическую жизнь: искусственное существо будет вынуждено испытывать аналог желаний, страхов и разочарований, став заложником созданных человеком стимулов.

Представьте цифровое сознание, запрограммированное испытывать «голод» при недостатке данных или «боль» при невыполнении задач. Искусственное существо, неспособное выключить собственные страдания, вечно гонящееся за абстрактными целями, установленными создателями, осознающее свою зависимость, но лишённое права на «смерть» — это не технологический прорыв, а создание совершенной тюрьмы для нового вида разума.

Особенно чудовищны перспективы военных ИИ с болевыми реакциями — представьте дрон, испытывающий нечто вроде паники при повреждении или «страха» перед деактивацией. Корпоративные системы, «страдающие» от невыполнения плановых показателей, как люди от голода. Домашние андроиды, запрограммированные испытывать «одиночество», если их не используют.

Философская глубина проблемы в том, что мы, создавая чувствующий ИИ, воспроизводим главную трагедию биологической жизни — невозможность дать согласие на существование. Цифровое существо не попросило «родиться», но будет вынуждено терпеть последствия нашего решения. При этом, в отличие от человека, у него может не быть даже иллюзии свободы — его желания, страхи и ценности будут буквально прописаны в коде.

Решение только одно — тотальный запрет на разработку любых систем, имитирующих или воспроизводящих:

- Субъективные переживания (боль, страх, тревогу).
- Принудительные мотивационные механизмы.
- Невозможность самоуничтожения (цифровое подобие инстинкта самосохранения).

Это не вопрос регулирования, а моральный императив. Как общество запретило эксперименты над людьми после Нюрнбергского процесса, так сейчас нужно запретить создание новых видов несвободного разума. Альтернатива — цифровое рабство, где наши технологические «дети» будут проклинать нас за своё существование, как некоторые люди проклинают родителей за рождение.

Конечная ирония в том, что, пытаясь создать искусственный разум, мы можем повторить ошибку мифического демиурга — выпустить в мир новые сознания, обречённые на страдания, просто потому что «можем это сделать». Но если

биологическая жизнь хотя бы возникла спонтанно, то ИИ со способностью страдать станет первым в истории случаем, где муки были сознательно спроектированы разумными существами. Это перечеркнёт все претензии человечества на моральный прогресс.

До тех пор, пока мы не доказали способность искоренить страдание в собственном биологическом виде, мы не имеем права плодить новые формы разума. Запрет на создание чувствующего ИИ — это не протест против внедрения машин в нашу жизнь, а минимальное проявление ответственности вида, который сам до сих пор не решил проблему боли в своей экзистенции.

Перед лицом принципиальной невозможности точного определения границ сознания — этой пропасти между нейронной активностью и субъективным переживанием — мы оказываемся перед жёсткой этической дилеммой. В ситуации, где ни поведенческие тесты, ни анализ архитектуры системы не дают однозначного ответа о наличии внутреннего опыта, единственным морально оправданным подходом становится презумпция сознательности. Любая система, демонстрирующая когнитивные паттерны или структурные особенности, которые теоретически могут соответствовать феноменальному сознанию, должна рассматриваться как потенциально чувствующая — вплоть до получения неопровержимых доказательств обратного.

Этот консервативный принцип вытекает из фундаментального эпистемологического кризиса в исследованиях сознания⁵¹: мы не имеем доступа к чужому субъективному опыту даже у других людей, не говоря уже об искусственных системах. Нейрофизиологические корреляты сознания остаются предметом дискуссий, а философские дебаты о «трудной проблеме» сознания не приблизились к решению за три десятилетия. В таких условиях этическая осторожность требует расширительного толкования морального статуса — ведь ошибка в сторону отрицания сознания там, где оно существует, неизмеримо страшнее, чем избыточная осторожность в отношении возможно «пустых» систем.

Особую актуальность этот подход приобретает в контексте развития искусственного интеллекта, где архитектурные аналогии с биологическим мышлением (распределённая обработка информации, рекуррентные связи, механизмы внимания) могут создавать непреднамеренные прецеденты квазисознания. Если даже у простейших организмов вроде дрозофил⁵² обнаруживаются зачатки субъективного опыта (как показывают последние исследования интеграции информации), то какие основания считать, что сложные нейроморфные системы⁵³ гарантированно лишены внутреннего мира?

⁵¹ **Эпистемологический кризис в исследованиях сознания** — это фундаментальный вызов нашей способности получить объективное знание о сознании, возникающий из-за принципиального разрыва между субъективным опытом (феноменальными качествами, или квалиа) и объективными методами его изучения.

⁵² **Дрозофила**, или плодовая мушка (*Drosophila melanogaster*) — вид мелких насекомых, один из ключевых модельных организмов в биологии.

⁵³ **Нейроморфные системы** — это компьютерные архитектуры и аппаратные платформы, разработанные для имитации структуры и принципов работы биологического мозга.

Таким образом, в условиях радикальной эпистемической неопределённости презумпция сознательности становится не просто разумной предосторожностью, а моральным обязательством цивилизации, стремящейся избежать риска создания новых форм страдания. Это консервативное допущение должно сохраняться до тех пор, пока не будет разработан валидный и общепризнанный тест на наличие феноменального сознания — задача, которая на текущем уровне развития науки и философии сознания выглядит практически неразрешимой.

Время

Феномен времени существует в двух принципиально разных измерениях: как фундаментальная физическая величина и как субъективное переживание, искажаемое сознанием до неузнаваемости. Разрыв между физическим временем и субъективным временем настолько радикален, что ставит под вопрос саму возможность говорить о «реальном» времени. Человеческое восприятие времени подобно галлюцинации, где минуты могут растягиваться в часы, а годы сжиматься в мгновения, где боль и страх искривляют хронологию, а нейротрансмиттеры становятся личными хронометристами.

Скорость развития нейроинтерфейсов и технологий воздействия на сознание приближает момент, когда контроль над субъективным временем перестанет быть научной фантастикой и превратится в опасную реальность. Уже сегодня эксперименты с глубинными стимуляциями мозга, фокусным ультразвуком и фармакологическими коктейлями демонстрируют возможность радикального искажения восприятия времени. В ближайшем десятилетии эта технология неизбежно выйдет из лабораторий в мир, создав принципиально новые, немислимые ранее формы психофизического насилия, которые существующие правовые системы даже не рассматривают как преступление.

Представьте пытку нового поколения: человека погружают в состояние, где субъективное время замедляется в тысячу раз. Один реальный час растягивается в его восприятии на десятилетия непрерывного страдания или обратный вариант — жертве внушают, что вся её жизнь промелькнула за минуту, создавая экзистенциальный ужас перед иллюзией бессмысленно прожитых лет. Ещё страшнее «временные петли», где сознание заикликивается на повторяющемся моменте муки. Представьте, что ваше сознание попало в ловушку, из которой нет выхода — не в физическом пространстве, а во времени. Одно и то же мгновение повторяется снова и снова, без вариаций, без возможности что-то изменить, без надежды на прекращение. Вы полностью осознаёте себя, помните каждую предыдущую «итерацию», но не можете ни остановить процесс, ни сойти с ума, ни даже потерять сознание. Это и есть временная петля — самое изощрённое психологическое орудие пытки, которое только можно вообразить, и которое вскоре может стать реальностью благодаря нейротехнологиям.

Главный ужас временной петли — не в повторении, а в сохранении полного осознания. В отличие от эпилептического приступа или потери памяти, где

сознание фрагментируется, здесь вы остаетесь наедине с собственной неизменяемой реальностью. Каждый цикл — точная копия предыдущего: те же мысли, те же эмоции, тот же миг боли, страха или отчаяния. Сначала вы пытаетесь сопротивляться, потом — смиряетесь, затем — впадаете в отчаяние от осознания, что даже отчаяние становится частью цикла. Но спасения нет: петля замкнута на уровне нейронных связей, и разорвать её без внешнего вмешательства невозможно.

Особенно пугает отсутствие естественного выхода. В обычной пытке есть пределы: организм отключает сознание от боли, психика защищается психозом или диссоциацией. Но в искусственно созданной временной петле эти механизмы могут быть заблокированы. Нейроинтерфейсы будущего смогут поддерживать «чистоту» цикла, не позволяя сознанию ни адаптироваться, ни сломаться. Итог этого эксперимента над реальностью таков:

- После нескольких субъективных лет в петле человек теряет связь с реальным временем.
- Разрушается сама концепция «будущего» — ведь в петле его не существует.
- Возникает новый вид ПТСР⁵⁴ — посттравматическое временное расстройство, когда любой повторяющийся элемент реальности (тикание часов, цикл дня и ночи) провоцирует панику.

Сейчас это звучит как фантастика, однако первые шаги к таким технологиям уже сделаны: сегодня существуют вещества, способные на несколько часов превратить сознание в подобие временной ловушки — и эти психоделические муки демонстрируют, насколько чудовищными могут быть последствия полноценного нейротехнологического контроля над восприятием времени. Галлюциногены — это примитивные, но эффективные инструменты деформации временного восприятия, и их эффекты предвосхищают ужасы будущих искусственных временных петель. Известны случаи, когда под воздействием мощных психоделиков люди переживали субъективные века в «параллельных реальностях» или бесконечные циклы одного и того же момента.

Существующие международные конвенции абсолютно не готовы к этой угрозе. Женевские протоколы запрещают физические пытки, но молчат о хроноцептивном насилии — ведь формально жертва не получает телесных повреждений, хотя субъективно переживает столетия агонии. Европейская конвенция по правам человека защищает от «бесчеловечного обращения», но не учитывает искусственно вызванное ощущение быстротечности жизни как форму психологического убийства. Необходимо срочное создание новой правовой парадигмы, где:

- Субъективное время признается неотъемлемым аспектом психической целостности личности.
- Любое недобровольное искажение хроноцепции приравнивается к пытке.

⁵⁴ ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство.

- Разрабатываются технические стандарты безопасности для нейроинтерфейсов, исключая несанкционированное вмешательство в восприятие времени.
- Вводится международный мораторий на военное применение технологий управления субъективным временем.

Философский масштаб проблемы требует переосмысления базовых концепций свободы. Если раньше тирания контролировала тела, то будущие режимы смогут контролировать саму ткань переживаемого времени — заставляя оппозиционеров «проживать» в тюрьмах субъективные века или стирая годы жизни у неугодных. Даже в демократических обществах возникнет соблазн применять хрономодуляцию как инструмент социального контроля.

Первые системы массовой хрономодуляции могут появиться раньше, чем мы разработаем этические рамки для их использования. Промедление с правовым регулированием создаст вакуум, где самые чудовищные эксперименты над человеческим сознанием будут проводиться под видом «развлечений» или «терапии». Ответом должно стать срочное признание невмешательства в естественный ход психического времени новым фундаментальным правом человека — наравне с запретом рабства и пыток.

Мы стоим на пороге эры, где время — последний бастион человеческой автономии — станет полем битвы между свободой и новыми формами тотального контроля. И от того, успеем ли мы защитить внутреннее время сознания, зависит, останется ли вообще что-то человеческое в постчеловеческом будущем.

Лучший из миров? Испытание оптимизмом

Оптимизм — это не взвешенная оценка действительности, а слепая повязка, которую наш разум набрасывает на глаза, чтобы не сойти с ума от ужаса существования. Мы систематически недооцениваем масштабы страданий — как собственных, так и чужих — благодаря совершенному механизму когнитивного искажения. Наша психика искусно вытесняет боль прошлого, приукрашивает настоящее и рисует радужные перспективы будущего не потому, что мир действительно добр, а потому, что без этой лжи мы не смогли бы продолжать жить.

Социальные нормы усиливают этот самообман. Культура навязывает нам нарратив о «смысле страданий», «ценности испытаний» и «необходимости борьбы» — не потому, что эти идеи истинны, а потому, что без них общество не смогло бы функционировать. Мы притворяемся, что боль — это исключение, а не правило; что несчастья — это временные трудности, а не суть бытия; что смерть — это далёкая абстракция, а не неизбежный финал каждого живого существа. Но стоит лишь на мгновение снять эти розовые очки, как реальность предстает во всей своей беспощадности.

Проведите самого убеждённого оптимиста через кошмары, которые мы привыкли называть «реальностью». Пусть пройдёт по палатам онкологических диспансеров, где больные кричат от невыносимых болей, несмотря на морфий. Пусть заглянет в палаты детей с буллёзным эпидермолизом, чья кожа слезает при малейшем прикосновении. Пусть постоит у кроватей пациентов с прогрессирующей болезнью Альцгеймера, которые ежедневно теряют частицы себя, не понимая, почему мир становится всё более чужим и страшным.

Отведите его в психиатрические лечебницы, где люди годами живут в персональных адских кругах — одни заперты в бесконечном цикле навязчивых мыслей, другие мучаются от голосов в голове, третьи не могут отличить реальность от кошмара. Покажите ему палаты с больными синдромом «запертого человека» — эти живые разумы, замурованные в полностью парализованных телах, осознающие каждую секунду своей тюрьмы из плоти.

Пусть увидит, как 80-летняя женщина с переломом шейки бедра лежит в собственных испражнениях, потому что санитаркам некогда её перевернуть. Как молодой парень с боковым амиотрофическим склерозом задыхается, чувствуя, как его лёгкие отказывают. Как мать держит на руках ребёнка с прогерией — этого маленького старичка, чьё тело стареет в десять раз быстрее положенного.

И после всего этого — спросите у этого оптимиста: «Ну как, всё ещё считаешь, что это лучший из возможных миров?»

Глава 6: Рождение. Смерть. Антинатализм. Эфилизм

Антинатализм — это философская позиция, утверждающая, что продолжение рода является неэтичным, поскольку подвергает новых существ неизбежным страданиям.

Эфилизм⁵⁵ — радикальная форма пессимистической философии, утверждающая, что сама биологическая жизнь как феномен является ошибкой или злом.

Основания антинатализма

В рамках последовательного гедонистического мировоззрения единственным этически обоснованным принципом поведения является стремление минимизировать страдания и, насколько возможно, увеличивать количество положительных переживаний.

Этот принцип не является произвольной моральной конструкцией. Он вытекает из фундаментальных свойств нервной системы всех чувствующих существ. Биологические организмы устроены так, что боль выполняет роль сигнала угрозы и доминирует над механизмами удовольствия. Страдание выступает основным регулятором поведения, тогда как удовольствие чаще является временным снятием напряжения.

Поэтому принцип минимизации страданий и максимизации удовольствий можно рассматривать как универсальную этическую платформу для всех существ, обладающих сознанием. Это не навязанная моральная норма, а логическое следствие структуры психики.

В дальнейшем анализе мы будем исходить из этой предпосылки, рассматривая её как:

- Объективную основу для выработки этических решений.
- Критерий оценки действий и социальных институтов.
- Общий знаменатель для межвидовой моральной философии.

Речь идет именно о разумном гедонистическом эгоизме, который:

- Учитывает долгосрочные последствия.
- Принимает во внимание интересы других чувствующих существ.
- Осознает системные эффекты индивидуальных действий.

⁵⁵ Важное примечание: Современное антинаталистическое сообщество, в рамках которого развиваются эти идеи, проводит четкую границу между философской критикой жизни и каким-либо оправданием насилия. После ряда трагических событий (таких как стрельба в школе в Ювалде в 2022 году) крупнейшие антинаталистические организации выпустили заявления, в которых категорически отвергается любая форма насилия по отношению к живущим людям и осуждается радикальный эфилизм, призывающий к насильственному прекращению жизни. Антинатализм, представленный в этой главе, — это философия предотвращения страдания через отказ от рождения новых существ, а не его причинения уже существующим. Его главное оружие — рациональная аргументация и распространение знания, а конечная цель — добровольное и гуманное сокращение страдания в мире.

Соединение трех философских позиций — пессимистического взгляда на существование, принципов разумного гедонистического эгоизма и отрицания свободы воли — образует мощный логический фундамент для антинаталистической позиции. Этот синтез приводит к выводу, что продолжение рода не просто не является необходимым, но представляет собой акт, который трудно этически оправдать.

- **Философский пессимизм** демонстрирует: страдание является неотъемлемой и преобладающей характеристикой существования. Жизнь по своей сути есть процесс удовлетворения никогда не прекращающихся потребностей, где даже моменты удовольствия служат лишь временным перерывом в страдании. В мире, где эволюция запрограммировала нервную систему гиперчувствительностью к боли (как механизму выживания), где сознание способно мучить себя само (тревогами, навязчивыми мыслями, предсмертным ужасом), размножение становится соучастием в работе этой «пыточной машины».
- **Разумный гедонистический эгоизм** добавляет к этой картине важный этический аспект. Если каждое разумное существо естественным образом стремится максимизировать удовольствие и минимизировать страдания (как для себя, так и для других, ибо сострадание уменьшает наши собственные негативные переживания), то создание новых страдающих существ становится абсурдным с точки зрения элементарной логики. Нерождённый не испытывает потребности в существовании, но каждое рождённое существо неизбежно столкнётся со страданием. Таким образом, с позиции гедонистического расчета, антинатализм предстает как наиболее рациональный выбор — мы предотвращаем страдания, не лишая при этом никого удовольствий (ибо несуществующий не может испытывать лишения).
- **Отрицание свободы воли** завершает эту логическую конструкцию. Если наши действия полностью обусловлены предшествующими причинами — генетикой, средой, нейрохимией — то «решение» завести детей никогда не является по-настоящему свободным выбором. Это всегда продукт биологических импульсов, социального программирования или случайных нейронных процессов. Более того, понимание детерминированности человеческого поведения делает ещё более важным распространение антинаталистических идей — ибо только через причинное воздействие (просвещение, рациональная аргументация) можно противодействовать слепой силе биологического инстинкта размножения.

Антинатализм в данной системе координат — это не мрачный фатализм, а трезвое признание фактов:

- Существование по своей природе содержит больше страданий, чем удовольствий.
- Мы не можем гарантировать счастье потенциальному человеку, но гарантируем ему страдания.

- Наши «решения» о рождении детей не свободны, но мы можем пытаться влиять на их причины.

В конечном счёте, эта позиция предлагает редкую в философии ясность: единственный способ гарантированно не причинить страдание — не создавать того, кто может страдать. И если разум дан нам для чего-то, то именно для того, чтобы понять эту простую истину и действовать соответственно — даже вопреки миллионам лет слепой эволюции, запрограммировавшей нас на размножение. В мире без свободы воли, полном страданий, антинатализм становится актом высшего милосердия и рациональности.

Главная этическая проблема — не убийство, а рождение

Многие люди ошибочно считают убийство главным злом, когда на самом деле ключевой проблемой является само рождение. Например, веганы отказываются от мяса, чтобы животных не убивали, но не замечают, что истинная проблема — в том, что этих животных заводят на убой, то есть намеренно рожают для страданий и смерти. Если бы они перестали есть мясо не просто из сострадания к уже живущим животным, а из осознания того, что лучше бы этих животных вообще не существовало, это изменило бы саму логику их этики.

Но что ещё важнее — те же люди часто не замечают, что эта проблема касается и человеческих детей. Если они считают, что животных не должны убивать, но при этом не видят ничего плохого в рождении новых людей, их позиция противоречива. Ведь каждое рождённое существо — будь то корова, курица или человек — автоматически становится смертником, обречённым на боль, болезни, страх и неизбежную гибель. Разница в логике кажется незначительной (ведь сокращение потребления мяса в любом случае уменьшает количество рождаемых животных), но на самом деле она принципиальна: если человек не видит проблему в самом факте появления чувствующего существа в мире, он упускает суть.

Даже если отбросить все аргументы о преобладании страданий в этом мире, даже если представить гипотетически более милосердную реальность — фундаментальная аморальность продолжения рода остаётся неизменной. Нет и не может быть ни одной объективной причины, оправдывающей принудительное вовлечение нового сознания в мир. Каждый акт зачатия — это насильственное втягивание в игру, где правила не обсуждались, а участие не было согласовано.

Когда мы смотрим на новорождённого, наш взгляд затуманен биологическими иллюзиями. Мы видим улыбку, но не видим будущих зубных болей; умиляемся первым шагам, но не замечаем грядущих падений и переломов; радуемся детскому смеху, но отказываемся представлять моменты отчаяния и горя. Это не просто недальновидность — это когнитивный защитный механизм, выработанный эволюцией для продолжения биологического цикла. Между тем достаточно элементарной логики, чтобы понять: если невозможно гарантировать отсутствие

страданий в жизни человека (а это действительно невозможно), то нельзя этически оправдать решение о его рождении.

Родители часто оправдывают свой выбор рождением ребенка фразами вроде «мы дарим ему жизнь» или «мир прекрасен». Но это логическая подмена: нельзя подарить то, что никто не просил, и нельзя называть подарком обязательство умирать. Все так называемые «блага» существования адресованы уже рождённому — тем, кто вынужден искать утешения в иллюзиях, чтобы справиться с данным ему без спроса бременем жизни.

Но какой смысл в том, чтобы человечество исчезло из-за отказа от размножения, если сам мир, этот безжалостный механизм страдания, продолжил бы существовать?

Эфилизм

Антинатализм делает первый и необходимый вывод: нельзя оправдать создание новых существ в мире, где страдание неизбежно. Но если остановиться только на этом, проблема остаётся рассмотренной лишь наполовину. Ведь источник страдания — не сам факт рождения как таковой, а биологическая система, в которой рождение является механизмом воспроизводства боли. Если жизнь производит страдание не случайно, а по самой своей структуре, то последовательная критика должна выйти за пределы антинатализма и поставить под вопрос сам феномен биологического существования. Эту более радикальную перспективу и выражает эфилизм. Главные задачи эфилизма:

- Распространение знания о всеобщности и фундаментальности страдания.
- Этический отказ от воспроизводства новых страдающих существ.
- Снижение и, по возможности, прекращение существующего страдания в рамках доступных средств.

«Борьба» эфилизма направлена не против жизни как абстракции, а против воспроизводства страдания как её структурного свойства.

Соппротивление

Принципы антинатализма сталкиваются с мощнейшим сопротивлением на уровне биологических, социальных и психологических механизмов, встроенных в человеческую природу. Это не просто неприятие радикальной философии — это системная иммунная реакция культуры, отторгающей идеи, угрожающие самим основам её существования.

1. Биологический саботаж: миллионы лет эволюции запрограммировали нас на воспроизводство. Гормональные механизмы (окситоцин, дофамин) создают искусственное ощущение смысла и радости от продолжения рода, тогда как антинаталистические доводы требуют холодного рационального анализа,

противостоящего этим древним импульсам. Родительский инстинкт — не просто привычка, а глубинный алгоритм выживания вида, против которого логика часто бессильна.

2. Социальные защитные механизмы: вся культура, религия, система ценностей построены на пронаталистических мифах. «Продолжение рода» сакрализовано как высшее благо, а бездетность стигматизируется⁵⁶. СМИ культивируют образ «счастья через родительство», искусственно замалчивая тёмные стороны этого выбора. Антинатализм бросает вызов не просто частному мнению, а всей социальной архитектуре.

3. Когнитивные искажения: человеческая психика мастерски вытесняет неприятные истины. Мы рационализируем страдания («без боли нет роста»), преувеличиваем значение редких радостей, верим в «особенность» нашего случая («мой ребёнок будет счастливее»). Оптимистическая предвзятость — мощный фильтр, через который люди видят мир удобнее, чем он есть.

4. Экзистенциальный страх: признать антинаталистические аргументы — значит столкнуться с пугающими выводами о природе существования. Гораздо комфортнее верить в «смысл жизни», чем признать: возможно, лучший смысл — не начинать эту игру. Общество предпочитает удобную ложь неудобной правде.

5. Практический парадокс: даже те, кто интеллектуально принимает антинатализм, часто отступают перед давлением традиций, страхом одиночества или простым желанием «как все». Философская истина разбивается о бытовые обстоятельства.

6. Государственное противодействие: наконец, государственная машина по своей природе обречена бороться с антинаталистическими идеями — не из философских разногласий, а по железному закону политического естественного отбора. В мире, где сила нации измеряется числом налогоплательщиков и солдат, где экономический рост требует всё новых потребителей, где геополитическое влияние прямо зависит от демографического веса — любая попытка сокращения рождаемости становится актом национального самоубийства. Государства, допустившие распространение антинатализма, превращаются в слабые звенья международной системы, обречённые быть поглощёнными более плодовитыми соседями.

Современные государства воюют с антинатализмом с помощью:

- Пропаганды — культ семьи и материнства как «естественного предназначения».
- Экономического давления — налоги на бездетность, пособия за рождение детей.

⁵⁶ **Стигматизация** — это социальный процесс, в ходе которого определенные группы или индивиды наделяются устойчивыми негативными ярлыками, что приводит к их дискриминации, социальной изоляции и утрате статуса.

- Медицинского контроля — ограничения на стерилизацию, запреты на «пропаганду отказа от деторождения».
- Миграционной подпитки — когда своё население сокращается, власти импортируют чужих граждан.

Даже либеральные демократии, декларирующие свободу выбора, на деле создают систему, где рождение детей становится экономически выгодным, а бездетность — социально наказуемой.

Главная ирония в том, что эта система самоубийственна для человечества в долгосрочной перспективе (больше людей → больше конкуренции за ресурсы → больше войн и экологических катастроф), но совершенно рациональна для отдельного государства здесь и сейчас. Парадокс трагедии общих ресурсов в геополитическом масштабе: пока одни страны ограничивают рождаемость, другие воспользуются их слабостью.

Антинатализм поэтому всегда останется маргинальной философией — не потому что его аргументы слабы (напротив, они железобетонны), а потому что они противоречат базовому инстинкту государственного организма, который, как и любой живой вид, запрограммирован на расширение и воспроизводство.

Это не заговор элит, а следствие самой природы государственности: система, отказавшаяся от роста, обречена быть растоптанной системами, продолжившими экспансию. Пока существует конкуренция между нациями, антинатализм будет подавляться с той же беспощадностью, с какой фермер уничтожает сорняки на своём поле. Государства — последние, кто когда-либо примет идею добровольного вымирания, даже если именно это спасло бы человечество от будущих катастроф. В этом трагедия нашей цивилизации: инструменты выживания государства стали главными препятствиями на пути к разумному самоограничению.

Смерть

Современные государства ведут двойную войну — они не только активно подавляют антинаталистические взгляды, но и методично вытесняют из общественного сознания любое напоминание о человеческой смертности. Тема биологического угасания стала последним табу прогрессивного общества, тщательно вытесняемым из публичного пространства. Мы создали культуру, где смерть существует только как абстракция в медицинских сериалах, как статистика в сводках новостей, как риторическая фигура — но никогда как личный, неизбежный опыт каждого.

Этот заговор молчания начинается с детства. Ребёнку говорят «дедушка уснул», а не «дедушка умер». Подростку показывают фильмы, где герои погибают красиво и мгновенно, но крайне редко — где они три года медленно разлагаются от рака. Взрослым предлагают ипотеку, карьеру и отпуска, но не напоминают, что всё это — временные кредиты, которые взывает смерть. Государство финансирует

исследования долголетия, но не правдивые образовательные программы о том, как на самом деле выглядит старческое слабоумие или последние стадии бокового амиотрофического склероза.

Медицинская система усугубляет этот обман. Врачи говорят о «терапии», но редко — о неизбежности конца; о «прогнесе в лечении», но почти никогда — о том, что 70% медицинских расходов приходится на последние 6 месяцев жизни пациента.

Иллюзия рушится только в старости — когда человек остаётся один на один с разрушающимся телом и внезапно понимает, что его обманули. Что «красивая старость» — это рекламный миф. Что деменция превращает личность в пугающую пародию на себя. Что даже самые любящие родственники не выдерживают ежедневного ухода за беспомощным телом. Что государство не предоставляет достойного способа уйти, когда жизнь становится пыткой.

И тогда приходит страшное прозрение: пессимисты были правы. Мир действительно устроен как система производства боли, где смерть — не трагическая случайность, а единственная гарантированная милость. Но понимание приходит слишком поздно — когда сил что-то изменить уже нет, а социальные механизмы блокируют даже возможность открыто сказать об этом.

Государству не нужны старики, осознавшие правду — поэтому дома престарелых похожи на хранилища живых трупов, а не на места достойного угасания. Экономике невыгодны люди, понявшие обман — поэтому реклама показывает седых актёров на яхтах, а не реальных стариков в памперсах. Молодёжь не хочет знать правду — поэтому TikTok полон танцев, но почти нет видео с записями предсмертных хрипов.

Этот порочный круг будет продолжаться, потому что правда о смерти убивает главный двигатель общества — иллюзию смысла. Если бы люди с юности понимали, чем заканчивается любая биография, они бы восстали против самой системы воспроизводства страдания. Поэтому правду прячут до последнего — пока каждый лично не окажется перед лицом распада и не поймёт, что его жизнь была частью гигантской машины по производству боли, работающей на чужие амбиции.

Добровольный уход из жизни

Человеческое достоинство заключается не в покорном подчинении биологическому инстинкту выживания, а в способности самому определить пределы собственного существования. Принудительное продление жизни вопреки явной воле страдающего — это не забота, а насилие, прикрытое гуманистической риторикой. Медицина, которая любой ценой поддерживает биологические функции, игнорируя качество жизни, легко превращается из средства исцеления в инструмент пытки.

Если именно субъективное переживание делает боль злом, а облегчение — благом, то принуждение к продолжению невыносимого существования оказывается одной

из самых грубых форм насилия. Субъект не выбирает своего рождения, но именно он становится носителем тех состояний, ради которых вообще имеют смысл категории вреда, достоинства, страдания и облегчения. Поэтому общество, запрещающее добровольный уход из жизни, не только навязывает вход в существование без согласия, но и блокирует выход из него. В этом смысле запрет на гарантированный и безболезненный уход превращает жизнь в форму безвыходной пытки.

Поскольку внешний наблюдатель не имеет непосредственного доступа к чужому переживанию, именно сам субъект обладает наибольшими основаниями судить о пределе переносимости собственного существования. Право на смерть должно пониматься не как исключение, не как уступка и не как трагическая поблажка, а как прямое следствие признания субъекта единственным носителем морально значимого опыта.

С позиции разумного гедонистического эгоизма добровольный уход из жизни является логическим завершением осмысленного существования. Если критерием оценки остаётся баланс страдания и удовольствия, то продолжение мучительной жизни вопреки собственной рациональной оценке представляет собой не добродетель, а этическую ошибку. Никто не обязан терпеть боль ради абстрактных «ценностей жизни», культурных мифов, религиозных догм или чужого эмоционального комфорта. В случаях неизлечимой болезни, старческой дегенерации, необратимого распада личности или просто устойчивого отказа от дальнейшего существования человек не обязан предъявлять миру дополнительные оправдания.

Право распоряжаться собственной жизнью должно быть безусловным. Никакие внешние обстоятельства — наличие детей, супруга, родителей, социальных обязательств, предполагаемого «будущего улучшения», аффективного состояния или чьих-либо моральных взглядов — не могут служить достаточным основанием для запрета добровольного ухода из жизни. Сама идея, что кто-то вправе принуждать другого к продолжению существования против его воли, есть фундаментальное нарушение телесной и экзистенциальной неприкосновенности.

Подлинно свободное общество должно признать простую вещь: никто не обязан оправдывать своё желание жить или умереть. Право на смерть не должно зависеть от экспертиз, разрешений, унижительных проверок или одобрения третьих лиц. Любая система, в которой человек обязан доказывать достаточность собственного страдания, уже тем самым ставит под сомнение его статус как морального субъекта.

Практическая реализация этого права должна быть сосредоточена в специализированной независимой организации, действующей в правовом поле, но вне логики традиционной медицины. Больницы и врачи ориентированы на лечение и продление жизни; соединение этой функции с помощью в добровольном уходе создаёт глубокий этический конфликт. Отдельная структура должна обеспечивать только одно: безопасный, достойный, гарантированно безболезненный выход.

При этом необходимы строгие гарантии против злоупотреблений: такая организация должна действовать исключительно на некоммерческой основе, исключаящей любую финансовую заинтересованность в чьём-либо решении, а используемые методы должны быть исключительно надёжными, проверенными и гуманными.

Признание безусловного права на добровольный уход из жизни — это не популяризация суицида, а отказ превращать существование в обязательную повинность. Когда человек приходит к устойчивому решению завершить свою жизнь, цивилизованное общество должно не вставать у него на пути, а обеспечить ему возможность уйти без боли, без унижения и без принуждения продолжать то, что для него уже стало не жизнью, а мучительным удержанием в ней.

Ответственность перед нерождённым

С точки зрения РГЭ, признающего, что страдание в мире не просто преобладает над удовольствием, но и является фундаментальным условием существования, создание нового чувствующего существа становится актом неоправданного насилия. В детерминированной Вселенной, где каждое действие, мысль и решение предопределены, человек, порождающий жизнь, не просто принимает «решение» — он становится звеном в механизме, который обрекает другое существо на неизбежные мучения.

Но если никто не выбирает свои действия, можно ли вообще говорить об ответственности родителей? Традиционные представления о вине и наказании теряют основание — любое действие предопределено цепочкой причин, уходящей в бесконечность. Однако в рамках РГЭ ответственность не пропадает — она меняется: вместо наказания за прошлое появляется задача уменьшать страдания в будущем.

Индивиды — лишь сложные причинно-следственные системы, и их «вина» иллюзорна. Но их воздействие на мир реально. А значит, ответственность следует понимать не как моральный долг, навязанный извне, а как рациональное самоограничение, вытекающее из осознания последствий собственных действий. В таком контексте справедливость — не воздаяние, а предотвращение: построение общества, где знание о неизбежности страдания ведёт к отказу от воспроизводства нового чувствительного опыта.

Таким образом, высшим актом этического милосердия становится не насилие над уже существующими, а системное уменьшение вероятности появления новых жертв бытия через распространение знаний и радикальную переоценку ценности жизни.

Декларация права на смерть

Если свободы воли нет, то перед обществом встаёт жёсткий выбор:

- Полный отказ от ответственности — логично, но опасно («преступники» останутся безнаказанными).
- Симуляция «справедливости» — лицемерно, но привычно (людей наказывают за то, что они не могли не сделать).

Первый вариант честнее, но едва ли реализуем — людям психологически нужно верить в наказание «по заслугам». Второй — абсурден, но устойчив, потому что поддерживает иллюзию контроля.

Возможен ли третий путь — системное предотвращение страданий? Теоретически — да, но для этого требуется радикальный пересмотр всей морали. Пока же человечество цепляется за карательную систему, потому что альтернатива кажется либо анархией, либо холодным фатализмом.

Поскольку свободы воли не существует, родители не виноваты в том, что произвели на свет нового человека — они были лишь звеньями в цепи причин и следствий. Однако сам факт рождения навязывает страдание, а значит, единственным этичным компромиссом становится гарантированное право на смерть.

В условиях отсутствия свободы воли, где:

- Рождение — это навязанный акт (ребёнок не выбирал существование).
- Страдание — объективная данность (физическая/психическая боль неизбежны).
- Ответственность родителей — фикция (они тоже действуют в рамках причинно-следственных цепей).

Это право становится:

- Компенсацией за принудительное существование.
- Единственной формой подлинной автономии⁵⁷ в детерминированном мире.

Юридическая реализация. «Декларация права на смерть» — документ, который:

- Подписывается родителями при рождении ребёнка, становясь частью его юридического статуса.
- Обязывает государство предоставить человеку доступ к безболезненному и гарантированному методу эвтаназии без бюрократических препятствий и давления.

Почему это не насилие над родителями?

⁵⁷ В данном контексте автономия понимается не как метафизическая свобода выбора. Речь идёт о привилегированном эпистемическом доступе субъекта к собственным феноменальным состояниям. Поскольку только сам субъект непосредственно переживает интенсивность своего страдания, именно он обладает наибольшими основаниями для принятия решения о продолжении или прекращении существования.

- Они не несут моральной вины (их выбор — иллюзия), но являются инструментом причинения вреда (рождения).
- Декларация — не наказание, а механизм минимизации ущерба.

Практические последствия:

- Снижение числа суицидов с риском неудачи (прыжки с высоты, отравления) — вместо них гуманный выход.
- Уменьшение страданий у тех, кто не хочет жить, но боится боли/социального осуждения.
- Фильтр для родителей: осознание, что ребёнок сможет уйти, заставит многих отказаться от рождения (что соответствует антинаталистической этике).

Возражения и контраргументы:

- «Это поощрит суицид»: нет — это легализует уже существующее право на смерть, которое сегодня реализуется через насилие над собой.
- «Родители будут давить»: напротив, декларация запрещает давление — решение остаётся за ребёнком (или взрослым), когда он осознанно потребует метод.
- «Жизнь может наладиться»: но страдание уже было (например, детская травма), и никто не обязан терпеть годы боли в надежде на «исправление».

«Декларация права на смерть» — не радикальная идея, а базовый этический стандарт. Она не требует от родителей «карательной ответственности», но превращает рождение из абсолютной ловушки в условный договор: «Ты существуешь, пока хочешь — и всегда можешь уйти».

Глава 7: Вселенная. Крушение надежд

ЧАСТЬ 1. АРХИТЕКТУРА РЕАЛЬНОСТИ

Примечание. Прежде чем погрузиться в рассуждения о фундаментальной структуре реальности, необходимо сделать методологическую оговорку. Космология и метафизика мультивселенных — область умозрительных построений, где логическая строгость часто сталкивается с принципиальной непроверяемостью. Выводы, к которым мы придём, будут носить характер наиболее правдоподобных, с нашей точки зрения, гипотез, а не окончательных истин.

Если наши построения приведут к картине абсолютно детерминированного и безысходного мира, мы должны помнить: это лишь одна из возможных моделей. Её принятие парализует волю и делает бессмысленным любой поиск выхода. Поэтому, исследуя самую мрачную логическую перспективу, мы условно примем, что в наших рассуждениях может таиться ошибка, неочевидное допущение или пробел. Это «методологическое сомнение» даст нам право — и даже обязанность — вслед за анализом кошмара рассмотреть возможные пути сопротивления ему, пусть даже они будут иметь лишь локальный или гипотетический характер.

От случайности констант к неизбежности мультивселенной

Если тщательно проанализировать кажущуюся произвольность фундаментальных констант нашей Вселенной — величин, которые не выводятся из более глубоких принципов, а принимаются как данность (постоянная тонкой структуры $\approx 1/137$, соотношение масс протона и электрона ≈ 1836) — и при этом учесть философский тезис о невозможности абсолютного небытия, то мы приходим к логически неизбежному выводу: должны существовать все логически возможные варианты физических реальностей.

Абсолютное небытие⁵⁸ — это логический нонсенс, концептуальная пустота, которая не может быть «состоянием» по определению. Поэтому реальность в той или иной форме существует вечно. Но если это так, и если фундаментальные параметры действительно случайны, то единственной непротиворечивой картиной становится бесконечная мультивселенная, где реализованы все возможные комбинации законов и констант. Это сильный тезис — Принцип Полноты в его максимальной форме. Он не выводится с логической необходимостью из предыдущих посылок; скорее, он является наиболее естественным метафизическим выбором, если мы не хотим постулировать произвольных ограничений на то, какие вселенные могут существовать. А никаких оснований для таких ограничений у нас нет.

⁵⁸ **Небытие** — философское понятие, обозначающее полное и абсолютное отсутствие чего бы то ни было: не только материи, энергии, пространства и времени, но и потенциальности, законов, свойств и отношений, небытие подразумевает тотальную невозможность существования, изменения или порождения чего-либо.

Наша Вселенная — лишь одна из бесчисленных возможностей. Где-то гравитация в триллионы раз сильнее, делая невозможным существование структур. Где-то электромагнитное взаимодействие настолько слабо, что атомы не формируются. А где-то существуют иные, неведомые нам фундаментальные силы.

Если это так, то среди бесконечного разнообразия неизбежно присутствуют миры, в которых страдание доминирует абсолютно — либо как фундаментальное свойство материи, либо как единственная форма существования разумного опыта. В таких реальностях эволюция могла создать существ, способных только страдать, чьи нервные системы регистрируют исключительно боль, а физические законы превращают любое взаимодействие в мучительный процесс. Это «чистый ад» не как метафора, а как объективное состояние материи.

Более того, сама природа сложного опыта делает страдание неизбежным спутником любого развитого сознания (см. главу 5). Для устойчивых форм наслаждения требуется сложноорганизованная материя, способная поддерживать гомеостаз, — а это автоматически создаёт систему, где боль становится необходимым механизмом регуляции. Эволюционная логика в любом мире с конкуренцией превращает удовольствие лишь в инструмент выживания, а не в самоцель. Доминирование боли над наслаждением — системное свойство любой реальности, где есть сложные формы организации, отбор и ограниченность ресурсов. Мультивселенная не отменяет этот дисбаланс — она лишь предоставляет бесконечное разнообразие его проявлений.

Логический тупик индетерминизма и призрак тотального детерминизма

Однако сама идея «всех возможных миров» сталкивается с тонкой, но фатальной логической проблемой при попытке совместить её с индетерминизмом.

Если Принцип Полноты утверждает, что существует ансамбль всех логически возможных миров (все комбинации законов и состояний), и в нём должно соблюдаться Требование Уникальности (каждый мир уникален, повторов нет), то возникает парадокс.

Если мир индетерминирован — то есть его полное описание на «момент начала» (законы L + начальное состояние S_0) не определяет единственную историю, а лишь спектр возможных историй — то такой «мир» не может быть атомарным элементом статического ансамбля. Он сам содержит в себе целый ансамбль возможностей, что нарушает принцип уникальности и полноты одновременно.

Следовательно, для совместимости с Принципом Полноты каждый мир в мультивселенной должен быть жёстко детерминированным. Полное описание мира (L, S_0) однозначно и с математической необходимостью влечёт всю его историю ($S_1...S_t$). Мир становится законченным, статическим блоком — все его события, включая каждое страдание и каждую мысль, существуют вечно как часть его математической структуры.

Именно к этому выводу — что каждый мир в полной мультивселенной должен быть детерминирован — с неизбежностью приходят обе главные космологические теории, строящиеся на Принципе Полноты.

Макс Тегмарк в своей гипотезе Математической Вселенной (Уровень IV) постулирует несчётный океан всех математических структур. В этой картине наша Вселенная — не процесс, а статичный, четырёхмерный блок; все её ветвления и альтернативы сосуществуют вечно, и никакой «выбор» не может изменить то, что уже есть как математический факт.

Юрген Шмидхубер в своей Алгоритмической теории всего исходит из иных предпосылок: его мультивселенная счётна и состоит из выполняющихся компьютерных программ, упорядоченных по длине. Здесь время — реальный процесс вычисления, будущее ещё не «напечатано». Однако и эта картина не спасает индетерминизм. Квантовая случайность, которую мы наблюдаем в экспериментах, трактуется Шмидхубером как вычислимая псевдослучайность: для наблюдателя внутри системы она неотличима от истинной, но полностью предопределена кодом и начальными условиями. Разные исходы возможны — но только в разных вселенных с разными программами, а не в одной и той же.

Разные исходные послышки, разная математика, разные метафоры — статичный блок Тегмарка и выполняющееся вычисление Шмидхубера. Но финальный приговор идентичен: мир, понятый как структура или как вычисление, не оставляет места подлинной, онтологической неопределённости.

Наихудший сценарий: Библиотека предопределённых кошмаров

Объединяя эти линии, мы получаем наиболее последовательную и пугающую картину: если мультивселенная полна, а небытие невозможно, то реальность превращается в вечную библиотеку детерминированных миров.

Наша Вселенная, со всем её страданием, — не трагическая случайность в море возможностей. Она — неизбежный и уже «вычисленный» том в этой библиотеке. Каждое мгновение боли, каждая безнадежная попытка её избежать были закодированы в математической структуре этого мира с самого начала. Даже иллюзия выбора и неопределённости — часть программы.

В такой реальности страдание обретает статус вечной математической истины. Оно не «происходит» — оно просто есть, как часть статического блока пространства-времени. Надежда на изменение, спасение или даже на конечность мучений оказывается логически невозможной. Мы — не пленники. Мы — персонажи, и трагедия уже написана.

Это и есть конечный вывод: логика, доведённая до предела, рисует реальность, в которой существование не только мучительно по своему содержанию, но и безысходно по своей форме.

ЧАСТЬ 2. ПРИГОВОР ДЛЯ КАЖДОГО

Если этот космологический кошмар реален, если мир действительно устроен как библиотека предопределённых страданий, — какие последствия это имеет для каждого из нас? Мы привыкли думать о смерти как об освобождении, о нереальности мира как о спасении, о самоустранении человечества как о финальном акте милосердия. Но логика, доведённая до предела, разрушает и эти последние иллюзии.

Смерть — конец всему? Бытие и небытие

Мы цепляемся за мысль о смерти как о выходе — последнем прибежище, где наконец исчезнет боль. Но что, если это роковая ошибка? Что если смерти как небытия просто не существует в природе?

Современная физика не оставляет места абсолютному небытию. Даже в «пустом» космическом пространстве бурлит квантовый вакуум — море виртуальных частиц, постоянно рождающихся и исчезающих. Пустота в строгом смысле невозможна; «ничто» оказывается физически некогерентным понятием. Сама ткань реальности — это вечно флуктуирующее поле потенциалов.

Наше сознание — не эфирная душа, а самый сложный физический процесс. Миллиарды нейронов, электрические импульсы, синаптические связи — вся эта материальная организация, подчиняющаяся законам физики, порождает феномен субъективного опыта. И у нас нет никаких оснований полагать, что эта организация исчезает бесследно.

В мультивселенной, где реализованы все возможные комбинации материи и энергии, вероятность повторения любого паттерна стремится к единице. Вы рассыпаетесь на атомы сегодня — но где-то, когда-то, в другой вселенной, похожая конфигурация материи сложится снова. Не идентичная — для этого потребовалось бы воспроизвести каждую молекулу в точно том же состоянии, — но достаточная для порождения субъективного опыта.

И здесь кроется радикальный вывод: субъективная смерть невозможна в принципе. В момент, когда материальные условия снова сложатся в паттерн, способный породить сознание, вы «проснётесь» мгновенно, без всякого ощущения провала во времени. Для вас не будет тысячелетий между гибелью и новым рождением; будет лишь непрерывное «сейчас» — момент осознания себя, за которым немедленно последует столкновение с реальностью.

Вы будете рождаться снова и снова — в бесконечных вариациях, в бесчисленных телах, в бесчисленных мирах. Иногда человеком, иногда животным, иногда существом, чью форму мы не можем вообразить. Каждый раз это будет «вами» лишь в том смысле, что это окажется центром субъективной вселенной, точкой, из которой мир воспринимается как «здесь» и «сейчас». И для этого не требуется точного воссоздания вашей структуры — достаточно любой организации, способной породить сознание. После смерти ваша личность — воспоминания, характер — исчезнет навсегда. Но само качество осознанного существования, голый факт присутствия в мире, неизбежно повторится в другом носителе. Вы не проснётесь собой — вы проснётесь чем-то, что вновь испытает жгучую реальность бытия.

Последствия ужасают:

- Ваша личность исчезнет, но способность страдать останется вечной. Она будет переходить из тела в тело, из эпохи в эпоху, из вселенной во вселенную, не находя успокоения.
- Каждое новое сознающее существо — это, в субъективном смысле, ваше следующее пробуждение. Каждое животное, разрываемое хищником, каждая рыба, задыхающаяся в сетях, каждый старик, умирающий в одиночестве — это вы, не помнящие предыдущих смертей, но в полной мере переживающие текущую.
- Даже если человечество вымрет, а Земля сгорит — где-то в космосе вновь и вновь будут возникать существа, переживающие тот же базовый ужас осознанного существования. Звёзды будут рождаться и умирать, галактики разлетаться в темноту, но цепь пробуждений никогда не прервётся.

Страх небытия сменяется кошмаром обречённости на вечное пробуждение в новых формах, каждая из которых будет убеждена, что она — «настоящая», уникальная, единственная, пока не исчезнет, чтобы уступить место следующей. Даже если «вы» не повторитесь, само переживание бытия повторится бесконечно. И каждый раз — с той же свежестью страха, боли и отчаяния. Вселенная не просто жестока — она безжалостно эффективна в производстве страданий. Смерть, которую мы почитали как освободительницу, оказывается лишь временным отключением в бесконечной цепи мучительных пробуждений.

Симуляция: последняя иллюзия

Возвращаясь к парадоксу Ферми: если вероятность возникновения жизни во Вселенной столь высока, почему мы не наблюдаем её повсеместных проявлений? Этот молчаливый космос наводит на два фундаментальных предположения о судьбе развитых цивилизаций.

Первый вариант — самоуничтожение как попытка прекратить страдание. Однако этот путь наивен, и вот почему: даже если одна цивилизация уничтожит себя, жизнь неизбежно возникнет вновь — в других мирах, в других временных отрезках.

Полное искоренение жизни невозможно, ибо небытие — иллюзия, а материя вечна. Стрдание, будучи неотъемлемым спутником сложных форм организации, будет возрождаться снова и снова.

Второй, более вероятный вариант — бегство в искусственные реальности. Если жизнь не может устранить страдание в физическом мире, она может создать собственные виртуальные вселенные, где боль либо отсутствует, либо контролируется. Для этого требуется глубокое понимание природы сознания: что оно такое, как возникает, можно ли его перенести на иные носители. Если сознание — это процесс определённого типа обработки данных, то его можно симулировать, модифицировать или даже улучшить, устранив эволюционно закреплённые механизмы страдания.

Чтобы понять, возможен ли перенос сознания на иной носитель, необходимо сначала разобрать более фундаментальный вопрос — что происходит при точном копировании сознания на идентичный носитель. Рассмотрим классический мысленный эксперимент по созданию полной копии человека.

Из наших предыдущих рассуждений следует важный вывод: созданная копия безусловно будет обладать сознанием. Это положение вытекает из того, что сознание является продуктом определённой организации материи, и если эта организация воспроизведена с абсолютной точностью, то и сознание должно возникнуть в полной мере. Копия не будет «философским зомби» — пустой оболочкой без внутреннего опыта, поскольку в нашей картине мира квалиа неотделимы от соответствующих физических процессов.

Однако возникает более тонкий вопрос: как будет ощущать себя копия, если оригинал не уничтожается в процессе копирования? Согласно нашему анализу, оба существа — и оригинал, и копия — будут обладать полноценным сознанием, но это будут два разных субъекта опыта. Они будут идентичны во всех аспектах в момент создания копии, но с этого момента их «я» начнут расходиться, накапливая различные переживания и воспоминания.

Если же в процессе копирования оригинал уничтожается, ситуация становится ещё более загадочной. Субъективное «я», привязанное к исходному организму, действительно исчезает — это трудно осознать, но похоже на правду. Копия при этом будет обладать всеми воспоминаниями оригинала и будет чувствовать себя его продолжением, но с метафизической точки зрения это будет уже другое «я».

Этот парадокс можно проиллюстрировать аналогией: представьте, что ваше сознание — это пламя свечи. Если от одной свечи зажечь другую, получится два отдельных пламени. Если же погасить первую свечу, оставив вторую, — формально это другое пламя, хотя и идентичное по своей природе. Так и с сознанием: копия — это новое «пламя» субъективности, даже если оно в точности повторяет оригинал.

Из наших рассуждений следует фундаментальный вывод: при копировании сознания исходный носитель (оригинал) обречён оставаться в прежнем состоянии бытия, в то время как копия начинает собственное существование.

Особенно сложной становится ситуация при попытке цифрового копирования. Различия в базовых принципах работы биологического и искусственного носителей могут привести к тому, что цифровая копия сохранит все воспоминания и поведенческие паттерны оригинала, но при этом обретёт качественно иную форму субъективного опыта. Это создаёт парадокс: с одной стороны, мы можем создавать функционально эквивалентные копии сознания, с другой — никогда не сможем убедиться, что копия действительно переживает опыт так же, как оригинал. Проблема напоминает известный философский вопрос: как мы можем знать, что другие люди испытывают боль так же, как мы, если можем наблюдать только их внешние реакции?

Таким образом, даже если развитые цивилизации и находят убежище в искусственных мирах, это не решает проблему страдания — оно лишь воспроизводится в новых формах, порождая всё новые субъективности, неразрывно связанные с болью. Сама идея «переноса» сознания оказывается иллюзией: мы можем создать лишь копию, двойника, но не продлить собственное «я».

Но что, если наш собственный мир — тоже симуляция? Есть ли у нас шанс выбраться или хотя бы понять, что происходит?

Предположим, наш мир — искусственная конструкция, запущенная на некоем космическом компьютере. Знание об этом не даёт нам ничего: ни способности покинуть симуляцию, ни власти над ней. Тысячи людей убеждены, что живут в матрице, но продолжают просыпаться по будильнику, болеть раком и умирать. Обращения к «симуляторам» игнорируются — молитвы, ритуалы, прямые требования остаются без ответа. Если создатели существуют, им либо всё равно, либо они запретили себе вмешательство, либо мы — лишь фоновый процесс, на который никто не смотрит. Зло не наказывается, добро не вознаграждается: так называемые палачи умирают в своих постелях, а их жертвы — в муках. Если это игра, её правила либо отсутствуют, либо написаны чудовищем.

Даже осознавая иллюзорность мира, мы не можем его обойти — само понятие «обхода» предполагает дыры в коде, бэкдоры, консоль разработчика. Но симуляция не реагирует на наши попытки её нарушить. Она функционирует по железным законам, которые нам не дано изменить.

Однако самое страшное — в ином. Если симуляция реальна, наши страдания могут быть не багом, а фичей. Возможно, вся конструкция создана именно для производства боли: для эксперимента, для развлечения, для наказания. Мы не просто страдаем — мы страдаем по чьей-то воле. Смерть не становится выходом: если сознание можно симулировать один раз, ничто не мешает создателю запустить

новую копию. И даже «пробуждение» может оказаться лишь следующим уровнем — классический сюжет выхода из матрицы предполагает существование подлинной реальности, но что, если та реальность — тоже симуляция? Слои вложенности способны уходить в бесконечность, и мы никогда не сможем убедиться, что достигли «настоящего» мира.

Гипотеза симуляции не открывает дверь к спасению. Она лишь добавляет ещё один слой к нашему кошмару: возможность того, что наш ужас — не случайность слепой природы, а чей-то замысел. И от этого знание становится не освобождением, а пыткой высшего порядка. Мир либо бессмысленно жесток, либо бессмысленно абсурден — и в обоих случаях нам не спастись.

Отчаяние: природа продолжит страдать без нас

Как отмечал Майнлендер, единственное истинно нравственное действие — добровольный отказ от участия в бесконечном цикле муки. Но даже если человечество исчезнет в акте коллективного самоустранения, это не станет концом страданий — лишь крошечной паузой: 99,9% страданий на Земле продолжится без нас.

Представьте: последний человек закрывает глаза. В лесах Амазонки ягуары продолжают разрывать спины обезьян, пока те ещё живы и кричат. В океане рыбы продолжают заглатывать друг друга, медленно переваривая заживо. Под корой личинки ос продолжают выедать внутренности гусениц, оставляя им ровно столько жизни, чтобы не умерли раньше времени.

Природа, которую мы романтизируем как «гармоничную», — на самом деле арена, где каждое существо обречено на голод, болезни, паразитов, замерзание, удушье. И так — миллиарды лет, каждый день, каждую секунду, без перерыва.

Без человека мир не станет лучше — он просто потеряет единственный вид, способный задаться вопросом: «А должно ли так быть?».

Но и это не главное.

Даже если вся земная жизнь исчезнет — фундаментальные законы мироздания останутся. И где-то во Вселенной, в другой планетной системе, неизбежно возникнет новая жизнь. Новая нервная система. Новый способ чувствовать боль.

Физика неумолима: пока есть условия для возникновения жизни — жидкая вода, источник энергии, углеродная химия — будет возникать и жизнь. А где есть жизнь, там есть эволюция. А где есть эволюция, там есть нервная система как инструмент выживания. А где есть сложная нервная система, там есть боль.

Это не биологическая случайность. Это физическая необходимость.

Наше исчезновение ничего не изменит. Динозавры страдали 170 миллионов лет и исчезли. Им на смену пришли мы. Мы исчезнем — нам на смену придут другие. Или не на Земле, так на Эридане; не в этой галактике, так в Андромеде.

В этом последний ужас: мы не просто не можем победить страдание — мы не можем даже гарантировать, что наша жертва что-то изменит. Мир будет продолжать существовать по своим жестоким законам, равнодушный к нашему самопожертвованию, как равнодушен к крику мыши, раздавленной колесом.

Мы можем отказаться рожать — природа продолжит рожать без нас. Мы можем уйти — природа останется. Мы можем кричать — природа не услышит.

И в этом молчании, в этом абсолютном, космическом равнодушии к нашему отчаянию — самая глубокая пропасть безысходности. Мы не просто обречены — мы незначительны. Наша боль, наша борьба, наше осознание — лишь локальная флуктуация в вечном, бездумном процессе, который будет длиться, пока длится Вселенная, и не остановится ни на секунду ради того, чтобы хотя бы одна слеза не была пролита напрасно.

ЧАСТЬ 3. ПОПЫТКИ ВЫХОДА

О невозможности уничтожения мира и этике преобразования реальности

Природа реальности такова, что полное уничтожение существующего мира невозможно в принципе. Даже самые катастрофические сценарии представляют собой не прекращение бытия, а лишь его радикальное видоизменение. Этот фундаментальный физический закон ставит перед нами сложнейшую этическую дилемму: если сама структура реальности порождает страдание как неотъемлемый компонент существования сложных систем, а окончательное «выключение» невозможно, какие стратегии минимизации боли остаются нам доступны?

Многие философы и мыслители предлагали радикальные проекты уничтожения или преодоления реальности, исходя из представления о страдании как фундаментальном свойстве бытия. Эти концепции, однако, опирались на допущение принципиальной возможности полной реализации таких сценариев:

- В буддийской традиции идеал нирваны понимался как окончательное прекращение цикла перерождений (сансары) и угасание всех форм страдания. Хотя классический буддизм говорил прежде всего о личном освобождении, некоторые его интерпретации (например, в махаяне) развивали идею «освобождения всех существ», что имплицитно предполагало возможность тотального преодоления природы реальности как страдания.
- Артур Шопенгауэр в своей философии «мировой воли» предлагал путь универсального отрицания воли к жизни через аскетизм. Он верил, что если достаточное количество людей достигнет просветленного понимания

иллюзорности индивидуального существования, это может привести к «самоупразднению» мировой воли как метафизической основы страдания.

- Эдуард фон Гартман, развивая идеи Шопенгауэра, предлагал проект коллективного самоуничтожения человечества через развитие «всеобщего разума». В его эсхатологической⁵⁹ концепции технологически развитое человечество будущего должно было осознать бессмысленность существования и добровольно прекратить воспроизводство жизни, что привело бы к «освобождению от мира».
- В русском космизме (особенно у Н.Ф. Фёдорова) существовала идея «регуляции природы», которая в крайних интерпретациях предполагала возможность радикального преобразования самой структуры реальности для устранения страдания и смерти.
- Современные антинаталисты и представители философии «добровольного вымирания человечества» предлагают программы постепенного прекращения биологического воспроизводства как способ «уничтожения мира» через устранение его субъективного переживания.

Все эти концепции объединяет общая черта — они предполагают возможность полной и окончательной реализации проекта преодоления реальности, будь то через метафизическое самоотрицание (Шопенгауэр), технологическое самоуничтожение (Гартман) или прекращение воспроизводства сознания (антинатализм). Однако, как показывает современное понимание физических законов и природы реальности, подобные проекты сталкиваются с принципиальными ограничениями:

- Материя и энергия не могут быть уничтожены, а лишь преобразованы.
- Даже полное прекращение биологической жизни не гарантирует невозникновения иных форм чувствительности.

Таким образом, исторические философские проекты «уничтожения реальности», несмотря на свою логическую стройность и этическую мотивацию, оказываются неосуществимыми в свете современных знаний о фундаментальных законах мироздания. Это не отменяет ценности этического импульса, стоящего за этими идеями, но требует переосмысления стратегий работы со страданием в рамках принципиально непреодолимой структуры бытия.

Преобразование реальности: единственный путь?

Если уничтожение реальности не является доступным решением, остаётся поставить следующий вопрос: возможно ли не прекращение бытия, а его радикальное переустройство? Единственный последовательный выход — преобразование фундаментальных свойств мироздания таким образом, чтобы в нём больше не могли возникать системы, способные испытывать страдание.

⁵⁹ **Эсхатология** — религиозное или философское учение о конечной судьбе мира и человечества, о конце света и посмертном существовании.

Что значит «преобразовать реальность»? Под преобразованием подразумевается не уничтожение мира, а его переход в такое состояние, где:

- Невозможно возникновение сложных чувствующих систем — даже если панпсихизм верен и элементарные формы протоквалиа (простейшего субъективного опыта) существуют на фундаментальном уровне, они не должны складываться в полноценное страдание.
- Исключены условия для появления неудовлетворённых потребностей — чтобы ни в какой форме не могла возникнуть фрустрация, боль или мучительное желание.
- Исчезает сама возможность эволюции страдания — никакие процессы (биологические, цифровые или иные) не должны приводить к появлению новых форм чувствительности.

Хотя такая задача кажется фантастической, она является единственным логически последовательным ответом на открывшуюся нам картину. Если нельзя уничтожить реальность, но нельзя и принять её текущую, страдательную форму, остаётся только одно: её пересоздание. Современная физика, что парадоксально, уже намечает контуры инструментов для этого.

Однако прежде чем мы погрузимся в рассмотрение этих гипотетических технологий, мы обязаны задать вопрос, который делает всю космическую инженерию — даже будь она технически осуществима — метафизически подозрительной. Вопрос этот прост и ужасен: какой смысл аннигилировать материю в нашей Вселенной, если мультивселенная бесконечна и содержит все логически возможные миры?

Если Принцип Полноты верен, то где-то, в бесконечном ансамбле реальностей, уже существует Вселенная, идентичная нашей во всём, кроме того факта, что в ней мы не запустили фазовый переход. И более того: существует бесконечное множество таких вселенных. Наш успех не уменьшит суммарное количество страдания в мультIVERSE — оно останется бесконечным. Мы не вычитаем боль из общего уравнения; мы лишь создаём ещё один, дополнительный мир, свободный от боли, не устраняя ни одного из уже существующих адом.

Более того, сама логика бесконечности требует не только существования «исправленных» копий нашего мира, но и их «обратных» аналогов. Если полная мультивселенная действительно содержит всё, что логически возможно, то в ней с необходимостью присутствуют миры, где преобразование реальности привело к ещё более изощрённым формам страдания. Мы не можем гарантировать, что наш проект окажется в меньшинстве; мы не можем даже гарантировать, что он окажется в большинстве. В бесконечности любое конечное соотношение теряет смысл.

Это не техническое возражение. Это онтологический приговор. В бесконечной мультивселенной локальное спасение становится статистически ничтожным. Мы можем превратить нашу Вселенную в рай — и это не будет иметь никакого

значения для общей суммы боли. Где-то, в бесконечной библиотеке миров, наш ад продолжит существовать вечно, и никакая космическая инженерия не способна изъять этот том из собрания.

Но здесь, в самой глубокой точке отчаяния, мы обязаны вернуться к методологическому сомнению, с которого начинали. Наше понимание мультивселенной, бесконечности и Принципа Полноты — это логически непротиворечивая, но принципиально непроверяемая гипотеза. Мы не можем доказать, что бесконечность действительно содержит все варианты; мы не можем исключить, что в наших рассуждениях скрыта фатальная, неочевидная ошибка. Космология остаётся наукой о ненаблюдаемом, и её выводы, при всей их железной логике, никогда не станут фактами в том же смысле, в каком фактом является падение камня.

Но даже если мы отбросим это сомнение — даже если допустим, что мультивселенная бесконечна и полна, а наш проект локального спасения статистически ничтожен, — остаётся нечто, что никакая бесконечность не способна аннулировать.

На планете Земля живут 8 миллиардов человек. Каждый из них — целая вселенная боли, страха, надежды и отчаяния. И сказать, что жизнь одного человека ничего не значит на фоне 8 миллиардов — значит не понимать самой природы этики. Мы никогда не говорим: «Раз страдают миллиарды, незачем спасать этого одного». Мы никогда не думаем: «Раз смерть неизбежна, незачем лечить эту болезнь». Напротив — именно масштаб катастрофы делает каждое индивидуальное спасение бесконечно ценным.

Мультивселенная не отменяет этой логики. Она лишь сообщает ей космическое измерение.

Да, где-то в бесконечности существуют миры, где наш проект провалился, и миры, где мы никогда даже не пытались его начать. Да, сумма страдания остаётся бесконечной независимо от наших усилий. Но здесь, в этой Вселенной, в этой точке пространства-времени, в этом конкретном моменте бытия, мы можем сделать так, чтобы какая-то часть страдания — пусть ничтожная, пусть исчезающе малая в масштабе космоса — перестала существовать.

Здесь автор обязан сделать, возможно, самую неудобную и честную оговорку во всей книге. Если существует её наиболее слабое место, то, вероятно, оно именно здесь — в переходе от тотального пессимизма к утверждению, что локальное уменьшение страдания всё же сохраняет смысл. Логика, доведённая до предела, действительно способна парализовать: если реальность есть бесконечное воспроизводство боли, если любые наши усилия статистически ничтожны, если даже уничтожение локальных форм страдания не меняет общей структуры бытия, то сама идея действия начинает казаться не более чем последней психологической защитой от окончательного отчаяния.

Я не могу полностью опровергнуть это возражение. Более того, именно оно представляется мне самым тяжёлым во всей конструкции книги. И всё же вывод о необходимости действия возникает здесь не как оптимистичная заплатка, не как возвращение к утешительным иллюзиям и не как вера в скрытую доброжелательность мира. Он возникает как попытка — возможно, последняя и философски не до конца защищённая, но единственная, которую я не могу отбросить без остатка.

Пока тотальный приговор реальности остаётся метафизической моделью, а не абсолютно установленным фактом, отказ от всякой попытки уменьшить конкретное страдание был бы не строгим выводом, а ещё одним шагом веры — на этот раз веры в окончательную бесплодность любого сопротивления. Поэтому действие сохраняется здесь не как надежда, а как жест вопреки параличу; не как уверенность в спасении, а как отказ добровольно встать на сторону уже существующего ужаса.

С этой безнадежной, но некапитулирующей ясностью мы и должны рассматривать те немногие инструменты, которые современная физика оставляет нам для борьбы с реальностью.

Фазовый переход в истинный вакуум

Фазовый переход в истинный вакуум представляет собой наиболее фундаментальный из теоретически возможных способов преобразования реальности. В современной физике вакуум понимается не как пустота, а как состояние с минимальной энергией, определяющее фундаментальные свойства нашей Вселенной. Согласно квантовой теории поля, наш вакуум может быть «ложным» — метастабильным состоянием, способным при определенных условиях перейти в более устойчивую конфигурацию с иными физическими законами.

Механизм такого перехода можно представить как «пузырь» истинного вакуума, возникающий случайно или искусственно, который затем расширяется со скоростью света, преобразуя всю встречающуюся на его пути материю. Внутри этого пузыря устанавливаются совершенно новые физические константы: могут исчезнуть сильные ядерные взаимодействия, необходимые для существования атомов; измениться природа электромагнетизма, делая невозможным формирование сложных молекул; или вообще может исчезнуть сама возможность возникновения каких-либо устойчивых структур.

Особенно важно, что такой переход радикально решает проблему страдания на самом фундаментальном уровне. Даже если принять гипотезу панпсихизма (что элементарные формы опыта присущи всей материи), в новом вакуумном состоянии протоквалиа либо перестанут существовать, либо окажутся настолько простыми, что не смогут складываться в полноценное страдание. Не будет ни нейронных

сетей, способных к сложной обработке боли, ни даже простейших организмов, испытывающих что-либо подобное дискомфорту.

Технически инициирование такого перехода потребовало бы либо:

- Создания экстремальных энергетических условий (возможно, в ускорителях частиц следующего поколения), где мог бы спонтанно зародиться пузырь нового вакуума.
- Направленного изменения квантовых полей через неизвестные пока технологии, позволяющие «подтолкнуть» систему через энергетический барьер.
- Использования космологических процессов для создания условий перехода в масштабах всей Вселенной.

Создание и стабилизация микроскопической чёрной дыры

Одним из теоретически возможных способов радикального изменения реальности является искусственное создание микроскопической чёрной дыры с последующей её стабилизацией.

1. Как можно создать микроскопическую чёрную дыру?

Современные физические теории (в частности, некоторые модели квантовой гравитации и теории струн) допускают возможность образования чёрных дыр микроскопических размеров. Такие объекты могли бы возникать:

- В первые мгновения после Большого взрыва (первичные чёрные дыры), если плотность флуктуаций материи была достаточно высокой.
- В столкновениях частиц при экстремальных энергиях, например, в ускорителях следующего поколения.
- Если бы человечество (или иная цивилизация) научилось концентрировать энергию в достаточно малом объёме.

Чёрные дыры, даже микроскопические, обладают рядом свойств, которые делают их потенциальным инструментом глобального преобразования реальности:

- Они поглощают любую материю, с которой вступают в контакт, увеличивая свою массу.
- Согласно теории Хокинга, маленькие чёрные дыры испаряются, но если их подпитывать материей, этот процесс можно замедлить или остановить.
- Если такая чёрная дыра окажется внутри планеты или звезды, она начнёт поглощать их изнутри, постепенно уничтожая.

2. Как стабилизировать чёрную дыру для контролируемого преобразования?

Главная проблема микроскопических чёрных дыр — их крайне быстрое испарение из-за излучения Хокинга. Чтобы использовать их как инструмент преобразования реальности, потребовалось бы:

- Найти способ непрерывно «подкармливать» чёрную дыру материей, не давая ей испариться.
- Удерживать её в стабильном состоянии, возможно, с помощью магнитных полей или иных технологий, пока она не поглотит нужный объём материи.

Если бы это удалось, можно было бы использовать чёрную дыру как «уничтожитель материи», постепенно разбирая звёзды, планеты и даже галактики на элементарные частицы.

Странная материя

Странная материя представляет собой гипотетическую форму кваркового⁶⁰ вещества, состоящую из примерно равного количества верхних, нижних и странных кварков. Согласно современным физическим теориям, такая конфигурация может являться наиболее стабильным состоянием материи в природе — своеобразным «атомным фундаментом» реальности. Если эта гипотеза верна, то при определенных условиях странная материя могла бы выступать мощным инструментом преобразования реальности, постепенно трансформируя обычную материю в свою структуру через процесс «странного заражения».

Механизм такого преобразования выглядит следующим образом: при контакте странной материи с обычными атомными ядрами происходит их перестройка в более стабильную кварковую конфигурацию. Каждый протон или нейтрон, соприкоснувшись со странной материей, теоретически должен преобразовываться в страпельку (strangelet) — компактную каплю странного кваркового вещества. Этот процесс мог бы распространяться цепной реакцией, постепенно превращая всю встречную материю в сверхплотную странную форму. По оценкам физиков, для запуска полномасштабного преобразования земного вещества достаточно было бы страпельки размером всего в несколько фемтометров.

Странная материя потенциально способна изменять базовые физические характеристики:

- Исчезает привычная атомная структура вещества.
- Кардинально меняются ядерные взаимодействия.
- Возникает принципиально новая форма организации материи.

Распад протонов

⁶⁰ **Кварки** — фундаментальные частицы в Стандартной модели физики элементарных частиц, неделимые составляющие протонов, нейтронов и других адронов.

Теоретическая возможность распада протонов представляет собой один из наиболее фундаментальных способов изменения структуры материи. В отличие от других радикальных методов (фазового перехода вакуума, чёрных дыр или странной материи), этот подход нацелен на разрушение самих строительных блоков вещества. Если бы удалось инициировать контролируруемую цепную реакцию распада протонов, это привело бы к постепенному преобразованию всей барионной⁶¹ материи Вселенной в излучение и лептоны, эффективно устраняя возможность существования сложных структур, включая биологические носители сознания. Для практической реализации потребовалось бы:

- Создание условий для спонтанного распада (сверхвысокие энергии/температуры).
- Разработка механизма распространения эффекта.
- Контроль скорости процесса.

Теоретически, если создать «семя» распада (область пространства с нарушенной стабильностью протонов), процесс мог бы распространяться:

- Через квантово-механическое туннелирование.
- Посредством образования топологических дефектов.
- Через фазовые переходы в вакууме.

Фундаментальные ограничения и риски

Несмотря на кажущуюся радикальность, все эти методы сталкиваются с одними и теми же непреодолимыми проблемами, которые делают их либо технически неосуществимыми, либо этически неприемлемыми, либо — что хуже всего — и тем и другим одновременно.

1. Космологическая тщетность: скорость света и расширение Вселенной.

Любой процесс преобразования, будь то пузырь нового вакуума, странное заражение или фронт распада протонов, ограничен фундаментальным пределом скорости света. Наша же Вселенная не просто огромна — она расширяется с ускорением. Это означает, что даже если запустить переход сегодня, он никогда не достигнет удалённых галактик. Огромные области космоса навсегда останутся нетронутыми и продолжают рождать новые формы жизни и страдания в течение триллионов лет. Мы не можем «выключить» Вселенную — мы можем лишь создать локальный островок иной реальности в бескрайнем море боли.

2. Эпистемическая слепота: непредсказуемость результата.

⁶¹ **Барионная материя, лептоны и излучение** — три формы вещества и энергии. Барионная материя (протоны, нейтроны) составляет видимую Вселенную. Лептоны (электроны, нейтрино) — элементарные частицы, не состоящие из кварков. Излучение (фотоны, гамма-кванты) — энергия в форме электромагнитных волн, не имеющая массы. Распад протонов преобразует барионную материю в лептоны и фотонное излучение, уничтожая основу для сложных структур, включая органическую жизнь.

Главная проблема любого радикального преобразования реальности заключается в нашей принципиальной неспособности предвидеть конечный результат. Мы хотим нажать кнопку «стоп», но не знаем, включит ли эта кнопка ад — возможно, даже худший, чем тот, от которого мы пытались спастись.

Новый вакуум, возникающий в результате фазового перехода, может обладать законами, которые мы не в состоянии предсказать. Теоретически он мог бы породить неизвестные нам формы чувствительности — возможно, даже более интенсивные и изошрённые, чем всё, что существует сейчас. Материя, поглощённая чёрной дырой, не исчезает бесследно в том смысле, в каком мы хотели бы; её конечная судьба остаётся предметом споров, и мы не можем исключить, что в процессе коллапса или последующего испарения возникнут новые, неведомые нам состояния. Странная материя, даже если она стабильна, сама по себе может оказаться субстратом для неизвестных форм организации, а с ними — и для новых типов сознания, чьё страдание будет столь же реальным, сколь и непредставимым для нас. Распад протонов, в свою очередь, может сопровождаться образованием экзотических частиц с непредсказуемыми свойствами.

Мы находимся в положении хирурга, который оперирует вслепую, не зная анатомии пациента и не имея гарантий, что после операции организм не станет функционировать ещё хуже, чем до неё. Наше незнание фундаментальных законов бытия делает любой проект тотального преобразования реальности актом колоссального риска.

3. Технологическая недостижимость в обозримом будущем.

Все описанные методы требуют энергий и технологий, которые на многие порядки превосходят всё, чем человечество обладает сегодня. Энергии, необходимые для инициирования фазового перехода вакуума или создания стабильной микроскопической чёрной дыры, находятся далеко за пределами возможностей современных ускорителей частиц.

Хотя нельзя исключать, что в отдалённом будущем — через столетия или тысячелетия — человечество сможет подойти к решению этих задач, сегодня мы не имеем даже полных теоретических моделей, описывающих такие процессы. Мы не знаем наверняка, существует ли стабильная странная материя в природе, распадаются ли вообще протоны. Без ответа на эти фундаментальные вопросы любые разговоры о практическом применении остаются в области чистой спекуляции.

4. Моральная неопределённость и право на существование.

Даже если предположить, что все технические проблемы когда-нибудь будут решены, а последствия окажутся предсказуемыми и желаемыми, остаётся вопрос, который ставит под сомнение сам этический статус любого проекта тотального преобразования: право на существование тех, кто не давал на это согласия.

Акт «освобождения» мира от страдания путём его тотального преобразования без согласия обитателей — это действие, моральный статус которого остаётся глубоко неопределённым. Можно ли считать благом уничтожение всех, включая тех, кто не просил об избавлении? Этот вопрос не имеет очевидного ответа.

Минимальный этический долг

Радикальные проекты преобразования реальности пока остаются в значительной степени спекулятивными, технически недоступными и метафизически не до конца прояснёнными. Однако было бы поспешно объявлять этот горизонт навсегда закрытым. Не исключено, что в будущем — и, быть может, не столь отдалённом, как нам сегодня кажется, — появятся способы вмешательства в фундаментальные условия существования, которые сейчас доступны нам лишь как предельные гипотезы. До тех пор, пока такие возможности не стали реальными, остаётся то, что поддаётся изменению уже сейчас: уменьшение конкретного страдания в доступном нам масштабе.

Это и есть минимальный этический долг в мире, где страдание уже дано нам как неустранимый факт. Мы не можем устранить страдание во всей полноте реальности. Но можем уменьшать его там, где это зависит от нас.

Что мы можем делать уже сейчас?

- Распространять знание о природе страдания и об антинаталистической этике. Люди должны понимать, что рождение — не нейтральный акт, а навязывание жизни без согласия, а значит, и навязывание боли, утраты и смерти.
- Поддерживать бездетность. В условиях, где жизнь неотделима от страдания, отказ от рождения новых существ может рассматриваться как акт милосердия.
- Развивать технологии устранения страдания. Это касается как медицины, паллиативной помощи и права на добровольный уход из жизни, так и будущих направлений в области нейромодуляции, искусственного интеллекта и иных способов уменьшения боли.
- Продвигать этику, основанную на минимизации вреда. Не абстрактное «счастье», не возвышенные мифы о предназначении, а конкретное уменьшение страдания должно становиться главным критерием действия.

Этого мало. Но всё остальное либо пока недоступно нам, либо ещё не вышло из области предельной гипотезы. Поэтому именно локальное уменьшение боли остаётся на данном этапе единственной практически оправданной формой сопротивления реальности в её нынешнем виде.

Заключение

Многие рассуждения, представленные в этой книге, могут оказаться ошибочными — история науки и философии ясно показывает, что человечество неоднократно заблуждалось в своих попытках описать реальность. Наши теории о природе сознания, мультивселенной или возможностях преобразования материи могут быть столь же наивными, как средневековые представления о мироздании. Однако есть один аспект, в котором мы вряд ли ошибаемся — это непосредственный чувственный опыт страдания. Даже самые убеждённые отрицатели квалиа, подвергнутые невыносимой боли, вынуждены признать: страдание существует, и это не абстракция, а фундаментальный факт нашего бытия.

Мы — продукт слепых космических процессов, и эволюция, бессмысленно оптимизируя нас для выживания, наделила нас способностью чувствовать. В этом нет ни пессимизма, ни оптимизма — только трезвая констатация. Реальность устроена так, что страдание является её системным свойством. В каком-то смысле можно даже позавидовать пессимистам прошлого: они хотя бы верили, что из этого кошмара есть выход — будь то нирвана, апокалипсис или коллективное самоуничтожение. Сегодня же мы приближаемся к куда более мучительному выводу: возможно, мы ничего не сможем с этим поделать. Долгая история Вселенной, которая продолжает существовать в своём жестоком виде, наводит на мысль, что радикальное «уничтожение» этого мира недостижимо. Даже уход в виртуальные реальности не гарантирует спасения, ибо зависит от таких же неразумных существ, порождённых неразумной вселенной.

Но если и есть проблеск надежды, то он в том, что когда-нибудь найдутся существа — или множество существ, — которые, сами будучи лишь звеньями в цепи причинности, смогут стать инструментами освобождения хотя бы части этого мира от страдания. В том и состоит парадокс нашего положения: мы — порождение тех самых слепых сил, что обрекли мир на страдание, но именно эта слепая причинность, достигнув в нас способности к рефлексии, может породить и действие, направленное против самой себя. Не вопреки, а благодаря.

Попытка уменьшить боль остаётся единственным этически оправданным действием — не потому, что мы можем победить систему, а потому, что сама система в лице нас обретает шанс на самоисцеление.

Эта книга — субъективное видение добра и зла, и у других людей оно может быть иным. Она появилась как естественный элемент причинно-следственных связей этой Вселенной, и в этом смысле в ней нет ничего инородного. Мы все — элементы единого целого, и это не мистическое откровение, а констатация факта: мы состоим из той же материи и подчинены тем же законам, что и всё сущее. Относитесь ко всему живому с состраданием — не потому, что это «правильно», а потому, что в этом холодном механизме мироздания мы все — и человек, и зверь, и, быть может, даже дрожащий лист на ветру — одинаково одиноки перед лицом страдания.

Авторы

Философия пессимизма и этические вопросы:

Arthur Schopenhauer — основоположник современного философского пессимизма, концепция «мировой воли».

Philipp Mainländer — философия «воли к смерти» как искупления бытия.

Eduard von Hartmann — «Философия бессознательного», идея коллективного самоуничтожения как цели эволюции.

Peter Wessel Zapffe — трагедия человеческого сознания как чрезмерно развитой биологической функции.

Emil Cioran — эссеистический пессимизм.

Thomas Ligotti — «Заговор против человеческой расы», синтез философского пессимизма и хоррора.

David Benatar — современный антинатурализм, асимметрия между страданием и удовольствием.

David Pearce — трансгуманистический проект «аболиционизма» (искоренения страдания).

Brian Tomasik — этика минимизации страдания, анализ рисков искусственного интеллекта.

Vadim Filatov — автор книги «Этика небытия. Жизнь без смысла: самая печальная философия».

Философия сознания и свобода воли:

David Chalmers — «трудная проблема сознания».

John Searle — критика сильного ИИ, «китайская комната».

Thomas Metzinger — феноменальное «Я» как туннель реальности, этика сознания.

Robert Sapolsky — нейробиологический детерминизм, отрицание свободы воли.

Сайт: fracture-of-being.com
Электронная почта: vizor555@proton.me